Тома Фрэсс

9 жизней Антуана де Сент-Экзюпери

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это самое необычное путешествие в мир Антуана де Сент-Экзюпери, которое когда-либо вам выпадало. Оно позволит вам вместе с автором «Маленького принца» пройти все 9 этапов его духовного перерождения – от осознания самого себя до двери в вечность, следуя двумя параллельными путями – «внешним» и «внутренним».

«Внешний» путь проведет вас след в след по всем маршрутам пилота, беззаветно влюбленного в небо и едва не лишенного этой страсти; авантюриста-первооткрывателя, человека долга и чести. Путь «внутренний» отправит во вселенную страстей и испытаний величайшего романтика-гуманиста XX века, философа, проверявшего все свои выкладки прежде всего на себе.

«Творчество Сент-Экзюпери не похоже на романы или истории – расплывчато-поэтические, но по сути пустые. Это эксперимент – нам предлагается жизненный опыт, боль и каждодневная борьба. Там нет места бездеятельному счастью или блаженному оптимизму, зато есть радость борьбы, а это – единственный путь, позволяющий найти свое место в жизни. Его опыт – это прежде всего боль, любовь, не вошедшая в привычку, блуждание практически на грани невозможного…»

- Тома Фрэсс
  - ○
  - ○
  - ○ Введение. Одинокий наблюдатель
  - ○ Главные путешествия. География Сент-Экзюпери
  - ○ Жизнь, полная путешествий
  - ○ Глава 1. Молодые годы: между «суверенной защитой» и блужданием
  - ○ Глава 2. Линия: рождение взгляда
  - ○ Глава 3. Кап-Джуби, путь к оазису: приручение пустыни
  - ○ Глава 4. Страна летающих камней: «Аэропосталь» и американский героизм
  - ○ Глава 5. «Здесь расстреливают, как рубят деревья в лесу»: критика идеологий
  - ○ Глава 6. Несчастный случай в Ливии: универсальное братство
  - ○ Глава 7. Жизнь без приключений: интеллектуал и писатель
  - ○ Глава 8. Военный опыт: к философии действия

- Глава 9. «Человеческий муравейник»: растворимый мир
- Глава 10. Последний полет: его внутренняя «гора» и ответственность
- Заключение. Линия часовых
- По следам Сент-Экзюпери
- Хронология. Основные даты
- Основные произведения Антуана де Сент-Экзюпери
- Некоторые книги Антуана де Сент-Экзюпери и об Антуане де Сент-Экзюпери
- Генеалогическое древо Антуана де Сент-Экзюпери
- Семейство Сент-Экзюпери
- Вселенная Антуана де Сент-Экзюпери
- Библиография
- Об авторе этой книги

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63

Тома Фрэсс
9 жизней Антуана де Сент-Экзюпери

© Нечаев С.Ю., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление «Издательство «Э», 2016

* * *

Моему отцу Жерару и моему деду Чеславу.

Спасибо Жюстин Венон, а также Клэр и Марку Тардьё за то, что они приносят в этот мир.

Спасибо моим друзьям, моей матери и Анри за их постоянную поддержку.

Введение. Одинокий наблюдатель

РЕДКИ ТЕ СЛОВА, что способны вдохнуть жизнь. Слова Антуана де Сент-Экзюпери, содержащиеся в его книге «Планета людей», крутятся во мне уже в течение длительного времени: «Спасенье в том, чтобы сделать первый шаг. Еще один шаг. С него-то все и начинается заново». Я не понимал их, не принимал их. Все во мне восставало против этих слов. Я уже давно отчаялся, ведь так легко верить в судьбу. Но постепенно они устоялись во мне, и я их понял. С этого дня я постоянно думаю об этом первом шаге, которым мы без устали начинаем все заново, и это есть единственно возможная мудрость.

Творчество Сент-Экзюпери не похоже на романы или истории – расплывчато-поэтические, но по сути пустые. Это эксперимент – нам предлагаются жизненный опыт, боль и каждодневная борьба. Там нет места бездеятельному счастью или блаженному оптимизму, зато есть радость борьбы, а это – единственный путь, позволяющий найти свое место в жизни. Его опыт – это прежде всего боль, любовь, не вошедшая в привычку, блуждание практически на грани невозможного. В этом я считаю себя связанным с ним. Мне близка фраза из «Цитадели», которая применима к любому из нас: «Если дом твой разорен, продан, что тебе делать с любовью к дому? Но это значит, что наступил час преображения, а он всегда причиняет боль». Сент-Экзюпери учит нас, что любовь, не вошедшая в привычку, порождает боль, но это не окончательно, ибо в любой момент можно из этого выйти. Идя против самого себя и против наклона горы, незаметно начинаешь себя преодолевать. И он научил меня тому, что, чтобы *жить с,* надо *жить для*, надо защищать то, что стоит защищать. Он научил меня, что не нужно вести перечень своих ран, что уместно смотреть прямо перед собой, что ничего не увидишь, постоянно смотрясь в зеркало.

Путешествие, в которое приглашает нас Сент-Экзюпери, – это путь преображения, на котором мы узнаем, что боль ослабевает, давая подняться человеку внутри нас. Его плоть страдает, но не он сам. Его тело может не выдержать тяжесть обязательств, но человек, находящийся внутри, выдержит все. Сегодня я очень многим обязан ему в своей жизни, потому что он научил меня, что нет двойного счастья, что надежда тщетна, что она только усиливает тревогу, закладывая ее фундамент. Он научил меня, что не может быть будущего, если нет настоящего. Мне известно, как он написал в своем «Военном летчике», что «я не вправе буду говорить, что внезапно во мне возник кто-то другой, потому что

этого другого создаю я сам». Существует только одна жизнь, и она происходит в настоящее время, принимая то, что нам предписано, – как большие радости, так и бедствия. И из этого принятия боли рождается мудрость.

Его мудрость – это ответственность и обязательства в движении мира. Без этого не будет никакого чуда, и это движение пойдет против нас: происходит медленная эрозия человека ветром и песком. Сент-Экзюпери наблюдал это, и это нашло отражение в его мыслях. Я столкнулся с чем-то подобным на своем пути, и я хотел бы поделиться этим с вами. Я хотел бы привести вас в Кап-Джуби, где он в одиночестве бродил по дюнам, чтобы постичь смысл жизни. И в небо Буэнос-Айреса, где он нашел спасение от своей боли в любви. И в пампасы, а также в Анды, где он впервые увидел продуваемый холодными ветрами человеческий архипелаг, с трудом удерживающийся на краю вселенной в окружении звезд. Я хотел бы привести вас вместе с ним в небо под Аррасом, где он стал человеком, где он наконец получил столь необходимый ему урок. Вместе с ним я пригласил бы вас потанцевать. Конечно, он учит нас, что другой человек, раненный, ослабевший, не чувствует свой костыль, если его об этом не спрашивают. Но, я уверен в этом, он приглашает нас танцевать под музыку мира. Потому что поэт понимает реальность танца[1] лучше, чем кто-либо другой. Ибо он чувствует боль, когда его из этого танца – этого мира – вырывают.

Когда я думаю о его жизни, я хочу говорить словами из «Маленького принца». Мне так и хочется воскликнуть: «Ах, Маленький принц! Понемногу я понял, как печальна и однообразна была твоя жизнь. Долгое время у тебя было лишь одно развлечение: ты любовался заходом солнца». Сент-Экзюпери приглашает нас на представление, ибо все мы ждем не закатов, а рассветов, то есть восхождения солнца, и это может родиться прямо у нас в ладонях. Конечно, путь, ведущий к этому представлению, долог. А урок, который дает нам Сент-Экзюпери, очень труден. Можно даже высмеять его, как это делают последователи абсурда, какими стали люди в наш век. Антуан де Сент-Экзюпери, он тоже знал этот абсурд, это чувство разрывающейся реальности, как личной, так и общемировой. Но он продолжал свой путь. И, чтобы заполнить пробелы и избыть свою телесную немощь, он стал строителем. Дорога к искуплению – это путь среди звезд. Туда я вас и поведу. То есть я приглашаю вас на танец и на представление, чтобы сделать из вас садовника[2]. Вроде того, кто на пороге смерти хотел бы лишь одного: копать и копать. Потому что именно так, этими простыми движениями тела, склоненного к земле, он делал из себя

человека – медленно, но верно. И в то же самое время, как он сам становился больше, он получал возможность строить мир. Я хотел бы, чтобы, листая эти страницы, вы познали дороги, которые привели Антуана де Сент-Экзюпери к нему самому, потому что однажды он взял меня за плечи и сказал: «Иди и будь человеком». С тех пор я так и начинаю каждый свой день.

Главные путешествия. География Сент-Экзюпери

ПРОЧЕЕ

1. *Сен-Морис-де-Реманс* (1905–1914)
2. *Фрибург* (1914–1917)
3. *Тулуза* (1926–1927)
4. *Джебель-Хадид* (1935)
5. *Лерида* (1936)
6. *Берлин* (1936)

Жизнь, полная путешествий

Путешествовать, но не ради бегства, а в поисках самого себя – таково было кредо Антуана де Сент-Экзюпери. Прежде всего, во времена «Аэропосталь», речь шла о том, чтобы лететь к своей человеческой природе, к открытию в себе чего-то большего – в Испании, в Северной Африке, в Кап-Джуби и в Буэнос-Айресе. Затем, всегда на самом краю бездны, шло межевание завоеванной местности, этой планеты людей. Чтобы сделать себя ответственным, бороться за цивилизацию, за человека. В России, в Испании и в Германии – он свидетельствовал. Он рисковал своей жизнью ради этого – под Аррасом, в небе Франции и, наконец, над Средиземным морем.

> «Был где-то парк, густо заросший темными елями и липами, и старый дом, дорогой моему сердцу. Что за важность, близок он или далек, что за важность, если он не может ни укрыть меня, ни обогреть, ибо здесь он только греза: он существует – и этого достаточно, в ночи я ощущаю его достоверность. И я уже не безымянное тело, выброшенное на берег, я обретаю себя – в этом доме я родился».
>
> *«Планета людей» (1939)*

Глава 1. Молодые годы: между «суверенной защитой» и блужданием

Сен-Морис-де-Реманс – Амберьё – Лион – Париж – Семья – Крещение небом

ЛЕТО 1910 ГОДА, и мы находимся в аллеях, окружающих пруд в парке замка на зеленых холмах Бюгэ. Там десятилетний мальчик собрал всю семью, чтобы все полюбовались на его подвиги. У него душа изобретателя. И его последняя разработка – это модель аэроплана, то есть некая плетеная рама, закрепленная на руле велосипеда, и она затянута драповым полотном. Это то, что взрослые скоро станут называть «парусным велосипедом», но, как он потом напишет в «Маленьком принце», «взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять». Для юного Антуана де Сент-Экзюпери это совсем другое дело, одновременно обещание и вызов, это реалии, которые останутся для него навсегда связанными. Это та черно-белая мечта вроде иллюстраций, что встречались в книгах Жюля Верна, которые он буквально пожирал в семейной гостиной. В его голове уже поселился безудержный дух приключений.

* * *

Поэтому с раннего возраста юный Антуан не держался за землю и чувствовал вызов, который в едином движении тянул его в воздух и к самому себе. Его воля родилась там, на холмах Бюгэ: он будет летать!

* * *

Детство навсегда сохранит для него вкус некоей замечательной предварительности. От этого он и будет идти в жизни. Это, как он напишет потом в «Планете людей», «образует в сердце, в самой его глубине, неведомые пласты, где, точно воды родника, рождаются грезы». Иногда это будет тянуть его за собой, словно тайные паруса, иногда нагружать всем весом убегающего

счастья. Однажды он доверится своей матери и напишет: «Я не уверен, что жил после детства». О своем детстве он будет вспоминать в самые серьезные моменты своей жизни, например, во время выполнения задания под Аррасом в 1940 году, где к нему явилось понимание своей мужской прочности, что потом будет отражено в «Военном летчике». Его детство – это то, что «словно корень, теряется во тьме». И его можно понять, ведь корни его семьи теряются где-то в отдаленных извилинах истории Франции. Например, в Сезарии де Сент-Экзюпери, принимавшей участие в американской войне за независимость и в битве при Йорктауне, бок о бок с Лафайеттом. Антуан принадлежал детству, но и этой истории тоже.

* * *

Между тем, сам он родился далеко от Северной и Южной Америки, в Лионе, 29 июня 1900 года, в семье Жана и Марии де Сент-Экзюпери, урожденной Фонколомб. Произошло это в двух шагах от лионского дома тетушки Марии, графини де Трико, выходившего на площадь Белькур. Все обещало мирное счастье, сдобренное беззаботностью родителей, которые в те времена смогли позволить себе роскошь брака по любви, а также рождение двух старших сестер Антуана, Мари-Мадлен и Симоны, младшего брата Франсуа и младшенькой Габриэль.

Но в 1904 году все рухнуло. Во время поездки с женой в ее фамильный замок Ля-Моль Жан умер от кровоизлияния в мозг. Мария осталась одна, без доходов и с пятью детьми на руках. Так смерть впервые вошла в жизнь Антуана де Сент-Экзюпери. И память об этой потере, усиленная возникшей пустотой, не покидала его больше никогда. В тот самый момент, кстати, и началась борьба с этой пустотой, ставшая его личной потребностью и имевшая целью объединение людей.

* * *

С этого момента жизнь строилась между домом на площади Белькур и замками Ля-Моль и Сен-Морис-де-Реманс. Последний был совершенно очаровательным местом для проведения летних каникул, и он останется единственным символом детства. В его коридорах он следовал за матерью и вытягивал из нее истории, к которым он потом прикладывал все свое детское воображение и в которых находил все богатство человека. Мама звала его «Король-

Солнце», и он, как настоящий король, царствовал над своим братом и сестрами, навязывая им свои игры, в том числе в рыцаря Аклена.

Из шалостей рождалось воображение, которое потом раскрасит в романтические цвета всю его жизнь, всю его историю. Таким образом, как он потом напишет в «Военном летчике», он будет родом из своего детства, которое есть «огромный край, откуда приходит каждый», будет членом «закрытой цивилизации, где шаги имели вкус, а вещи – смысл, что не было позволено где-либо еще». Начиная с этой вполне защищенной жизни, уже начали строиться его мысли о цивилизации в целом. На этом зижделись его размышления об оппозиции между вечностью и временностью. Иногда двух родителей достаточно, чтобы дать ощущение вечности. Именно это он и говорил: «Я был навеки прикован к своему столику – тайный свидетель торжественного совещания, на котором оба мои дяди, знавшие решительно все, вместе творили мир. Дом мог простоять еще тысячу лет, и, тысячу лет расхаживая по передней с медлительностью маятника, оба дяди все так же создавали бы в нем ощущение вечности» («Военный летчик»). Можно было бы описать страну детства, приютившую его воображение, словами, которые он использовал потом для описания закрытых садов *риад*[3], организации жилищ в оазисах, которые в его глазах придавали человеческое измерение метафизическому молчанию песков. Сен-Морис, таким образом, стал прообразом единственного настоящего места, вне которого все – лишь блуждание. За пределами Сен-Мориса, в самом деле, он будет нигде, будет вечным странником. Он будет бежать отовсюду, нигде не обоснуется. Будет аскетом. И эта прямая конфронтация с его воспоминаниями приведет его к тому, что он начнет критиковать общество и те новые формы взаимоотношений, что складывались в его время. Вот что он писал своей матери: «Это место – единственный освежающий родник […] Сейчас в душе пустыня, где умираешь от жажды». Его память породит в нем критическое отношение к миру без связей и без мест, к миру, где все делается растворимым. Но, возможно, он сохранит о Сен-Морисе, месте из своего детского воображения, память, которую человек может трансформировать, чтобы преобразить мир, пробить его. А это – именно то, что он и будет делать не покладая рук.

* * *

Летние месяцы в Сен-Морисе были особо отмечены его

знакомством с авиацией, которая в то время находилась еще в самом зачаточном состоянии. Братья Райт испытают свой самолет лишь за семь лет до этого, в дюнах долины Китти-Хоук, в штате Северная Каролина[4]. Почти ежедневно Сент-Экзюпери убегал от семейных ограничений и направлялся на заброшенный участок в Амберьё, что в шести километрах от замка. Лионские промышленники оборудовали там аэродром и испытывали новейшие модели того, что сейчас называется «аэропланом», в том числе «Берто-Вроблевски» – первый полностью металлический аппарат.

Там 7 июля 1912 года он получил свое воздушное крещение, заявив Габриэлю Вроблевски, что у него имеется согласие матери на совершение круга на самолете. И он не пожалел об этом незамысловатом обмане. С этого момента, по сути, жизнь, авиация и писательство стали для него единым целым. Его первое стихотворение было посвящено этому опыту. Хоть и весьма скромно, но он передает в нем свое восхищение: «Крылья дрожали в дыхании вечера/Мотор своим пением убаюкивал душу/Солнце касалось нас своим бледным светом» И он никогда больше не замолчит, благосклонно взирая на людей и на вещи.

* * *

К этому времени семейство Сент-Экзюпери больше не жило в Лионе. Антуан ходил в коллеж Нотр-Дам-де-Сент-Круа в Мансе, где он прослыл учеником непослушным и рассеянным. Зато, возможно, более мечтательным, чем кто-либо другой, за что, равно как и за его вздернутый нос, ему дали прозвище «Достань-ка Луну». Эта часть его детства тоже находилась под «суверенной защитой», как в Бюгэ. Он написал потом в «Военном летчике»: «Я радуюсь этому солнцу и упиваюсь запахами детства: запахом парты, мела, черной классной доски. Как хорошо, что я могу укрыться в этом надежно защищенном детстве». На самом деле, он был «странным учеником», ребенком, «который счастлив тем, что он школьник, и не слишком торопится вступать в жизнь». В эти годы он попробовал свои силы в журналистике. Как настоящий босс прессы, он оставил за собой первую полосу и страницу «поэзия» в газете, которая, впрочем, не пришлась по нраву отцам-префектам, и это стало одновременно его первой и последней публикацией.

* * *

Однако 2 августа 1914 года война сломала тот кокон, в котором ему так нравилось прятаться. В первые же дни его дядя Роже, который пытался занять место отца, был убит. Для обеих сторон это были судьбоносные часы сокрушительных ударов и штурмов, в одинаковой степени убийственных и безрезультатных.

Мария де Сент-Экзюпери, поступившая работать в лазарет на станции Амберьё, решила удалить детей подальше от конфликта и записала их в коллеж Вилла-Сен-Жан во Фрибурге. Там Антуан был настолько занят книгами, что забывал подготовить домашние задания. В это время он обнаружил особый интерес к поэзии, в которой, как он понимал, важно не только стилистическое мастерство, но и то, как человек относится к вопросам, имеющим самое важное значение. Тем не менее, самолеты продолжали оставаться – и останутся навсегда – в его мечтах. Однажды, когда он обедал в столовой с Шарлем Саллесом, он воскликнул: «Ты знаешь? Я садился в самолет. Это великолепно»[5]. В таких вот детских увлечениях и рождалось его призвание.

Однако в 1917 году смерть прошла еще ближе к нему, отобрав еще одну частичку души. Как он напишет позднее, она ударила его в неотъемлемую часть его естества. В январе, когда он возвращался во Фрибург после окончания новогодних праздников вместе со своим младшим братом Франсуа, последний потерял пальто. Стыдясь своей халатности, он не пожаловался на холод, несмотря на валивший снег и ледяной ветер. Когда работники коллежа заметили это, было слишком поздно, и Франсуа был госпитализирован с приступом ревмокардита. На Пасху, когда его перевели в Лион, врачи поняли, что затронуто сердце. Таким образом, это уже был вопрос каких-то дней или месяцев. Франсуа умер 10 июля почти на руках брата, ошеломленного смертью, которую он увидел так близко, и удивленного важностью для себя младшего брата, завещавшего ему все, что успел нажить в своей короткой жизни. Писатель вернется к этому гораздо позже, когда в «Военном летчике» напишет: «Если бы он был отцом, он завещал бы мне воспитание своих сыновей. Если бы он был военным летчиком, он завещал бы мне бортовые документы. Но он – всего лишь ребенок. Он завещал мне паровой двигатель, велосипед и ружье». Встретившись со смертью лицом к лицу, Сент-Экзюпери больше не будет ее бояться. Теперь он будет знать, что смерть – это присоединение к чему-то такому, чего до сих пор никто не видит, и именно к этому он будет стремиться всю свою жизнь. И этому он с огромным трудом будет подбирать слова.

* * *

Он теперь будет нести эту память, но не о чем-то, что ушло, закрылось, а о том, что на самом деле раскрылось еще более широко. Этот разрыв откроет ему пространство для поисков, сделает для него необходимым жизненное упрямство.

Понятно, что, когда он приехал в Париж на подготовительные курсы при лицее Сен-Луи для поступления в военно-морское училище, голова его не была занята учебой и правилами. В результате он оказался хорошим среди последних. Обучению он предпочитал шалости в городе в компании своего одноклассника Анри де Сегоня, с которым они, например, ходили поднимать литой люк на улице Кюжас, после того как Антуан изучил там условия стока воды. Это приключение, конечно же, имело одну цель – свидание с «милашками», как он их называл, с которыми каждый раз что-то не складывалось, как, например, в тот день, когда на выходе из своей пещеры он оказался лицом к лицу с директором лицея. Это были зачатки поисков любви, которые так никогда и не закончатся, маскируя то, что было в нем непоправимо изранено.

Он не сомневался в том, что из-за войны нечто ломалось в людях и в цивилизации. Действительно, располагаясь на крышах во время бомбежек Парижа, он умел видеть в этом лишь «феерическое» шоу.

* * *

Драма, которая связывает, интимна. Его выходки, хоть порой и развлекали компанию, регулярно перемежались с необъяснимой недоступностью. Он словно находился одновременно и рядом с друзьями, и где-то далеко, в один миг переходя от вспышки эйфории к меланхолии.

Он поступил в Академию изящных искусств, имея в виду стать архитектором. И его можно было увидеть неловко несущим свои папки для эскизов, в основном полные чистых листов, чья белизна не нарушалась из-за частых и более усердных посещений кафе, а не мастерских. Это были зачатки «прекрасной эпохи набережных Сены и неверных подружек», как сообщает нам его тогдашний сообщник Бернар Лямотт, с которым он разделял «одно молоко с сильным привкусом Перно»[6]. Он позволял себе под давлением семьи познать мирское. И он ходил в слишком коротких брюках, в слишком широком пиджаке и в бабочке, которая смотрелась так, будто вот-вот упадет, в салоны мадам де Ментон, герцогини Вандомской, но особенно – к Ивонне де Лестранж. Он жил в ее особняке № 9 по набережной Малаке, и

ему было достаточно лишь спуститься на этаж, чтобы переместиться из хаоса набросков и незаконченных стихов, заполнявших его комнату, к бурным спорам между авторами «Нового французского обозрения». Там он имел возможность следить за наметками редакционной политики и за духом своей эпохи. Будучи хорошим наблюдателем, он подкармливал свои устремления словами Андре Жида, Гастона Галлимара и Жака Копо. Это позволило ему установить твердые духовные ориентиры во времена великих потрясений. Совсем недавно Ницше поставил под сомнение принципы философии, а большевистская революция нарушила равновесие в западной политике. Искусство также испытывало потрясения, в том числе в 1910 году, с появлением абстракционизма Кандинского. Именно в это время, однако, он начал подразумевать для себя иное будущее и увидел себя в качестве инженера и писателя.

* * *

В 1921 году пробил час военной службы. И он пошел по пути своих склонностей – в авиацию, в то время представлявшую собой элитный корпус, состоявший из смельчаков, рисковавших жизнью при каждом полете. В апреле он поступил во 2-й полк истребительной авиации, базировавшийся в Нойхофе, в ближайшем пригороде Страсбурга. Он был назначен в «ползучие», то есть в персонал наземного обслуживания техники, и лишь потом добился разрешения начальства на патент военного летчика. 18 июня он получил первый урок пилотирования на «Фармане F-40» с летным инструктором Робером Аэби, который остался доволен учеником: тот усваивал все очень легко, да плюс быстрота реакции сразу же уберегла его от аварии на борту самого быстрого самолета того времени, который назывался «Сопвич Кэмел»[7].

В середине июля он получил возможность погрузиться в детали ремесла авиатора во время назначения в Марокко. Там он наслаждался, прогуливая занятия, и познавал вкус одиночества во время летных часов. Он получил обучение в пустыне, но в нем пока еще не было ничего от подвижника, и он жаловался матери на монотонность пейзажа: «Вы думаете, что мой разум питает вид тринадцати камней и десяти пучков травы? Это хорошо в романах. В действительности же это одурманивает. При этом ничего не думаешь, совершенно ничего». В самом деле, ему часто было невмоготу. Там он так скучал по зеленым полям Бюгэ, что рвал листья редких деревьев, встречавшихся у него на пути, и

потом раскладывал их по всей длине стола. Тем не менее, именно в этой обстановке начали проклевываться его литературные способности, плоды еще неизвестного ему призвания. По сути, то же, что привело его к авиации (он получил патент в декабре), раскрыло и его писательские таланты.

* * *

По возвращении во Францию он попросил руки Луизы де Вильморен, с которой они познакомились в Париже. Она была красива, за ней многие ухаживали, и она пользовалась своими прелестями с некоторой даже наглостью. Но после первой серьезной аварии Сент-Экзюпери в Бурже красавица передумала, а в октябре вежливо отказала ему окончательно и бесповоротно. Таким образом, ситуация начала представляться ему еще более горькой. Для удовлетворения желаний Луизы он согласился на конторскую работу в офисе черепичного завода в Буароне. Он тяготился этой бюрократической каторгой и отмечал: «Это походит на подъем по бесконечной лестнице. Сейчас ровно 11 часов 13 минут и сколько-то секунд. Секундная стрелка – моя единственная радость. Это единственное, на что приятно смотреть» (письма друзьям). Без любви он с полной силой чувствовал свое изгнание в Сен-Морисе. И рождалось ощущение того, что это изгнание вечно и что оно не оставит его никогда, потому что, как он писал в «Цитадели», «если дом твой разорен, продан, что тебе делать с любовью к дому? Но это значит, что наступил час преображения, а это всегда больно». То есть он был обременен безысходной любовью, и в дальнейшем он будет рассыпать ее по страницам своих книг.

Кроме того, в это время он задумал записать свои авиаторские впечатления. Но пока он еще «искал себя». После ухода с черепичного завода он стал представителем фирмы «Сорэр» – производителя грузовиков. Но все это время оказалось для него потерянным. Бесконечные скитания по французским провинциям были сродни бесцельному бдению в неком «зале ожидания». С другой стороны, в поездках он учился ярче воспринимать окружающую реальность.

* * *

Писательство даст ему решение. Оно позволит ему собирать «трепет мира», даст возможность открыть самого себя, и он

осознает, что есть лишь одна реальность, которая имеет значение для человека: дух, сознание. Вместе с самолетом это станет инструментом его строительства. Он откроется матери: «Ищите меня в том, что я пишу, в том, что есть скрупулезный и вдумчивый результат того, что я думаю и что вижу. В спокойствии моей комнаты или бистро я могу встать лицом к лицу с самим собой».

Молодые годы Антуана де Сент-Экзюпери, таким образом, были отмечены первыми шагами – между «суверенной защитой» Сен-Мориса и блужданием, вызванным ощущением, что он в изгнании. А писательство стало для него первым ответом в поисках стабильности, вторым же оказалась авиация. Но он по-прежнему пока оставался летчиком без работы. Ему не хватало сильных впечатлений для создания литературной реальности.

«Мы вернулись крепкими, сильными, настоящими мужчинами. Мы боролись и страдали, из конца в конец пролетали над бескрайними землями, любили женщин, не раз играли в орлянку со смертью, – только чтобы одолеть наихудшие страхи нашего детства, не бояться больше, что оставят после уроков и дадут лишнее задание, и бестрепетно слушать по субботам оценки за неделю».

«Южный почтовый» (1929)

«МЫ ВЕРНУЛИСЬ КРЕПКИМИ, СИЛЬНЫМИ, НАСТОЯЩИМИ МУЖЧИНАМИ. МЫ БОРОЛИСЬ И СТРАДАЛИ, ИЗ КОНЦА В КОНЕЦ ПРОЛЕТАЛИ НАД БЕСКРАЙНИМИ ЗЕМЛЯМИ, ЛЮБИЛИ ЖЕНЩИН, НЕ РАЗ ИГРАЛИ В ОРЛЯНКУ СО СМЕРТЬЮ, – ТОЛЬКО ЧТОБЫ ОДОЛЕТЬ НАИХУДШИЕ СТРАХИ НАШЕГО ДЕТСТВА, НЕ БОЯТЬСЯ БОЛЬШЕ, ЧТО ОСТАВЯТ ПОСЛЕ УРОКОВ И ДАДУТ ЛИШНЕЕ ЗАДАНИЕ, И БЕСТРЕПЕТНО СЛУШАТЬ ПО СУББОТАМ ОЦЕНКИ ЗА НЕДЕЛЮ».

Южный почтовый (1929)

Глава 2. Линия: рождение взгляда

Тулуза – Валенсия – Касабланка – Дакар – Самолет – Земля

МЫ НАХОДИМСЯ по адресу улица Одеон, дом 7, в обители друзей книги. Нужно пробираться между завсегдатаями этого места, среди которых выделялись Райнер Мария Рильке, Блез Сандрар, Поль Валери и, конечно, Луи Арагон, чтобы получить доступ к тому, что происходило в задней комнате. Там секретарь журнала «Серебряный корабль», возглавляемого «монахиней с улицы Одеон» Адриенной Моннье, Жан Прево и молодой Эрнест Хемингуэй проводили товарищеский боксерский поединок. Именно в такой вот кипучей интеллектуальной атмосфере Антуан де Сент-Экзюпери готовился совершить незаметный вход в литературу. В самом деле, Жан Прево, заметивший в нем энергию и кураж, заказал ему текст о полетах, и произошло это во время разговора в гостиной Ивонны де Лестранж. С тех пор он пристрастился к писательству. То есть это дело теперь занимало его все больше и больше. И он имел дело с двумя базовыми сюжетами, с авиацией и с человеком, то есть с тем, что буквально рвалось из него.

Его первая короткая новелла «Летчик», представлявшая собой фрагмент более обширного произведения, называвшегося «Побег Жака Берни», имела большой успех после появления в номере журнала за апрель 1926 года. Новелла для него оказалась своего рода экзорцизмом – ритуальным изгнанием бесов, что он вложил в образ Женевьевы, похожей на Луизу де Вильморен, а также в образ пилота, отчаявшегося из-за невозможности летать. Другой сюжет, родившийся в то время, – это его забота о человечестве в книге под названием «Манон, танцовщица». Там речь шла о молодой танцовщице, которая, чтобы свести концы с концами, стала «женщиной легкого поведения» – без осуждения, просто от усталости. И там уже показался мотив, к которому он будет возвращаться вновь и вновь, – это мотив капитуляции. После неудачной попытки покончить жизнь самоубийством, которая привела к перелому ноги, Манон у него заканчивает вышиванием у окна: «Она снова склоняется над вышиванием, и в нем вкус вечности, оно делает возможным невозможное бегство, с ним остаются наедине, когда жизнь безысходна. Нельзя же все время плакать: смиряешься». Этот отрывок имеет явное автобиографическое содержание, говоря о том, кто хоть и не бросил оружие, но порой кажется загнанным в угол и вынужденным довольствоваться серой жизнью чиновника без

призвания или летчика без самолета. В нем читается все, что играло в нем самом, в его диалоге с ночью, за маской социального приличия.

* * *

Действительно, этот период его жизни походил на блуждание. После ухода из фирмы «Сорэр» он стал временно исполняющим обязанности пилота во Французской авиакомпании. В то время он обратился к хозяйке, разгоряченный и вдохновленный авиацией, всего лишь с тремя словами: «Дайте мне летать!», но клиенты не спешили к нему, и он летал слишком мало. Он был крайне этим недоволен и старался забыться в авантюрах, лишенных не просто будущего, но даже завтрашнего дня.

Хоть писательство и занимало все более важное место в его жизни, он еще не понимал, где находятся его читатели. Об этом он говорил в 1923 году Рене де Соссин: «Нужно учиться не писать, а видеть. Писательство – это следствие», но в соотношении причины и следствия у него не хватало причины. В самом деле, что ему было видеть в его плоской жизни и, следовательно, о чем было писать? Это же очевидно, вдохновение высыхает очень быстро. Тем более что хоть его тревожность и содержала еще немало романтической чувствительности, но она уже подпитывалась и вполне реальными трагедиями. Например, в июне 1926 года, когда умерла от туберкулеза его сестра Мари-Мадлен. Тогда рухнула еще одна привязанность его юности. И его внутреннее одиночество начало разрастаться. Похоже, как говорят, без права на обжалование. Он был потрясен и, в свою очередь, сам оказался на пороге полного краха.

И вот в этот момент его бывший учитель в лицее Боссюэ, аббат Сюддур, решил действовать. Он отдавал себе отчет в том, что, несмотря на всю его задумчивость, нельзя было идти против призвания его бывшего ученика. Поэтому он подключил Беппо де Массими, генерального директора авиакомпании «Латекоэр». А потом все пошло одно за другим, и 11 октября Антуан де Сент-Экзюпери получил письмо, в котором его просили срочно прибыть в центр Тулуза-Монтодран. В 1920-е годы, хоть публика и толкалась, чтобы поаплодировать подвигам покорителей небес, такой же толкотни не наблюдалось за право занять место за штурвалом этих летающих машин, чьи кабины еще несли в себе все опасности неба. Для «Воздушных линий Латекоэра» это по-прежнему была славная эпоха пионеров, которые, рискуя жизнью,

прокладывали то, чему еще только предстояло стать коммерческой сетью.

* * *

Когда Антуан де Сент-Экзюпери появился в офисе директора по эксплуатации Дидье Дора, все пошло из рук вон плохо. Для начала он прибыл на фирму с опозданием на час. Патрон, для которого задержка практически равнялась профессиональной непригодности, уже давно хмурил брови. Плюс тот, кто предстал перед ним, имел весьма тонкий дневник полетов, почти как у любителя. Дора полностью отдавался работе, и никакой блат не мог изменить его суждение, отточенное опытом и всевозможными трудностями. Он смерил кандидата холодным взглядом, как он это сделал несколько лет назад в случае с бунтарем Мермозом, мирным землянином Гийоме и парижским уличным мальчишкой, настоящим Гаврошем, Марселем Реном[8]. При упоминании о поломке в Бурже установилась тишина и начала нарастать тревожность. Однако Сент-Экзюпери не лишился апломба. Сконцентрировав на нем взгляд, он собрался и произнес волшебные слова: «Я хотел бы летать, месье». Эти слова – многие другие произносили их до него. Но Дора понял, что в этом кандидате есть вера, та самая одержимость, которая была ему необходима для создания сети, что пока выглядело ставкой на невозможное. Впрочем, ответ последовал такой же, как и для всех других: «Вы хотите летать. Хорошо, вы начнете с того, что будете разбирать и чистить двигатели. А там – посмотрим». И Сент-Экзюпери вернулся в стан «ползучих», а Дора на страницах «Ночного полета» превратился в Ривьера, человека с очень сильным характером. О нем он напишет так: «Правила, – думал Ривьер, – похожи на религиозные обряды: они кажутся нелепыми, но они формируют людей». Потому что Дора формировал не пилотов, а людей ответственных, настоящих небесных рабочих, отдавая приоритет долгу перед всем остальным. Дора заставлял своих людей ежедневно превосходить самих себя. В том же «Ночном полете» Сент-Экзюпери вложит в его уста следующие слова о пилоте: «Я спасаю его от страха. Я нападаю не на него, а на то темное, цепкое, что парализует людей, столкнувшихся с неведомым». Погружая людей в ответственность и чувство долга, он укреплял в них человечность.

* * *

Итак, Антуан де Сент-Экзюпери вошел в новую семью и обнаружил, что там имеются свои обряды. Он начал с того, что засучил рукава и сунулся в отработанное топливо, и это сильно отличалось от обстановки парижских салонов. В «Планете людей» он писал: «Со своей стороны, как и другие мои товарищи, я проходил стажировку, без которой новичку не доверят почту». Потом, после нескольких недель обучения сборке и разборке двигателей, пришло время испытаний в пилотаже под строгим надзором начальства. Он справился с этим без труда и стал членом команды. Уже, даже еще не начав пилотировать, он проникся духом «Аэропосталь», этой особенной цивилизации, где он чувствовал себя настоящим рыцарем. И если он говорил о «новичке» или даже «послушнике», то это потому, что он только пришел в эту религию. Религию, которую умело поддерживал Дора, и этой религией была почта. И Сент-Экзюпери быстро почувствовал преобразование, произошедшее в нем.

Он расположился в гостинице «Большой балкон», которую Мермоз переименовал в «Крылатый дом». Там он впитывал в себя истории ветеранов с загорелой кожей, как написал он потом в «Планете людей». Он познал страх полетов. Как, например, в тот вечер, когда он увидел возвращение пилота Бюри. Он спросил его, тяжел ли был рейс, и тогда «Бюри словно бы очнулся, услышал меня, поднял голову и рассмеялся. Это было чудесно – Бюри смеялся нечасто и этот внезапный смех словно озарил его усталость […] в этом товарище, чьи плечи придавила усталость, мне вдруг открылось необыкновенное благородство: из грубой оболочки на миг просквозил ангел, победивший дракона». Он узнал, что их дом не обходят стороной опасности и на них строится то братство, что объединяет этих людей. Это затронет его навсегда. Он поймет, что «величие профессии, может быть, прежде всего состоит в том, чтобы объединять людей», что это и есть «единственная настоящая роскошь», которой являются человеческие отношения.

Да, опасности на Линии не следовало упускать из виду. Он понял это через месяц после прибытия. Действительно, пилоты должны летать над землями Сахары, которые удерживали мятежные племена эр-Гибата. Иногда они шли на вынужденную посадку. Как, например, однажды, когда это сделал самолет пилотов Эрабля и Пинтадо, за которым следовал, в соответствии с правилами, вспомогательный самолет, пилотировавшийся Гурупом. Через минуту после посадки они попали под огонь нападавших. Эрабль и Пинтадо были убиты, Гуруп был ранен и взят в заложники вместе с переводчиком. В плену он страшно мучился из-за гангрены, поразившей его, и его выдали Ригеллю и

Лассалю уже почти мертвым. Когда его доставили в Касабланку, четыре дня спустя, было уже слишком поздно. Он умер через несколько часов. Так практически каждый день подвергали себя риску люди из «Аэропосталь». И именно через контакт с этими опасностями Антуану де Сент-Экзюпери и предстояло возродиться.

* * *

Придя однажды на собрание в кабинет директора, он услышал священные слова: «Вы вылетаете завтра». И он повез почту на юг, и началось все с маршрута Тулуза – Перпиньян, потом – в Испанию. Тем не менее, накануне вылета к нему вернулись старые истории. Ему казалось, что он забыл все эти невидимые знаки, которые одни только могут помочь избежать аварии. И он пошел на «всенощное бдение» к своему другу Гийоме, который летал до него на том же маршруте. И тогда последовал урок особенной географии, как он потом рассказал в «Планете людей». Гийоме учил его человеческому миру, и это был обитаемый мир, а не какие-то бестелесные топографические изыскания. «Странный то был урок географии! […] Он не говорил о водных бассейнах, о численности населения и поголовье скота. Он говорил не о Гуадиксе, а о трех апельсиновых деревьях, что растут на краю поля неподалеку от Гуадикса. «Берегись, отметь их на своей карте». И с того часа три дерева занимали на моей карте больше места, чем Сьерра-Невада. Он говорил не о Лорке, но о маленькой ферме возле Лорки. О жизни этой фермы». Так Гийоме учил его читать мир, который заключал в себе все тайны, и прежде всего тайны их микроскопических жизней.

Теперь он будет знать о вихрях, бушевавших в испанских сьеррах[9]. Он будет знать, что почтовый курьер должен лететь во что бы то ни стало, несмотря на все то, что возвращает самолет обратно, и ничто не может вырвать пилота из его кабины. Когда он вернулся после перелета через Пиренеи, он сказал: «Это не авиация, это какая-то раскаленная сковорода». Несмотря на то что порой он был связан с самолетом лишь кожаными ремнями своего сиденья, он пристрастился к небу. И это Дора дал ему возможность стать строителем, стать скромным работником при сооружении того, что потом станет храмом.

* * *

Некоторые говорят о «метаморфозах» в это время, но это не так. Если Сент-Экзюпери и казался переменившимся до неузнаваемости, в действительности же он скорее проснулся в самом себе, чем стал жить как другой человек. В «Южном почтовом», который начал созревать в его голове примерно в это время, он потом написал: «Мы вернулись крепкими, настоящими мускулистыми мужчинами». Именно поэтому его урок и является универсальным. Он пришел к размышлениям о судьбе, которая могла бы быть и его судьбой тоже. О судьбе этих людей, которые, как шутил на эту тему Мермоз, собрались, чтобы пилотировать письменный стол. По контрасту со своим положением он понял, что за фасадом исправно, как мотор, работающего общества разыгрываются личные драмы. Он осознал, что он видит пробуждение человечества, чего были лишены его близкие. Вспоминая про автобус, который вез его на аэродром, и людей, которые там сидели, на страницах «Планеты людей» он написал: «И вдруг я увидел лик судьбы. Старый чиновник, мой сосед по автобусу, никто никогда не помог тебе спастись бегством, и не твоя в том вина. Ты построил свой тихий мирок, замуровал наглухо все выходы к свету, как делают термиты. Ты свернулся клубком, укрылся в своем обывательском благополучии, в косных привычках, в затхлом провинциальном укладе, ты воздвиг этот убогий оплот и спрятался от ветра, от морского прибоя и звезд. Ты не желаешь утруждать себя великими задачами, тебе и так немалого труда стоило забыть, что ты – человек. Ты не житель планеты, несущейся в пространстве, ты не задаешься вопросами, на которые нет ответа: ты – просто-напросто мелкий буржуа из Тулузы. Никто вовремя не схватил тебя и не удержал, а теперь уже слишком поздно». Если он отправился в небо, то для того, чтобы не позволить умереть своим детским мечтам. Предлагая их нашему вниманию, он приглашает нас поступить так же, строить наше человеческое день за днем. Все мы можем выявить это человеческое, потому что, как он пишет в «Планете людей», «человек познает себя в борьбе с препятствиями». Так что нечего бояться, нужно лишь иметь мужество созидать.

Поднявшись над земной поверхностью, человек может взглянуть на нее совсем по-другому. Так подняться Сент-Экзюпери мог позволить только самолет. Об этом повествуется в той же книге. Благодаря самолету он отведал «часы, когда покидаешь пределы реального мира». Он ставил перед собой все старые вопросы и делался похожим на «крестьянина, который обходит свое поле». Ибо за пределами самолета он находил «старую природу», вечную природу, «которую издавна знают садовники, мореходы и поэты». Писатель действительно

рождается одновременно с таким вот новым взглядом. Как тогда, когда он повел пилота Делоне пройтись по Валенсии. Старый пилот видел только нищих, облезлые фасады и полуразрушенные укрепления. Вечером за столом он изобразил портрет города, приведенного в оцепенение солнцем, и удивлялся, как испанцы могут так тратить свое время. Противоположность их взглядов обнаружилась мгновенно. Это заставило Антуана де Сент-Экзюпери представить свое собственное видение. И оцепеневшая Валенсия вдруг предстала «дочерью Солнца […] скроенной из солнца»[10]. Молодой пилот показал человеческие тени, ослов, загруженных апельсинами, некую географию фонтанов – то, что видел он один. Он показал всю красоту мира. Он дал нам урок удивления и восхищения.

* * *

И он не перестанет отправляться на поиски сокровищ мира, оставаясь верным урокам, извлеченным в Сен-Морис-де-Ремансе. Там он предсказал свой полет. В «Ночном полете» он потом напишет об этом так: «При каждом треске мы бросались простукивать дерево. Ведь это все была скорлупа, готовая отдать свое ядро. Скорлупа, извечная оболочка вещей, под которой наверняка что-то совсем другое. Может быть, эта звезда – маленький твердый алмаз. Когда-нибудь мы отправимся искать его – на север или на юг, или же в глубь самих себя»[11]. Благодаря самолету и писательству эта двойная дорога, выбранная им, одновременно на юг и в эту другую заранее предчувствованную реальность, привела его к самому себе.

В январе 1927 года, когда он получил назначение в Дакар, это движение ускорилось. Там он встретился с пустыней. И это была метафизическая встреча. Во время полетов он предавался размышлениям. Он писал Шарлю Саллесу: «Я каждый раз проделываю над Сахарой 2000 километров туда и 2000 километров обратно. Представляешь – песок, везде один песок. И я уже провел одну ночь в изолированном маленьком форте. Мне нравится эта изоляция, но я не умею сказать об этом». Пустыня с ее протяженностью песков и спокойным горизонтом мгновенно привела его к самому себе. Там он открылся, оказался между землей и звездами. Он опишет потом этот метафизический аспект пустыни и скажет: «Пустыня мне всегда напоминает огромную открытую дверь, которой я не видел нигде в другом месте. Если бы ты видел, какие тут звезды, такие оголенные, такие круглые. А этот серебристый песок»[12]. Пожалуй, это форт Нуакшотт

вдохновил его на такую фразу. В тот момент, когда он ступил на террасу, как говорится в «Южном почтовом», он вошел в контакт с чем-то, что его превосходит. Он спросил самого себя: «Не здесь ли ты сделал свой последний шаг на земле? Здесь кончается осязаемый мир. Этот маленький форт – причал. Дальше – только призрачный мир лунного света». С тех пор он будет спрашивать эту реальность в каждой из своих книг, продвигаясь вперед шажками муравья. Это приключение поведет его от человека к самому сердцу человечества, к вопросам о цивилизации и заботам о будущем всего мира.

После перелета через Сахару на самом деле он почувствовал поэзию окружающего мира. Он также прикоснулся к его тайной реальности, неизвестной обычному смертному. Он вышел из географии деревень и вошел в мир, где человечество не имеет своего места. Самолет, таким образом, «открыл ему истинное лицо земли». И это осознание пойдет на расширение, чтобы достигнуть размышлений о судьбах людей.

* * *

В октябре 1927 года его назначили начальником аэродрома Кап-Джуби, ныне это город Тарфая[13], что в южной части Марокко. Там он решительным образом пристрастился к поэзии пустыни. Этот опыт стал поворотным пунктом в его существовании и основал его внутреннюю географию. Она будет с этого момента территорией завоеваний.

> «Мне всегда нравилось в пустыне. Сидишь на песчаной дюне. Ничего не видно. Ничего не слышно. И все же в тишине что-то светится».
>
> *«Маленький принц» (1943)*

Глава 3. Кап-Джуби, путь к оазису: приручение пустыни

Кап-Джуби – Рио-де-Оро – Западная Сахара – Оазис

ДЕНЬ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ на Рио-де-Оро[14]. Это то самое время, когда песок по цвету переходит от охры к розовому. Перед холодной ночью он еще излучает солнечное тепло. В Кап-Джуби песчаное пространство находится как бы в ловушке между безжизненным миром минералов и Атлантическим океаном, и там образуются густые слои тумана – результат соприкосновения ледяной воды, скал и горячего песка. Некто только что покинул хижину «Адриан», где живут французские летчики, такую примитивную, что можно было бы подумать, что она заброшена. Он останавливается рядом с глинобитными бараками и зубчатой цитаделью, которые образуют Каса-дель-Мар. Там живут испанские военные, плотно охваченные страхом перед *djidj* (вооруженными операциями мятежных мавров) и депрессией. Он один осмелился выйти из относительной безопасности, созданной забором из колючей проволоки, которым окружили себя люди Джуби. Он идет в сторону лагеря мавров, разбитого под стенами цитадели.

Эти пастухи никогда еще не принимали такого человека, столь великого и столь же странного, которого они называли «командиром птиц». Тем не менее, они знали этого *roumi*, знали, что он не принадлежит ни к ягутам, ни к воинами *эр-Гибата*[15], что он не такой, как другие. Они еще охотнее дали прозвище тому, кто надел их традиционную синюю гандуру[16] и выучил язык «хозяев пустыни» для медитаций, которые он позволял себе в дюнах в наступавших сумерках. Он проводил так долгие минуты, в этих «ничьих землях», как их называли арабские географы XIV века, впитывая в себя непонятный язык, который рождался в ночное время, в объятиях песка и ветра. Так один в течение долгих месяцев он слушал и исследовал трепет мира, окружавшего его.

В данный момент этот человек продолжает двигаться в толпе детей шейха, покрытых лохмотьями. И он догадывается о благородстве этих людей, бесконечно бедных, но находящихся в контакте с самым главным. Под навесом медленно варится в помятом солдатском котелке кускус из верблюжьего мяса. С другой стороны, из посудины, изготовленной из обычной глины, доносится запах перца и карри. Гости одеты в темно-синие

бурнусы, нижняя часть лица у них скрыта под лентой тюрбана, и они ожидают его рядом с подпорками, на которых держится домотканое полотнище, прикрывающее вход. Внутри их слуга Барк уже начал готовить чай.

* * *

Прошло шесть месяцев, и мавры уже должны были бы привыкнуть к высокой фигуре Антуана де Сент-Экзюпери. А он уже установил особые отношения с местными жителями, выучив в одиночестве Кап-Джуби то, что составит потом главный урок его «Маленького принца». Он напишет: «Моя роль здесь – приручить. Это меня устраивает, это красивое слово»[17]. Приручал он не только хамелеонов, газелей и фенеков[18], составлявших зверинец Кап-Джуби. Приручал он и тех, кто считался его гостями, и себя самого. В самом деле, если тут началось движение, которое привело его к маврам Рио-де-Оро, то оно неизбежно распространилось и на него самого. Себя он приручал, борясь с ветром, песком и звездами. Эта встреча с пустыней вмиг освободила его от всех противоречий. И он стал добровольным узником этой земли контрастов, что постоянно скользила от тьмы к свету, от сущего к нематериальному, как отмечает его биограф Бернар Марк[19]. Этому же движению следовал и он, идя навстречу всему, что есть скрытого в человеке.

Следовательно, на этой земле, чтобы не стать там пленником за закрытыми дверями, он ее приручал. К этому уроку он еще вернется в «Маленьком принце». Лис там дает его потерпевшему крушение. Приручение означает рост, «создание связей». Позволим ему самому дать ответ: «Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете». Урок потом углубляется: «Узнать можно только те вещи, которые приручишь, – сказал Лис. – У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей». Мы можем сравнить этот урок с тем, что дан нам в «Планете людей». И сказать, что приручение – это прежде всего ответственность. «Стоит тому, кто скромно стережет под звездным небом десяток овец, осмыслить свой труд – и вот он уже

не просто слуга. Он – часовой. А каждый часовой в ответе за судьбы империи». И вот что обнаружил Сент-Экзюпери: в Кап-Джуби доставка почты не была единственной задачей. Этот пункт, находившийся в одном из самых обездоленных районов мира и наиболее враждебных по отношению к Атлантическому побережью, – это ключевая станция. Там транзитом проходили «Воздушные линии Латекоэра». Таким образом, Сент-Экзюпери нес ответственность за всю «линию песков», связывавшую Танжер, Рабат, Касабланку, Агадир, затем – через Кап-Джуби – Порт-Этьенн, Сен-Луи в Сенегале и Дакар. Это был маяк, который излучал свет для трех континентов (Европы, Африки и Южной Америки), где люди Латекоэра с Полем Ваше во главе начали расчищать небо.

* * *

Сегодня в направлении Джуби вылетели Мермоз и Делоне. Эти гаранты Южного почтового отправились из Агадира рано утром. И вот белые фасады, шедшие вдоль океана, уже исчезли за зеленым забором, защищавшим их от пустыни. Закончились закрытые сады оазисов и нежных апельсиновых рощ. Вскоре они вошли в царство пассатов и полетели на низкой высоте вдоль красных скал, омывавшихся океанскими течениями. За ними постепенно стерлись из вида последние берберские деревни. Слева они могли видеть пики Высокого Атласа, пронизывавшие туман. А потом не осталось и следа человека, и они вступили в мрачное и пустынное царство. Они с натугой проникали в Тенере – так берберы называли Сахару. Их первым ориентиром тут была крепость Ифни, представлявшая собой лишь множество зеленых кактусов и белых камней. Вскоре они подлетели к пересохшему ущелью в районе мыса Нун. Свет там был такой, что они были вынуждены надеть очки с тонированными стеклами. Это был весьма утомительный маршрут, этапы которого называли так – порт Усталость, залив Отчаяния, залив Невзгод, и это только потом они получат имена пионеров прогресса, которые осмелились туда забраться – мыс Мермоз, остров Дора, бухта Сент-Экзюпери. Таким образом, уже в сумерках они добрались до Плайя-Бланка. Чувство беспокойства охватило их там. Они знали, что за ними наблюдает невидимый враг. Они прекрасно помнили об атаке, которой подверглись здесь несколько месяцев назад летчики Вилль и Розес.

Розес тогда пошел на вынужденную. Как обязывали инструкции, его сопровождающий сделал то же самое. И они

занялись перегрузкой почты из одного самолета в другой. И тут раздались ружейные выстрелы мавританских мародеров. Вилль выхватил оружие и сразил нескольких самых ярых злоумышленников, что приостановило атаку и повергло нападавших в сумятицу. Затем он воспользовался хаосом и подбежал к самолету, винт которого еще вращался, где его ждал Розес. Вилль занял место пассажира в самый момент взлета, под оживленным огнем бандитов.

Мермоз, который был взят в заложники в мае 1926 года, едва избежав лезвия кинжала, слишком хорошо знал, что рискует тем же самым в любой день полета. Область становилась все более и более нестабильной. В Кап-Джуби ночью все чаще раздавались крики часовых, которым казалось, что на них нападают призраки.

В тот день им повезло – двигатель сработал отлично. В самом деле, рабочей лошадкой «Воздушных линий Латекоэра» в то время был «Бреге XIV», реликвия Первой мировой войны. На маршруте Джуби – Дакар насчитывали одну аварию на шесть перелетов. Среди авиаторов этот самолет имел репутацию аппарата, лишавшего человека энергии получше, чем ночь с красавицей в Касабланке, и двигатель «Рено» мощностью 300 л. с. нередко глох прямо в небе. Хотя скорость и не превышала 130 км/ч, технические сбои шли один за другим. Проблемы шли от поломки коленчатого вала (двигатель тогда испускал дух прямо в небе, да с таким толчком, что едва не выбрасывал пилота из его кресла) до знаменитого «салата из шатунов» – нарушения привода распределительного вала. Именно из-за этих несчастных случаев Кап-Джуби и был жизненно важным пунктом Линии – весьма слабым, но все же залогом выживания. И все же благодаря этому самолету и благодаря людям, соглашавшимся на подобное существование, как говорил Мермоз, «Аэропосталь» строила новый мир. А летчики несли прогресс на три континента и принимали участие в настоящей воздушной революции.

* * *

В ожидании Мермоза и Делоне Сент-Экзюпери добрался до французских казарм. Он прошел по коридору, дошел до главной комнаты, где рядом с настенной картой мира, разрисованной маршрутами Линии, стоял усталый граммофон, который он и запустил. В этой атмосфере, почти парижской, он начал печатать отчеты за день, и все это происходило в обстановке практически спартанской. Там же он и спал – на простых досках, покрытых соломенным матрасом. У него имелась пишущая машинка, рядом

с которой стояло целое нагромождение нот, рисунков и личных писем. Матери он писал: «Что за монашескую жизнь я веду! Это же полная нищета […] монастырская келья». Именно в этом кабинете и появился на свет его «Южный почтовый», о котором он никому не говорил. Там, в Кап-Джуби, он крепко привязался к судьбам Мермоза, Рена, Дюбурдье и Гийоме. Он нахватался реальных потрясений и вскормил мечты. Постепенно его рассказ начал обретать форму, а персонажи набрали мощь. В этом рассказе он предстал историком «Аэропосталь» через посредника – пилота Жака Берниса. Он вернулся и усилил сюжет своего «Летчика» и постепенно, в одиночестве в Кап-Джуби, забыл Луизу де Вильморен и свое любовное разочарование. Там рождался новый человек и начал формироваться писатель. Там, в Рио-де-Оро, перед красотами восходящего солнца, удивление порождало слова.

* * *

Когда Мермоз и Делоне прибыли, Сент-Экзюпери радостно приветствовал их. Здесь пролетал один самолет в неделю, и каждый становился праздником. И разговоры быстро сворачивались к общим воспоминаниям: от гостиницы «Большой балкон» до испанских красавиц. А еще – об успехах «Аэропосталь» в Южной Америке. Там люди вступали в противостояние с джунглями и горами. В 1928 году родились три новые авиапочтовые компании: аргентинская, уругвайская и бразильская. 1 марта 1928 года появилась первая почтовая служба на маршруте Франция – Южная Америка. Сент-Экзюпери поражал всех своими карточными фокусами. Если он находился в хорошем настроении, каждая из встреч с ним становилась дружеским праздником. Пилоты «Аэропосталь» больше всего ценили братство, царившее между ними. Они ждали эти транзитные встречи и пили шампанское посреди дюн Рио-де-Оро, опасаясь не увидеться больше никогда.

* * *

Именно в этой атмосфере ослепительно яркого света, одиночества и опасностей Антуан де Сент-Экзюпери провел десять месяцев жизни в период с октября 1927 года по март 1929 года. Если первоначально его отделяла от товарищей пропасть, позволившая Рену сказать, что он – немножко их английская

королева, то потом каждодневный риск расставил все по своим местам. Ему никогда не изменяла отвага, например, когда пилоты Рен и Серр попали в плен. Он тогда без колебаний летал в течение пяти дней, покрыл 8000 километров над песками, три раза садился на вражеской территории и провел ночь в поисках и в попытках спасти их. Ведь ни за что на свете нельзя бросать товарищей.

Его опыт в пустыне – на самом деле это было посвящение. Он научился в Кап-Джуби лексике, которая потом будет отличать его творчество, и он использовал ее уже в книге «Южный почтовый». Этот скудный мир подталкивал к созерцанию и размышлению, и все это было абсолютно естественно. Там, как потом будет сказано, он провел «лучшие дни в своей жизни». Но был ли подобный опыт доступным для всех? Жозеф Кессель, который провел там несколько дней, оставил нам совершенно другое описание. Он констатировал: «Это одно из самых пустынных и проклятых мест на земле»[20]. В самом деле, создается впечатление, что восприятие Сент-Экзюпери вознеслось куда выше того места, которое преподало ему его первые уроки.

Что особенно привлекало его внимание, так это неумолимое движение ветра и моря. Он писал Марии де Сент-Экзюпери: «Если облокотиться ночью у моего окна с тюремной решеткой, море будет прямо подо мной, так близко, словно ты в лодке. И оно всю ночь бьется мне в стену». Благодаря такой вот близости моря и эрозии, им вызванной, он получил самый важный практический урок, который показал нестабильность, хрупкость человеческой жизни. И это породило метафизическое чувство страха. Он писал своей матери: «У меня странное чувство. Нет ни расстояния, ни изолированности, но есть какая-то игра в беглеца». Это жизнь сама по себе представлялась ему «игрой в беглеца», та жизнь, которую он будет потом защищать. И именно в этом месте он научился пробивать кажущуюся безопасность мира. И вся видимость рушилась, в том числе и человеческая.

Человек более чем когда-либо занимал все его мысли. Не недооцененный, а в своем полном достоинстве. В отличие от своих предшественников, он видел среди дочерей шейха не девочек в лохмотьях, а девушек с осанкой индийских принцесс. То же, что указывало ему на хрупкость и непоправимое одиночество людей, демонстрировало и их благородство, а также необходимость человеческого сообщества. Он разработал целый пласт рассуждений, он желал освобождения человека. Его мысль следовала за тем же самым побуждением, что заставило его вместе с Абгралем и Маршалем участвовать в освобождении раба Барка. И он его освободил со словами, повторяющимися потом в

«Планете людей», и эти слова и были самым главным: «Ну вот, старина Барк, отправляйся и будь человеком». Обнаружилось, как он пишет в «Цитадели», что человек – это лишь узел отношений, узел того, что приручил и за что становишься ответственным. Он узнал от Барка, что его следует звать по имени Мохаммед бен-Лауссин и что он испытывает «жгучее, точно голод, желание быть человеком среди людей, ощутить свою связь с людьми». Это он использует потом в своих сочинениях: стать человеком. В эмоциях Кап-Джуби вырисовывался главный урок «Цитадели» и его будущего гуманизма. Ведь он теперь знал, что «нужно неусыпно следить, чтобы в человеке бодрствовало великое, нужно его понуждать служить только значимому в себе».

Его размышления об оазисе, «благословенной земле, рождающей родники», не просто родились, но и углубились. И не потому, что он его нашел таким, как ему представлялось, а потому, что, как он пишет об этом в своей «Цитадели», люди, завоевав оазис, остаются в живых, «если не превращают его в нору, куда забиваются и обо всем забывают». Для него это прообраз места, где возможна жизнь. И он считает, что оазис питает сама пустыня. Его лейтмотивом станет кедр в «Цитадели», который «*не* отвергает, *не* ненавидит все то, что *не кедр*, но питается каменистой почвой и превращает ее в *кедр*». Таким образом, оазис, сначала придуманный в детстве, а потом действительно встреченный, в его мыслях станет идеальным образом, корнем той цивилизации, которую он создаст и будет защищать.

* * *

Этот благословенный период закончился в марте 1929 года с его назначением *jefe de trafico aéreo* (директором отделения авиакомпании) в Буэнос-Айресе. Он прибыл туда 12 октября 1929 года. И там, вместе с Мермозом и Гийоме, вместе с другими из второй волны пионеров неба Патагонии, они будут пытаться реализовать великую мечту Пьера-Жоржа Латекоэра. Он сменил Поля Ваше, который несколькими месяцами ранее провел первые летные испытания на Линии Патагонии, между Буэнос-Айресом и Комодоро-Ривадавия.

«И теперь, неся в самом сердце ночи свою сторожевую вахту, он обнаружил, что в ночи раскрывается перед ним человек: его призывы, огни, тревоги. Та простая звездочка во мраке – это дом, и в нем – одиночество. А та, что погасла, – это дом, приютивший любовь. Или тоску. Дом, который не шлет больше сигналов всему

остальному миру».

«Ночной полет» (1931)

«И ТЕПЕРЬ, НЕСЯ В САМОМ СЕРДЦЕ НОЧИ СВОЮ СТОРОЖЕВУЮ ВАХТУ, ОН ОБНАРУЖИЛ, ЧТО В НОЧИ РАСКРЫВАЕТСЯ ПЕРЕД НИМ ЧЕЛОВЕК: ЕГО ПРИЗЫВЫ, ОГНИ, ТРЕВОГИ. ТА ПРОСТАЯ ЗВЕЗДОЧКА ВО МРАКЕ – ЭТО ДОМ, И В НЕМ – ОДИНОЧЕСТВО. А ТА, ЧТО ПОГАСЛА, – ЭТО ДОМ, ПРИЮТИВШИЙ ЛЮБОВЬ. ИЛИ ТОСКУ. ДОМ, КОТОРЫЙ НЕ ШЛЕТ БОЛЬШЕ СИГНАЛОВ ВСЕМУ ОСТАЛЬНОМУ МИРУ».

Ночной полет (1931)

Глава 4. Страна летающих камней: «Аэропосталь» и американский героизм

Буэнос-Айрес – Трелью – Рио-Гальегос – Лагуна-Диаманте – Ангел Кордильер – Консуэло – «экзотическая птичка»

С ОКТЯБРЯ 1929 ГОДА Сент-Экзюпери присоединился в Южной Америке к Жану Мермозу, прибывшему в Буэнос-Айрес годом ранее. Офис «Аэропосталь» находился в самом центре, на авеню Реконкиста. Он поселился между авеню Флорида и Сан-Мартин. У него было время открыть для себя город: квартал Ла-Бока, где кучковались итальянские иммигранты, потом Плаза-Лаваль, средоточие интеллектуальной силы, расположенное в пышной зелени деревьев, и так до Авенида де Майо, соединявшей Каса Росада[21], где заседало правительство, и здание Конгресса. Он не должен был чувствовать себя чужим в стране своих соотечественников – Исидора Дюкасса, известного под псевдонимом «граф де Лотреамон», Жюля Лафорга и Жюля Сюпервьеля. В богатом французскими достопримечательностями городе можно было не тосковать по дому. И это – не говоря о разработках архитекторов Малле и Дюрана, а также о многих памятниках и статуях Бурделля и Родена. Тем не менее, в отличие от его товарищей, он не вкусил прелести этого «города одиозного и без очарования», и он там изнемогал. Своей матери он писал: «Это выглядит как плохо испеченный пирог. Это огромный город из цемента».

* * *

Он ожил, лишь когда смог летать. При взлете, рано утром, облака низко стояли в Буэнос-Айресе, и море в Рио-де-ла-Плата было совершенно серое. Но день обычно бывал хорошим. Однако нередко море начинало покрываться барашками, и это было признаком того, что приближается шторм или циклон, который регулярно опустошал все на своем пути. По мере того как он удалялся от города, он заметил Анды, блестевшие вдали. Он покинул Рио-де-ла-Плата, направляясь к своей первой остановке – к Байя-Бланка. Он соперничал в небе с ястребами, коршунами и кондорами. Он шел со скоростью 200 км/ч над тучными

пампасами. Внизу, под самолетом, паслись огромные стада овец, разбегавшихся в стороны, как вода под фортштевнем судна. Он не мог видеть дома с фасадами из окрашенных металлических листов, единственного, что было способно противостоять сильному ветру. Они стояли на равнине, в полном одиночестве. Когда он летел ночью, она казалась ему покрытой маяками, затерянными в открытом море. «Всю землю обволокла сеть манящих огней, – напишет он потом в «Ночном полете», – каждый дом, обратясь лицом к бескрайней ночи, зажигал свою звезду; так маяк посылает свой луч во тьму моря». Он не мог не вспоминать свой первый ночной полет. В своих размышлениях затем он думал о потребности в человеческом обществе. Потому что эти фермы, цеплявшиеся за долину или скалу, в борьбе с враждебной средой – это был урок для всего человечества. В «Планете людей» он писал: «Но среди этих живых звезд, сколько еще там закрытых окон, сколько погасших звезд – сколько уснувших людей. Подать бы друг другу весть. Позвать бы вас, огоньки, разбросанные в полях, – быть может, иные и отзовутся».

По мере того как он удалялся от Буэнос-Айреса, буковые леса, которые росли практически в уровень к земле, пригнутые ветром, уступили место ландшафту, покрытому папоротниками, и влажным зонам, где разрастались мхи. После Байя-Бланка он отправился к Трелью, своей следующей остановке. Если редкие признаки человеческого присутствия казались ему маяками, затерянными в море, то он сам, пилот «Аэропосталь», был пастухом. Он служил связью между людьми, он был тем, кто собирает стадо. Оживленный «верой строителей», как он определил это в «Ночном полете», он строил новую цивилизацию. Когда он оказался после наступления темноты в «тени миров», ему пришла в голову мысль: «Послание шло сквозь ночь, как сторожевой огонь, зажигаемый от вышки к вышке». Да, пилот оживлял мир. Он делал землю живой. И, как считал Сент-Экзюпери, рождалось новое сообщество.

В Трелью скалы округлых форм уходили прямо в черные воды. Растительность состояла лишь из пятен коротких трав и лесов, цеплявшихся за камни. Через несколько минут остановки он отправился к Комодоро-Ривадавия, что в заливе Сан-Хорхе, затем – к южной остановке на маршруте – к Рио-Гальегос. Там, в запустении южных земель, он почувствовал близость Огненной Земли. Цепь Анд там превратилась в хаотичную россыпь островов, заливов, проливов и полуостровов. Ледники сходили прямо в море. Все там играло, как в самом начале мира, под присмотром индейцев Ягана – племени, все еще жившего в хижинах и мало изменившегося с доисторических времен. Пахло

дикой силой природы. В Рио-Гальегос он остановился на единственной станции, разбитой посреди грустного пейзажа, покрытого туманом. Сажая свой самолет, он не мог не думать о Мермозе. «Лате-25»[22] № 603, на котором он с Коллено пересек Кордильеры, теперь стоял на месте, в ангаре в конце взлетной полосы. Во время перелета у них случилась поломка. И Мермоз сумел выкрутиться лишь благодаря акробатическому взлету в сторону пропасти, пустив самолет по ледяному склону. Сент-Экзюпери думал о маршруте друга, о его мужестве, и он потом вернется к этому в «Планете людей». Он напишет: «Одолев пески, Мермоз вызвал на поединок горы, устремленные в небо вершины, на которых развеваются по ветру снежные покрывала; и предгрозовую мглу, что гасит все земные краски; и воздушные потоки, рвущиеся навстречу меж двух отвесных каменных стен с такой яростью, словно вступаешь в драку на ножах».

Занимаясь редактированием «Ночного полета», он размышлял о преодолении самого себя, о том, что такое мужество, что такое каждый день делать себя человеком. Результатом его размышлений в законченной работе будет Ривьер, литературное воплощение Дидье Дора. Именно по его правилам и благодаря им все люди на Линии получили толчок, чтобы стать больше и лучше. Когда он видел человека, он отличал в нем все, что было еще скрыто. Он думал: «В любой толпе есть люди, которые ничем из нее не выделяются. Но они вестники Чудесного и сами того не знают». И это – именно то, что он искал. У Сент-Экзюпери читаем: «Своей суровостью он хотел не поработить людей, а помочь им превзойти самих себя». Он заставлял их стать другими. Он давал им человеческую судьбу. Он создавал мужчин, способных «своими широкими плечами отодвинуть прочь Неведомое». Он толкал их к противостоянию «тени миров», чтобы они потом говорили, что ничего там не встретили, так как бояться нечего, кроме самих себя. Он заставлял их понять, что, что бы ни случилось, они могут рассчитывать только на собственные силы, в противном случае «они никогда не избавятся от страха перед ночью».

Сент-Экзюпери вспоминал об этом в первое время. Мужество никогда не оставляло его, что некоторые принимали за опрометчивость. Это особенно проявилось в ходе полета в Бразилию с механиком Суласом. В тот день, едва его тяжело загруженный «Лате-26» взлетел, он вдруг резко потерял высоту, а заклепки кабины вдруг стали вылетать одна за другой. Как самолет приземлился без поломок, это осталось загадкой для механика, равно как и для многих его коллег, которые, приземляясь таким образом, начинали верить в чудеса или

благодарить первое божество, что приходило им на ум. Тем не менее, самолет оказался на земле. Пилот бросился искать в этой глухомани кузнеца, чтобы заменить выпавшие заклепки и отремонтировать левый лонжерон фюзеляжа. После ремонта аппарат мог наконец снова взлетать. Но Сулас с ужасом обнаружил, что фюзеляж разрывается все больше и больше по мере движения самолета. Да, они избежали худшего и успели сесть в Пачеко. Но механик не поверил своим ушам, когда пилот повернулся и спросил: «Это же работа, разве нет?»

Теперь он был уверен, что летел с сумасшедшим. Для Сент-Экзюпери же, беззаботного и спокойного, все это было лишь фактором RAS[23], как он отметил это вечером в бортовом журнале.

Если он сделал так, то это не потому, что был сумасшедшим, а потому, что в нем уже жил дух Линии. Поэтому он не боялся мира, ибо знал, как он отметит это в «Ночном полете», что «рок – как внешняя сила – не существует», а существует только «некий внутренний рок». Он знал, что достаточно того, чтобы человек шел вперед, и решения придут сами, что реальность каким-то таинственным образом преобразуется, уступая силе воли. И он скажет устами Ривьера, размышлениями которого наполнены страницы законченной им книги, что «в жизни нет готовых решений», что в жизни есть только «силы, которые движутся: их нужно создавать, и тогда придут решения». Он преподнесет нам урок, который действителен для каждого из нас, и он учит нас, что человек, который не боится, борется и идет вперед, может сделать все. Или почти все.

Гийоме также усвоил этот урок. 13 июня 1930 года он попытался совершить аварийную посадку рядом с Лагуна-Диаманте, но его самолет разбился. Он оказался узником Анд, в своеобразной воронке, один фланг которой составлял вулкан Маипу, возвышавшийся на 6900 метров. Местные жители, все без исключения, думали, что он не переживет ночь, что гора не возвращает людей, которых берет в плен, разве что потом, весной, когда тающий снег обычно выдает тех, кто оказался в ловушке. В течение пяти дней самолеты пилотов Деле, Мендосы и Сент-Экзюпери обшаривали Анды. Антуан за штурвалом своего «Потеза 25»[24] подвергал себя страшному риску. Он летал очень низко над острыми горными вершинами, влетал в горловины, где крылья его самолета могли в любой миг задеть каменные стены. Это был риск ради дружбы, и он был готов поставить свою жизнь на карту. Он узнал один из главных уроков «Маленького принца»: «Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь». Это был единственный источник

его отваги. А в это время Гийоме боролся с Андами – без пистолета, без веревки, без еды. Он взбирался на вершины в 4500 метров или двигался вдоль вертикальных стен, у него кровоточили ноги и колени, температура доходила до –40 °С, но он все шел вперед с упорством муравья. Он это делал в первую очередь ради жены, чтобы его пенсию не задержали на четыре года, как это происходило в случае, если пилот пропал без вести. Поэтому он должен был погибнуть в месте, где его смогли бы увидеть. За пять дней он не видел ничего, кроме самого себя и камней. Наконец, на пятый день, он добрался до фермы, сотворив чудо. Крестьянка не поверила своим глазам, когда наткнулась на того, кого с тех пор стали называть «Кордильерским ангелом».

Когда Сент-Экзюпери подошел к его постели, его друг рассказал ему эту историю и дал урок возвращения из мертвых. И в «Планете людей» он уверяет нас: «Спасение в том, чтобы сделать первый шаг. Еще один шаг. С него-то все и начинается заново». Он отдает ему должное, и мы видим, как складывается образ человека, которого он защищает. Люди «Аэропосталь», и Гийоме в первую очередь, стали архетипическими фигурами. Автор пишет: «Его величие – в сознании ответственности. Он в ответе за самого себя, за почту, за товарищей, которые надеются на его возвращение. Их горе или радость у него в руках. Он в ответе за все новое, что создается там, внизу, у живых, он должен участвовать в созидании. Он в ответе за судьбы человечества – ведь они зависят и от его труда. Он из тех больших людей, что подобны большим оазисам, которые могут многое вместить и укрыть в своей тени. Быть человеком – это и значит чувствовать, что ты за все в ответе. Сгорать от стыда за нищету, хоть она как будто существует и не по твоей вине. Гордиться победой, которую одержали товарищи. И знать, что, укладывая камень, помогаешь строить мир». И это становится понятно, ибо все выходит за пределы частного случая Гийоме. Однако автор спрашивает себя, как мы это видим в «Ночном полете»: «Может быть, существует что-то иное, более прочное, и именно оно нуждается в спасении? Может быть, во имя этой стороны человеческой жизни и трудится Ривьер?» Сам он в любом случае старался изо всех сил, борясь с демагогами и лжепророками.

* * *

В Латинской Америке снова и снова он смотрел на землю. Он обнаружил, что она крошечная. Ему казалось, как он рассказывает в «Планете людей», что «все богатства мира остались на

крохотной песчинке, затерявшейся меж созвездий». Он размышлял о судьбах тех, кто ее населяет. И ему казалось, что он добрался до с трудом различимой реальности. Он пишет в «Ночном полете»: «Он почти отрешился от всего, за что так цепко держатся люди; он только что узнал, как все это мелко. Он прожил несколько часов по ту сторону декораций». И это самолет позволил ему сделать такое открытие. Он познал опасности, которым подвергают себя люди. Он пишет: «Только теперь, с высоты прямолинейного полета, мы открываем истинную основу нашей земли, фундамент из скал, песка и соли, на котором, пробиваясь там и сям, словно мох среди развалин, зацветает жизнь». Ему казалось, что мир смеется над людьми, что это не плодородная земля, которую мы иногда себе рисуем. Что это сила порой более разрушительная, чем полезная. Среди «глубоких котловин», которыми вековые вулканы изрыли землю, он обнаруживает в «Ночном полете», что «их цивилизация – лишь хрупкая позолота: заговорит вулкан, нахлынет море, дохнет песчаная буря – и они сгинут без следа»[25]. Люди предстают перед ним как то, что сгинет без следа в море песка. Мир – это сад над пропастью.

То же самое движение, что открыло ему тайну человека, открыло ему и его благородство. Он понял относительность суждений, осознал, что та же сила, которая готова уничтожать, позволяет и создавать. Человек превращается в садовника, создателя оазиса. Он – строитель мира людей, по своей собственной воле, и в этом заключается его подвижничество. Его жизнь, как он пишет об этом в «Ночном полете», представляется ему как «вечная борьба садовника на своем газоне». «Тяжесть простой человеческой руки ввергает его обратно в землю, которая извечно вынашивает в себе дикий первозданный лес». К этому уроку о величии людей, о том, что одной их воли достаточно, чтобы построить мир, он вернется в «Цитадели». Мотив ветра вернется, смешанный с морем, бьющим в стены бастиона. Это море – оно питает или уничтожает, ибо «как отделить то, что уничтожает тебя, от того, что тебя созидает, если один и тот же ветер строит дюны и разрушает их, один и тот же поток выглаживает скалу и стирает ее в песок, одно и то же принуждение выковывает в тебе душу и лишает тебя души».

* * *

Но хоть Сент-Экзюпери и размышлял о воле и ответственности, сам он оставался человеком из плоти и крови.

Ему не хватало женщины, которая могла бы унять то, что он называл своим «беспокойством». И именно в Латинской Америке, вопреки ожиданиям, он встретился с ней. Встреча состоялась 4 сентября 1930 года в центре «Лос Амигос дель Арте». Он, предпочитавший обычно высоких блондинок, не сводил глаз с крошечной брюнетки, дочери этой вулканической земли. У нее была темная матовая кожа, освещенная двумя большими черными глазами, излучавшими интеллект. Он ее сразу же приметил. «На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы – у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесенного неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки». Это была Консуэло Сунцин, недавно овдовевшая жена гватемальского писателя и дипломата Энрике Гомеса Каррильо. Его друг Морис Метерлинк так описал ее в одном из своих произведений: «Вы – небольшой неумолимый вулкан на двух тонких ножках».

Чтобы ее завоевать, Сент-Экзюпери действовал в тот вечер словно под воздействием волшебного зелья. Когда она собралась уходить и надела пальто, он потянул ее за рукав, чтобы удержать. И он приложил при этом столько силы, что она упала в кресло. Посмотрев вверх и желая заглянуть в глаза тому, кто удержал ее, она услышала: «Пойдемте со мной, я покажу вам звезды».

Она все не могла встать, потому что рука этого человека прочно удерживала ее в кресле. Ответ не заставил себя долго ждать, и он не предвещал ничего хорошего относительно дальнейших событий: «Я не люблю летать. Я не люблю вещи, которые движутся слишком быстро. Не уверена, что мне понравится смотреть сверху на чьи-то макушки. И к тому же мне пора уходить».

Дело казалось бесперспективным. Но мужчина настаивал, и было бы неправильно полагать, зная его, что он мог бы так легко сдаться. Звезды, которые он хотел ей показать, были вполне реальны. Он хотел взять ее, равно как и писателя Бенжамена Кремье, который ее сопровождал, и пианиста-виртуоза Рикардо Виньеса, чтобы продемонстрировать им ночное небо Буэнос-Айреса. И его сила настойчивости наконец победила. И вот они поехали на аэродром. Консуэло села в кресло второго пилота, чтобы ничего не пропустить в этом представлении. И она не была разочарована. После серии акробатических трюков, жестковатых для начинающих, он попросил его поцеловать. Видя, что его подход не приносит результатов, он, как избалованный ребенок,

занялся шантажом и угрозами их утопить. И если бы речь шла только об этом, он перешел к активным действиям. Будучи убеждена, что имеет дело с психом, она подчинилась. Самолет наконец выровнялся.

При спуске Рикардо Виньес пребывал в таком плохом состоянии, что отказался от своего представления, запланированного на следующий день. Консуэло была настолько слаба, что Сент-Экзюпери вынужден был нести ее к машине. Он решил привезти их в свою квартиру. А там он всю ночь усыплял Консуэло отрывками из своей книги, еще находившейся в стадии подготовки.

Вряд ли все это можно было назвать хорошим началом, но события вскоре приняли иной оборот. Когда Консуэло на следующий день встречалась с президентом Иполито Иригойеном, она стала свидетелем его падения. Он был свергнут в результате переворота генералом Хосе Феликсом Урибуру. Революция всегда убивает, сжигает, грабит, особенно близких к бывшему режиму, и она была его частью. Смельчак-пилот в эти смутные времена выступил в качестве ее защитника. Они сблизились, приручили друг друга. И поженились через шесть месяцев, 12 апреля 1931 года, в Аге, в двух шагах от Фрежюса и Сен-Рафаэля, прямо на Французской Ривьере, как только он ушел в отставку из «Аэропосталь» в знак солидарности с Дидье Дора, ставшим жертвой несправедливых нападок.

Так началась история страсти, полная разрывов и новых завоеваний. Он ее обманывал, и она его обманывала, но таинственная нить, казалось, объединяла их, а это означало, что они, по сути, никогда не бросали друг друга. «Маленький принц» рассказывает нам о такой любви. Как и у героя, в душе автора «вскоре пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным». Он пришел к тому, что стал думать, как тот, кто представляет мир детей: «Напрасно я ее слушал […] Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом». Итогом первого акта этого союза, напоминавшего театральную постановку, стали взаимные сомнения и разлука. Но из этого разочарования родилась еще более глубокая любовь. Сент-Экзюпери скажет устами Маленького принца: «Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться». Он будет сожалеть о своих романах с Нелли де Вогюэ, потом с Сильвией Гамильтон. Второй акт – новое завоевание. У него раскроются глаза, и он скажет: «Она напоила меня благоуханием и зажгла. Я никогда не должен был от нее убегать!» Он понимал, что некая таинственная нить существует

между ними, а это означает, что, как бы ему ни хотелось, они неразделимы. Это будет третий акт пьесы, нечто среднее между трагедией «Антигона» и водевилем, и они сыграют его вместе. Как Маленький принц в конце путешествия на землю, он признается: «Ты знаешь мой цветок. Я несу ответственность за него! Он такой слабый! Такой наивный. У него есть лишь четыре шипа, чтобы защищаться от мира». И они не расстанутся, поочередно будут сердиться или раздражаться, но все равно приносить друг другу необходимое равновесие.

Покинув Аргентину, Антуан де Сент-Экзюпери оказался в неопределенном положении. Он стал пилотом без работы. Конечно, «Ночной полет» принес автору признание, получил премию «Фемина», но этого было недостаточно. Равно как мало ему было и эрзаца приключений, что он отведал, вернувшись на Линию на маршрут Касабланка – Дакар или поработав тест-пилотом на гидросамолетах, соответственно в 1931 и 1933 годах. Ему не хватало приключений.

Начиная с 1934 года, когда «Эр Франс» отказала ему в приеме на место пилота, стало еще хуже. Он ограничивался рекламными задачами, вроде написания статей и съемок фильмов, которые он даже не осмеливался подписать своим именем.

В это время он беспомощно присутствовал при зарождении фашизма, остро ощущая свое бессилие перед надвигавшейся катастрофой. Германия в ближайшее время окажется в руках Адольфа Гитлера, а Италия – под контролем «дуче» (вождя) Муссолини. В марте 1933 года авторитарный режим утвердится в Австрии. В 1934 году, в эпоху создания монархистско-военного режима в Болгарии генералом Георгиевым, канцлер Дольфус[26] наложил запрет на деятельность всех политических партий, к радости одной-единственной партии. Это была эпоха неопределенности, она была полна опасностей, и Антуану де Сент-Экзюпери, как и всем его современникам, предстояло ее пережить.

> «Люди больше не уважают друг друга. Бездушные судебные приставы, они расшвыривают мебель на все четыре стороны, едва ли осознавая, что они уничтожают целый мир…
>
> […]
>
> Здесь расстреливают, как рубят деревья в лесу…
>
> В Испании толпы находятся в движении, но личность, эта отдельная вселенная, напрасно взывает о помощи из глубины шахты».

Газета «Непримиримый» (19.08.1936)

Глава 5. «Здесь расстреливают, как рубят деревья в лесу»: критика идеологий

Москва – Триполи – Барселона – Лерида – «Убитый Моцарт»

В НАЧАЛЕ 1935 ГОДА Антуан де Сент-Экзюпери занимался кино. Он начал писать сценарий для фильма «Анна-Мария». В промежутке между писательством он окунался в парижскую жизнь. Однако его хорошее настроение было наигранным. Его находили пребывающим в мечтах, рассеянным, даже грустным. Да и на самом деле его положение было не слишком обнадеживающим: шла какая-то бесконечная череда проблем со здоровьем, усугублявшихся пристрастием к алкоголю, напряженностью в отношениях с Консуэло, отсутствием вдохновения, но главное – отдалением от «Аэропосталь». Когда они с Мермозом не ругались по поводу приверженности последнего к полковнику Ля Року[27], они горевали по былым приключениям.

После очередного гастрономического турне и бессонной ночи в одном парижском ресторанчике Мермоз вдруг схватил его за руку. Витая где-то в своих мыслях, он сказал: «Послушай, а ведь сейчас в Дакаре…». Но его друг и сам догадался о том, что занимало его. Смотря в небо, они думали об одном и том же. Сент-Экзюпери написал в «Планете людей»: «Это был час, когда механики протирают спросонья глаза и расчехляют винты самолетов», когда «по земле шагают только твои товарищи». Они страдали от того, что их не пригласили на пир, хотя уже шли «приготовления к празднику, но не для них расстилали скатерть. Сегодня жизнью будут рисковать другие».

* * *

В Европе тогда было не то время, чтобы соединять людей. Как говорил Мермоз, «какая грязь!». Горизонт затемнялся. Они наблюдали рост фашизма и в ужасе смотрели на слепоту французов. В Германии Гитлер демонстрировал нарастающую жестокость. С момента своего избрания на пост канцлера, 30 января 1933 года, он одну за другой проводил силовые акции, запугиванием и насилием подчинив себе все области

общественной жизни. Человечество, занимавшее все страницы Сент-Экзюпери, уже начало собираться в лагерях – с открытия в марте 1933 года «экспериментального» лагеря в Дахау. В марте 1935 года Гитлер нанес последний удар по Версальскому договору, восстановив вооруженные силы. Смутно, не зная еще, как это объяснить, писатель предчувствовал рождение бесчеловечного режима и близость новой войны.

* * *

Он нуждался в одном – в побеге, и куда подальше. И именно это предложили ему Пьер Лазарефф, главный редактор «Пари-Суар», и Эрве Милль, его заместитель. Им был нужен наблюдатель. Верный своим убеждениям, Сент-Экзюпери держался в стороне от любой идеологии. Такая этическая и моральная беспристрастность и сделала его главным кандидатом на поездку в Москву на первомайские праздники 1935 года. Он отправился туда на поезде 26 апреля, за три дня миновав быстро меняющиеся Германию и Польшу.

Он прибыл 29 апреля, и его встретил на перроне вокзала Жорж Кессель, брат Жозефа, также отправленный освещать эти события. Он поселился в гостинице «Савой», где слежка была слабее, чем в «Метрополе» или «Интернационале». В день парада, однако, он обнаружил, что его заперли в номере, и вынужден был вылезать через окно, чтобы выбраться на улицу. Некоторые говорят, что, в отличие от Жида, Селина или Панаит Истрати, он не воспринимал ничего из драмы, разыгрывавшейся за фасадом революционных торжеств. Конечно, он не знал, что желтое здание с видом на большую площадь – это штаб-квартира КГБ, где томились противники политического режима в камерах, некоторые из которых были оборудованы для пыток или для уничтожения простого и чистого. Но он предчувствовал кошмар, который готовился, и он написал об этом в своих «Записных книжках». В отличие от многих французских интеллектуалов, он не соблазнился обещаниями сталинского режима. Он отмечал: «Мадонну несут по улицам Севильи, Сталин шествует по улицам Москвы: различие в эстетике, как сказал бы Леви Нет, более того». Именно так, и в этом огромное отличие между справедливым восприятием священного и грустной пантомимой, которой занимались московские власти. Это показалось ему тем более невыносимым, что он смотрел на цивилизацию и историю через неправильный конец телескопа: он видел личность и ее драмы. Этот этический выбор доносил до него мелодию мира,

которая повторялась, ломалась, шла в минорном исполнении, и это привело его к глубоким размышлениям о состоянии человечества.

13 мая, когда он по телефону зачитывал свою вторую статью, секретарь редакции мадам Ля Роза разрыдалась. Эрве Милль прибежал, чтобы спросить, что случилось. И последовал ответ: «Я не могу продолжать, это слишком хорошо».

Статья была о путешествии репортера. К часу ночи он решил под стук колес пройти по всему поезду. В нем ехали семьи польских шахтеров и маленький светловолосый мальчик, устроившийся спать между отцом и матерью. Банальная сцена. Но во сне ребенок повернулся, и пассажиры увидели его лицо; «вот лицо музыканта, вот маленький Моцарт, он весь – обещание», – подумал Сент-Экзюпери, и это потом было описано в «Планете людей». Но его взгляд пошел вглубь. Он отметил, что идет надлом, уже идет, несмотря на невинность этого лица.

Он прочитал в нем состояние человека. В самом деле, в этом ребенке и «в каждом из этих людей, быть может, убит Моцарт». Все попадет под чудовищный пресс. Моцарт был обречен, ибо формировавшаяся новая антропология (о ней он тоже напишет в той же книге) грозила распадом всему, в том числе и той бесконечности, носителем которой является человек. Оставались лишь вопросы без ответов: «Под какой страшный пресс они попали? Что их так исковеркало? Животное и в старости сохраняет изящество. Почему же так изуродована благородная глина, из которой вылеплен человек?» Для него, следовательно, демаркационные линии между режимами были эфемерными, ибо все они «уродуют человека», а он не мог это выносить.

* * *

Когда он вернулся, он оказался в еще более беспросветном тупике. Старые долги тяготили его; и что еще хуже – мир приключений, связанных с «Аэропосталь», продолжил разрушаться. Черная полоса все тянулась, забирая одного за другим его бывших товарищей. Тем не менее, более чем скорбь по их исчезновению его угнетало то, что он больше не будет с ними, не разделит с ними опасности. Ведь для него настоящая жизнь была там, а вовсе не в литературных салонах Парижа. Чтобы чем-то заняться в ожидании лучших времен, он принялся осаждать «Пари-Суар», да так, что мешал работе, и ему было запрещено появляться в редакции, и это сделал сам Пьер Лазарефф, который в частном порядке называл его «Сент-текст» за внимание к

подготовке своих статей. Тем не менее, несмотря на запрет, ничто не могло его остановить. Он подкупил охранника парой бутылок хорошего вина, чтобы иметь возможность незаметно добраться до комнаты, где сидели редакторы. Так тайком он умудрялся проскользнуть даже на тайные встречи журналистов.

* * *

Впрочем, что уж точно должно было бы развеять его меланхолию, так это компания «Эр Франс», давшая ему возможность снова летать. С особыми поручениями, по всему Средиземноморью. Он вылетел в ноябре на борту «Кодрон-Симуна», полученнного от Дидье Дора. Этот тур привел его последовательно в Алжир, Триполи, Александрию, Дамаск, Бейрут, а еще – в Стамбул и Афины. Он собирал полные залы и умел заинтересовать аудиторию. Но из этой поездки он все равно вынес лишь чувство собственной неполноценности. Кому была нужна вся эта болтовня накануне ожидавших мир потрясений? Не лучше ли было бы оказаться в прямом контакте с людскими страданиями?

* * *

И вот газета «Непримиримый» (Intransigeant) дала ему такую возможность и тем самым позволила разрешить его внутреннюю дилемму. Газета предложила ему отправиться в качестве военного репортера в Испанию – на фронт в Лериду, неподалеку от Барселоны. Конфликт, разделивший страну надвое до 28 марта 1939 года, начался 18 июля 1936 года. В первую его неделю Гитлер и Муссолини заверили Франко в своей официальной поддержке, отправив в Испанию под видом добровольцев из «Легиона Кондор»[28] регулярные части. Страна кишела немецкими «соверниками», а также итальянскими и советскими, и все это стало испытательным полигоном следующей войны.

Журналистам, среди которых был и Эрнест Хемингуэй, предстояло работать в экстремальной обстановке, которая выявляла все низменное и все величественное в человеке в равно превосходной степени. Почти никто не убегал из сборных пунктов партизан, и не важно было, кто кого поддерживал – республиканцев или франкистов. С одной стороны и с другой сформировалось единодушное соглашение о том, что надо молчать о лихоимстве и репрессиях в своем лагере. Некоторые

могут сказать, что Антуан де Сент-Экзюпери ничего не понял в том конфликте и в драме, которая разыгрывалась у него на глазах. Тем не менее, фактом является то, что он нарушил тишину и отказался делить человечество. Перед ним были не два враждебных лагеря, он видел человека и разрушающуюся цивилизацию. Он рассматривал конфликт так, как это потом было сформулировано в его «Цитадели»: «Не суди о человеке по тому, что увидел на поверхности, встреться с ним в глубинах его души, ума, сердца».

* * *

В Барселоне, в начале августа, его работа концентрировалась вокруг анархистов, которые «держали город», поставив пулеметы на крышах отелей, день и ночь разъезжая на реквизированных автомобилях, выставив оружие в окна. Репортер видел в них не партизан, а людей. И он понимал их, всех тех, кто нападал с простыми ножами на солдат, поддерживаемых бронетехникой. В их энтузиазме он узнавал дух «Аэропосталь». Он сравнивал ручных газелей, которых он завел в Кап-Джуби, с этими людьми, которые «будут убиты прямо в своей рабочей одежде», как он написал в своей первой статье для «Непримиримого». Подобно газелям, люди были охвачены неведомой скорбью. Ведь, подобно им, люди, сами того не ведая, «ищут простора», как он напишет потом в «Планете людей». Анархизм для них, как режим Франко или религия для других, – это их правда. Ибо, как он заметил в этой книге, «истина человека – это то, что делает его человеком». Мало-помалу, может быть, даже как-то неловко, с одной стороны или с другой, люди начинали чувствовать, как в них рождается человечность. Ради одного этого они готовы были умереть, ибо эта единственная реальность позволяла им жить – наконец-то стоя. На этой высоте они могли дышать как «получившие свободу заключенные». Они попробовали то, что обычно чувствуют паломники или пилоты. И они больше не смотрели на свои лохмотья, они вдруг обнаружили, что их руки созданы для созидания, а сердца стали больше и насыщеннее. В память о них он написал в той же «Планете людей»: «Мы дышим полной грудью лишь тогда, когда связаны с нашими братьями и есть у нас общая цель; и мы знаем по опыту: любить – это не значит смотреть друг на друга, любить – значит вместе смотреть в одном направлении». Они уцепились за эту зачаточную веру с отчаянием нищего. Только она одна дает возможность освободиться, стать значительнее, чем они были до этого. И в этом они ничем не

отличались от прочих европейцев того времени. Сент-Экзюпери пишет, продолжая свои размышления: «В Европе двести миллионов человек бессмысленно прозябают, но они рады возродиться для истинного бытия». Идолы дарят им рождение.

* * *

Но не ошибаются ли они? Точнее, не лгут ли им эти идолы, ввергая их в такую бессмысленную мясорубку? Сент-Экзюпери, сохранивший понимание неделимого единства мира, чувствовал, как он написал для «Непримиримого», что «здесь царит атмосфера госпиталя», что внешний вид этих людей, хоть и блестящий, но по-прежнему изможденный, и они представляют собой «народ, погруженный в тяжелый сон». Эти идолы, в самом деле, не толкают ли они на уничтожение того, что люди пытаются найти? Своей человечности. Сент-Экзюпери написал в «Планете людей»: «В Марокко я видел подземные мельницы, там слепые лошади ходили по кругу, вращая жернова. Вот и здесь, при неверном красноватом огоньке свечи, будили слепую лошадь, чтобы она вращала свой жернов». И он изгоняет из своей души все эти необоснованные верования, что разделяют людей, заставляют их убивать своих собратьев. Он к этому вернется в «Цитадели» и напишет: «Мне претит голос крови, он взращивает одно только братство – братство тюремщиков». И все это, как он анализирует в «Планете людей», потому что «эти идолы – идолы плотоядные».

В своей статье от 19 августа он отметил абсурдность войны на этой земле, которая, прежде чем стать братской могилой, была «землей нив и виноградников». Он пишет: «Стоит им вычитать из газет, как выглядит «властелин мира» Базиль Захарофф[29], и они тут же переводят это на язык своих представлений. Они узнают в нем своего владельца парников или своего аптекаря, они убивают в нем как бы частицу Базиля Захароффа. И только сам аптекарь этого не понимает». Эта война забывает человека, и он возмущается: «Но эта чудовищная беспамятность – качество человека, эти алгебраические оправдания – то, что я не могу принять». Мы строим мир, похожий на муравейник. Но он также кричит так громко, как это только возможно: «Мы не термиты. Мы люди!» Он кратко излагает свои мысли в конце статьи, где он, похоже, достигает предела своих возможностей: «В Испании толпы находятся в движении, но личность – отдельная вселенная – напрасно взывает о помощи из глубины шахты».

Он был единственным, кто не забыл человека, кто не был

готов согласиться на братскую могилу. Это легко обнаружить в его статье от 19 августа, и это придает масштаб его тексту: «Я хотел бы понять людей». Он задается вопросом, он не заботится об идеологии. Действительно, как он пишет в «Планете людей», «что толку в политических доктринах, которые сулят расцвет человека, если мы не знаем заранее, какого же человека они вырастят», чего стоят апостолы роботов или термитов? Он видел болезненный разрыв между своими мыслями и реальностью и утверждал, что человек является «чудом», «империей», но отмечал в своей статье от 14 августа, что здесь «людей просто ставят к стенке и выпускают кишки на камни», что «людей расстреливают так, как рубят деревья в лесу» (газета «Непримиримый», 19 августа).

Человек разрушается, и вместе с ним трещинами идет целая цивилизация, ибо – это будет одним из объединительных уроков «Цитадели» – «дерево умирает, когда умирают его ветви». Он приходил в отчаяние в своих статьях для газеты «Непримиримый» и в конечном итоге написал: «Люди больше не уважают друг друга. Бездушные судебные приставы, они расшвыривают мебель на все четыре стороны, едва ли осознавая, что они уничтожают целый мир».

Кстати, именно для понимания того, что эти идеологии, обещавшие освобождение для людей, на самом деле лишь разделили их, пролив кровь, он счел своим долгом написать «Цитадель». В свете происходивших событий эта книга получила совсем другой оборот. Он выделил этическую и моральную альтернативу идеологическим ошибкам своего времени, а отсюда – и нашего тоже. Он все знал о силах, движущих обеими кланами. Но он знал и то, что приводило их к неправильному ответу, заставляло бежать с запрокинутой головой прямо в стену. И в своей «Планете людей» он задал вопрос, будучи единственным голосом того времени, который не дрожал: «Чего ради нам ненавидеть друг друга? Мы все заодно, уносимые одной и той же планетой, мы – команда одного корабля». Он знал, что бойцы ошибались относительно свободы, которую они искали, что она разрушала их и толкала к уничтожению человечества и цивилизации. Вот первые слова его большого произведения, появившегося в то время: «И я понял: человек – та же крепость. Вот он ломает стены, мечтая вырваться на свободу, но звезды смотрят на беспомощные руины. Что обрел разрушитель, кроме тоски». Так рождалась несгибаемая воля. «Цитадель, я построю тебя в человеческом сердце».

Он знал, что «противопоставляют людей друг другу только неуклюжие слова», что «гора слов мешает рассмотреть человека».

Поэтому это произведение показало настоятельную необходимость ответа демагогам и лжепророкам, которые только и умели, что проливать кровь. Он написал как бы в ответ одному из них: «Я должен сотворить язык, который будет истощать противоречия». Это фундамент, на котором стоит «Цитадель». Это работа – объединить людей, чтобы напомнить им об их братстве, основанном на присущем им благородстве, и писатель должен быть впряжен в это до конца своей жизни. Это то, что будет представлять собой основу его будущих действий.

* * *

Он вернулся из Испании раздавленным и разочарованным. По ночам его беспокоили сцены резни, при которых он присутствовал и о которых не мог написать. Хорошо же после этого говорить, что Сент-Экзюпери не понял события, которые тогда разыгрывались. Тем не менее, он стал частью маленькой когорты голосов, которые поднимались в то время (среди них были писатель Франсуа Мориак, поэт Жорж Бернанос, христианский философ-экзистенциалист Эммануэль Мунье и писатель Жак Маритен).

Вскоре они организовались у него дома или в бистро, где сохранились привычки дебатов между коммунистами, представителями «Огненных крестов»[30] или «Аксьон франсез»[31]. Его салон был всегда полон, и там были все, начиная от друга Леона Верта до его крестного отца в литературе Андре Жида. В «Липпе» и в «Двух обезьянах» он встречался с Леоном-Полем Фаргом, Блезом Сандраром или Рамоном Фернандесом для дискуссий, которые часто затягивались до поздней ночи. В суматохе споров он не стремился разорваться или принять чью-то сторону, он просто хотел понять. И он говорил тем, кто готов был его слушать: «Истина лежит в богатом разнообразии наших разговоров»; или еще: «Я не пытаюсь никого убедить, я хочу понять. Ты видишь, люди страдают от непонимания. Они могут жить в одном доме и оставаться чуждыми друг другу и себе самим»[32].

С Консуэло имело место сердечное согласие, или почти. Но это не помогало в его экзистенциальном недомогании.

* * *

Именно в этой неспокойной обстановке произошла одна из

самых страшных трагедий в его жизни. 7 декабря 1936 года он узнал об исчезновении Мермоза над Атлантикой, на борту своего гидросамолета «Южный крест». Сент-Экс был ошеломлен известием, но надеялся еще, что его друга все-таки найдут живым и здоровым. В своей статье в «Марианне», девять дней спустя, он все еще не верил в непоправимое. Он писал, и это было похоже на молитву: «Ты – мой товарищ со всеми твоими прекрасными недостатками, которые мы любим. И я жду тебя, чтобы броситься тебе в объятия. Я не хочу скорбить по тебе, я сохраняю для тебя твое место в маленьком вечернем бистро, где мы встретились. Ты просто немного опоздаешь, как всегда, о мой невыносимый друг».

Это стало ключевым моментом в его жизни. Мермоз всегда успокаивал его, поддерживая своей верой строителей храма. А теперь он чувствовал, что друга больше нет. И, как Каиду из «Цитадели», ему пришли такие слова: «Я томлюсь легковесной тоской, видя, как от вечернего ветра вянут розы в моем живом саду. Вяну и я с увядающей розой. Я чувствую: я умираю вместе с ней». Постепенно он начал чувствовать себя запертым в замкнутый круг, из которого не было выхода, и к этому добавилась смерть Мермоза.

Именно в этом контексте исторической драмы, сочетающейся с личной трагедией, он добрался до мест, где готовилась предстоящая война. В апреле 1937 года он вернулся как журналист «Пари-Суар» в Испанию, где война к тому времени стала еще грязнее. Другие журналисты, типа Дос Пассоса или Бразиллаша, нашли его странным и невинным, но быстро обнаружили мужество, которое заставляло его иногда рисковать жизнью, например, когда в ночное время на фронте он закуривал сигарету. Он вернулся во Францию 27 апреля после массового убийства в Гернике. Его беспокойство росло, учитывая ухудшение международной обстановки и слепоту политиков, которые отказывались признавать реальность. Приговор был ясен. В то время как Муссолини стремился восстановить империю в Эфиопии, Гитлер не скрывал своих амбиций по аншлюсу Австрии. В свою очередь, Москва стала театром абсурдных судебных спектаклей. В Париже международная выставка «Искусство и техника в современной жизни»[33] уже отражала этот упадок – советские и немецкие гиганты возвышались по обе стороны от Йенского моста.

В июле он вылетел с Нелли де Вогюэ в Амстердам, прежде чем устремиться в Берлин. Там его приняли за шпиона, и он едва избежал расправы. Они уехали в Рюдесхайм, где их ждали друзья, и Сент-Экзюпери вынужден был приземлиться на военном аэродроме в Висбадене, где обучались будущие пилоты немецких

истребителей. Там его задержали из-за низкой высоты полета над соседней базой. Тон повышался, самолет задержали на земле, пассажиры были почти арестованы, и им угрожали оружием. Больших неприятностей удалось избежать только благодаря обращению Нелли в посольство Франции. По их отъезду самолет приветствовали нацистским салютом будущие офицеры. Сердце старого ветерана разрывалось при виде всего этого. И он сохранит об этих крестоносных призраках на своем пути воспоминания как о своре свирепых собак, пока еще в намордниках, но уже натягивающих поводок, горя желанием наброситься и разорвать свою добычу.

* * *

В то время, к сожалению, ничто не спасло от приготовлений трагедии, равной которой еще не знала история. Он смотрел на все это расстроенно и прозорливо. Он страдал от очевидности предстоящего конфликта, от вопиющей неподготовленности западных армий. Что же станет с человеком в ситуации, где самое худшее выглядит неизбежным?

> «А ты, ливийский бедуин, ты – наш спаситель, но твои черты сотрутся в моей памяти. Мне не вспомнить твоего лица. Ты – Человек, и в тебе я узнаю всех людей.
>
> […]
>
> В тебе одном все мои друзья и все недруги идут ко мне на помощь, у меня не осталось в мире ни одного врага».

«Планета людей» (1939)

Глава 6. Несчастный случай в Ливии: универсальное братство

Бенгази – Триполитания – Джебель Хадид – Александрия – Ливийский бедуин – Человек

ЭТА СЦЕНА РАЗЫГРАЛАСЬ за несколько месяцев до того, как Сент-Экзюпери вернулся из Испании, и через несколько дней после того, как он закончил турне с лекциями по Средиземноморью. За несколько месяцев до исчезновения Мермоза. Они находились в гостиной Антуана, как два старых сообщника. Каждый сидел в своем кресле, по обе стороны от журнального столика. В комнате царил беспорядок, свойственный ее владельцу: африканская маска балансировала на сомнительной стопке книг; рядом – использованные зубные щетки и пара плоскогубцев. На полу – куча галстуков, зонтик, бинокль и отчаянно одинокий сапог. Их разговор проходил под ритм песни «Вспомни!». И они вспоминали о расцвете «Аэропосталь». Да, да, вспомни! Вспомни пустыню, Южную Атлантику, аэродром Касабланки, пампасы, постоянно атакуемые циклонами, словно гигантской рукой. Но это время прошло. И вот уже к улыбкам добавились слезы.

Ситуация, на самом деле, редко была столь неприветливой. Антуан никогда не казался таким растерянным – между профессиональной жизнью, вращавшейся на холостом ходу, пересохшим вдохновением и личной жизнью, не способствовавшей ничему хорошему. После турне Антуан нашел Консуэло еще более капризной и гневливой, чем когда-либо. Короче говоря – невыносимой. Невозможно было пересчитать разбитую посуду, которую потом сваливали в кухонном шкафу. По словам его друзей, она доводила Сент-Экса почти до безумия. Часто поздно ночью он писал ей, признаваясь в чувстве одиночества, от которого никто не мог его избавить. Но она не приходила, и он ложился спать один. Как писать в таких условиях? Как писать, не переживая приключений? Мермоз искал возможности помочь ему. Он тщетно пытался сделать так, чтобы его взяли пилотом в «Эр Франс», но там не хотели и слышать об этом – никто не был уверен в том, что он выдержит рутину регулярных перелетов. А он, похоже, был не так уж и далек от того, чтобы думать, как и его друг пилот Анри Делоне: «При взгляде на сегодняшнюю авиацию создается впечатление, что это суровая вдова, которую я знал еще веселой девочкой»[34]. Но что

же было делать, чтобы Сент-Экзюпери возродился вместе с опьянением ночных полетов?

* * *

Вот тогда-то Мермоз и прослышал о готовившемся перелете Париж – Сайгон. Речь шла о том, чтобы побить, причем до 31 декабря 1935 года, рекорд в 98 часов 52 минуты, установленный на этой дистанции пилотом Андре Жапи. Кроме того, победителя ждал денежный приз в 150 000 франков. У Антуана де Сент-Экзюпери имелся идеально подходящий для этого самолет «Кодрон Симун»[35] – более эффективный, чем «Кодрон Эглон» Жапи.

Его друзья с Мермозом во главе, знавшие о его рассеянности, помогли ему лучше подготовиться. Отлет был намечен на воскресенье, на 29 декабря 1935 года. При удачном стечении обстоятельств экипаж мог рассчитывать превзойти рекордное время предшественников примерно на двадцать часов. Постепенно энтузиазм вернулся, вернулся и вкус к приключениям. Антуан словно воскрес. Будущее казалось безоблачным.

Утром в день отправления Жан Люка бывший глава аэродрома Порт-Этьенн разбудил его в четыре часа. Все было готово. На картах написаны названия, расстояния, ориентиры. Но по мере того, как автомобиль приближался к аэродрому, тоска Консуэло росла. Она помнила, что накануне ее мужу предсказали неудачу. Вскоре Антуан сел за штурвал, а вместе с ним на борту разместился механик Жан Прево. У него был какой-то неестественный вид, почти печальный, ведь предсказание касалось и его тоже.

Тем не менее, они наконец взлетели. Через Мелон, Невер и Лион они отправились в Марсель и к Средиземному морю, которое пересекли в направлении к Бенгази, потом – к Александрии. Во время полета не происходило ничего особенного. Снаружи шел проливной дождь, а от водной поверхности, как написано в «Планете людей», поднимался «пар, точно от огромного таза с горячей водой». Они приземлились в Тунисе, и там было два часа ясной погоды. Вскоре они уже летели над Триполитанией, между Каиром и Александрией. Воздух был спокоен, дождь утих. Затем начались пески. Сент-Экзюпери думал тогда, как написано в том же произведении: «Боже, до чего же пустынна наша планета! Быть может, и вправду реки, тенистые рощи и леса, людские селенья – все рождено лишь совпадением

счастливых случайностей». И действительно, они вошли в область, где у человека нет своего места. «Но сейчас все это мне чужое, у меня своя стихия – полет. Надвигается ночь, и становишься в ней затворником, точно в стенах монастыря». В сумерках он начал смаковать ощущения полета. Они вошли в ночь, где в качестве ориентиров у них остались только звезды. Небо и земля слились, оставив пилота лицом к лицу с самим собой. Когда они прибыли в Бенгази, уже была кромешная ночь. Двое мужчин размяли ноги, довольные, что прошли свой первый этап так быстро. Если они сохранят тот же темп, они могут надеяться побить рекорд. После заправки Сент-Экзюпери сделал вираж в сторону офицеров охраны, чтобы сигнализировать им, что взлет прошел успешно, а затем пустил все 180 л. с. своего двигателя в ночь. Прошло несколько часов; с каждым километром кабина самолета все больше пропитывалась дымом Виргинского табака. Пилот начал «поглощать 1050 километров пустыни». Он не имел никаких ориентиров до самого Нила. «Мы в пустоте, – думал он. – Как в сказке, мы пересекаем мертвую долину, черную долину испытаний. Здесь никто не поможет. Здесь нет прощения ошибкам. Что с нами будет, одному Богу известно». И вот самолет вошел в облака. Пилот поднялся на 2500 метров, затем спустился вниз к 1000 метрам, чтобы избавиться от них, но это смолистое пюре по-прежнему окружало их. Время шло, и самолет уже должен был приблизиться к Нилу. Полагая, что Каир уже рядом, Сент-Экзюпери взял вниз, чтобы выйти из облаков и покончить с пилотированием вслепую. Теперь он летел, имея под собой примерно 400 метров высоты. Ему показалось, что он заметил маяк. Но тут вдруг «страшный треск» потряс кабину. И самолет врезался в эрг[36] на скорости 270 км/ч в районе Джебель Хадид, в 200 км к западу от Каира. Несмотря на шок, механик и пилот не испытали никакого ужаса. В «Планете людей» говорится: «Ни Прево, ни я ничуть не волновались. Я только и уловил в себе это напряженное ожидание: вот сейчас вспыхнет ослепительная звезда – и конец». Ожидание длилось, но не появилось никакой звезды. «Ничего, только ледяная тишина». Несмотря ни на что, они остались живы. Они выпрыгнули из самолета. Сент-Экзюпери думал, что его механик сейчас рухнет. Но они оба чудесным образом оказались невредимы. Пилот прошел вокруг и обнаружил, что самолет пропахал плато на 250 метров. Они не знали, где они находятся. Они находились «в квадрате со стороной в 400 километров».

* * *

Сент-Экзюпери пошел исследовать округу. Потом он вернулся и сказал Прево: «Я не увидел ни единой травинки». Таким образом, они потерпели аварию в центре пустыни. Утром они откроют для себя то лунное пространство, в котором, не по своей воле, они оказались: «Мы очутились в царстве минералов. Все вокруг заковано в броню. Одолеешь перевал, а там встает еще холм, такой же черный, блестящий». Ревизия воды принесла тревожные результаты. «Мы находим продырявленный термос, в нем уцелело пол-литра кофе, на дне другого – четверть литра белого вина. Процеживаем то и другое и смешиваем. Еще нашлось немного винограда и один-единственный апельсин». Что касается баков, то они разбиты. Песок поглотил все. Если верно оценивать свои силы, то у них их было достаточно, чтобы продержаться пять часов под палящим солнцем. Положение – хуже некуда. Если ждать, то их могли спасти в лучшем случае через восемь дней, в худшем – через полгода. Но имелось лишь два шанса. Либо ждать появления спасателей, либо мужественно идти на штурм пустыни. И Сент-Экзюпери подумал так (он потом вернется к этому в своей «Планете людей»): «Нельзя упускать надежду, пусть даже тень надежды – быть может, совершится чудо, и спасение все-таки придет с воздуха. И нельзя сидеть на месте – вдруг где-то рядом оазис?»

Этот урок идет против всех премудростей пустыни. В этом пространстве, на самом деле, нет ничего, что бы вселяло желание жить и бороться. Тем не менее, вот оно то, что он решил для себя, словно пройдя сквозь трубы атанора[37], через пустоту, отсутствие и неверие. Да, он и его механик стали пленниками пустыни, но они не станут пленниками самих себя. Вот так раскрываются, именно в такой момент, героические масштабы человека, отказывающегося от галлюцинаций.

* * *

В первый день они оставили место крушения с решением вернуться до наступления ночи и попытаться исследовать пространство вокруг. Потом он написал: «Мы взбираемся по склонам горбатых холмов. Песок покрыт тонким слоем блестящих черных камешков, обточенных, словно галька. Похоже на металлическую чешую, купола холмов сверкают, как кольчуга». В течение двух дней Сент-Экзюпери делал обходы, оставив самолет под охраной Прево, в надежде обнаружить хоть какие-то признаки жизни. По ночам они разжигали костры в тщетной надежде быть замеченными. По мере того как нарастала жажда, стали

появляться миражи. «Пока они еще очень просты. Разливается на пути озеро, а подойдешь ближе – и нет его».

В Париже, по мере того как проходило время, атмосфера становилась все тяжелее. Консуэло выглядела все более и более застывшей, несмотря на видимость надежды, теплившейся в холле ее дома. Там находились близкие друзья Антуана де Сент-Экзюпери: Дидье Дора, Гастон Галлимар, Леон-Поль Фарг, Леон Верт, журналист Жан-Жерар Флери, мать Антуана и Ивонна де Лестранж. Время от времени все поворачивались к Дидье Дора, остававшемуся невозмутимым. Он что-то бормотал, стряхивал пепел с сигареты, зажатой в губах, а потом восклицал: «Он опять втянул себя в этот чертов бордель. В последний момент он выпутается, как и всегда. И никто не будет знать, как ему это удалось»[38]. Это было как раз то, что предсказала Консуэло ясновидящая. Сент-Экзюпери и вправду уже выбирался из таких переделок, которые стоили жизни многим гораздо более опытным пилотам. Вскоре Мария де Сент-Экзюпери и Консуэло начали молиться. При этом лицо последней иногда освещалось, и она вскакивала, крича, что ее муж спасен, потому что «Пресвятая Дева (ей) так сказала»[39], как свидетельствовали потом Мари-Элен Шарбонель и Мартина Франсиоли Мартинес. Но общая атмосфера становится все более и более тяжелой. Анри де Сегонь тщетно пытался ускорить спасение, организовав встречу с министром иностранных дел Пьером Лавалем. Но ситуация не двигалась с места.

* * *

Именно они, эти невидимые связи, позволили Антуану держаться, особенно связь с женой. Как и Прево, если бы он был один, он лег бы на песок и дожидался бы того момента, когда ледяной холод ночи или дневная жара вызовут онемение. Он потом напишет: «Мне чудятся глаза жены. Одни только глаза. Они вопрошают. Мне чудятся глаза тех, кому я, может быть, дорог. Глаза вопрошают. Сколько взглядов, и в каждом – упрек: почему я молчу? Но я отвечаю! Отвечаю! Отвечаю, как только могу, не в моих силах разжечь еще ярче этот огонь в ночи!» Его ответ – это его действия, его движение, наперекор всему.

На третий день потерпевшие аварию решили бросить обломки и идти прямо вперед, не оборачиваясь. Сент-Экзюпери запомнил пример и урок Гийоме в Андах, когда лишь его воля покоряла расстояние и измеряла пространство. Он знал, что «спасение в том, чтобы сделать первый шаг. Еще один шаг». Что

«с него-то все и начинается заново». Подобно ему, он решит пойти на восток. И он потом напишет: «И вот сейчас я думаю – смешно, нелепо, но мне кажется, не зная, на что опереться, я выбрал это направление просто потому, что оно спасло в Андах моего друга Гийоме».

Он шел, потому что считал возможным добраться до каких-то признаков человеческого присутствия, выжить, исключительно благодаря своим силам. Он верил в спасение. Он писал: «Но я верю: где-то в пустыне мерно движется караван». У них с Прево уже больше не осталось слюны. Вскоре горло стало жестким, как стекло. Они ждали движущихся огней, которые будут возникать при галлюцинациях, когда придет время ложиться спать прямо в песок. Несмотря на все отчаяние своего положения, он ни о чем не жалел. Ему и в голову не приходило отказаться от жизни, полной приключений. Он думал: «Мне выпала завидная участь. Если бы я вернулся, опять начал бы все сначала. Я хочу настоящей жизни. А в городах люди о ней забыли». Он думал о других больше, чем о себе, думал о невидимой силе, которая угрожала подтолкнуть людей к современному рабству. Он писал: «Мне странны пассажиры пригородных поездов – воображают, будто они люди, а сами, точно муравьи, подчиняются привычному гнету и даже не чувствуют его». Но вовсе не против них оборачивалась его агрессивность, а против условий, делавших возможным подобное унижение. Если бы его горло так не болело, он бы закричал прямо там, в пустыне: «Не выношу, когда уродуют людей!» Несмотря на слабую надежду на спасение, он знал, что продолжит строить судьбу человека, ответственного, вовлеченного в каждое событие своей собственной жизни.

Это движение представляло собой новый этап его посвящения. Оно знаменовало собой момент глубокого понимания. Пустыня рождала духовную силу. Он потом писал: «Солнце иссушило во мне источник слез». Как это ни парадоксально, будучи доведен до предела солнцем и жаждой, он достиг самой сути своих размышлений, где к вопросам о человеке добавлялся вопрос о запретной цивилизации, а также о другой цивилизации – вызывающей отвращение.

* * *

И все же, дойдет ли он до людей? Вдруг обстановка незаметно начала преображаться. «Ничто не изменилось – и, однако, все стало иным. Песчаная гладь, невысокие холмики, редкие мазки зелени – все это уже не ландшафт, а сцена. Она

пуста, но чего-то ждет». Наконец два товарища достигли человеческого жилья, находившегося на ветру и под звездами. Оно сопротивлялось. Им по-прежнему казалось, что это галлюцинации, когда они вдруг услышали пение петуха, но услышали-то они его оба. Может быть, это правда? Они тщательно осмотрелись вокруг и тут на дюне увидели бедуина, одного человека. Сент-Экзюпери разорвал спекшиеся губы и крикнул по-арабски: «*Tayara boum! Tayara boum!*» – «Самолет упал! Самолет упал!» Но безрезультатно. Его голосовые связки давно пересохли. Когда по одной лишь интуиции погонщик верблюдов обернулся, он начал думать: «И вот понемногу, не спеша, он оборачивается. Стоит ему повернуться к нам лицом – и свершится чудо. Стоит ему посмотреть в нашу сторону – и конец жажде, смерти, миражам. Он еще только слегка повернул голову, а мир уже стал иным». И вот он уже идет к ним. Они спасены.

Им открыли рты птичьим пером, чтобы увлажнить глотку небольшим количеством чечевичного пюре. Потом им смочили губы, потом дали попить маленькими глотками. О человеке, решившем их судьбу, он потом напишет: «Ты, ливийский бедуин, ты – наш спаситель, но твои черты сотрутся в моей памяти. Мне не вспомнить твоего лица. Ты – Человек, и в тебе я узнаю всех людей. Ты никогда нас прежде не видел, но сразу признал. Ты – возлюбленный брат мой. И я тоже узнаю тебя в каждом человеке». Он подумал: «В тебе одном все мои друзья и все недруги идут ко мне на помощь, у меня не осталось в мире ни одного врага». Благородство, что он предвидел в человеке, стало универсальным. В нем родилось ощущение человеческого оазиса без границ, изначальной человечности, не подверженной распаду, – и теперь он будет сосредоточен на ее защите.

Они были спасены, но не смогли продержаться верхом на верблюде больше 15 километров. Поэтому было принято решение отправить гонца к ближайшему поселению, в район Вади Натрун, в низину, расположенную между Каиром и Александрией. А вечером 2 января 1936 года жена Эмиля Ракко, производителя каустической соды, приняла его у себя. В сообщении, написанном трясущейся рукой, содержалась просьба отправить либо автомобиль, либо лодку, чтобы их спасти! Да, ведь Сент-Экзюпери был уверен, что потерпел катастрофу возле Нила…

Предупрежденный полномочный посол Франции в Египте Пьер де Витасс вскоре дал предписание перевезти их в отель «Континенталь», что у подножия пирамид. Сначала их, в такой одежде и таких осунувшихся, приняли за нищих. Там Сент-Экзюпери увлажнил себя шампанским и виски, а также подобием воды Виши. Привычки возвращались: это хороший знак…

Париж вскоре узнал о чуде. Утром 3 января работница парижского отеля приняла звонок, и это был некий месье де Сент-Экзюпери. Она перевела вызов. И едва Консуэло услышала его голос, она вскрикнула и рухнула в обморок. Все праздновали появление выжившего. Андре Жид почти плакал. Он же так любил этого парня.

20 января Сент-Экзюпери приехал в Марсель вместе со своим механиком. На пристани ждала приличная толпа зрителей и журналистов, которые приехали, чтобы отпраздновать событие или взять интервью у героя песков. Теперь он был известным, но по-прежнему каким-то надломленным. Затем пилот вернулся в Париж, где он должен был написать историю о выпавших на его долю испытаниях для газеты «Непримиримый», финансировавшей его путешествие. На страницах, которые он передал им, уже был виден зрелый писатель. Его текст явно выходил за рамки традиционной журналистики.

* * *

Он был известен, но быстро возвратился к своим заботам, своей подруге жизни и финансовым вопросам. После приключений боль разлуки с любимой работой стала еще больше. Тем более что международная ситуация все усложнялась…

> «Осуществление – вот что такое ты. И если в колебаниях и переменах ты ощутишь себя ветвью, неотторжимой от оливы, то и у перемен окажется вкус вечности».
>
> *«Цитадель» (1948)*

Глава 7. Жизнь без приключений: интеллектуал и писатель

Гватемала-Сити – Нью-Йорк – Сайгон – Афины – Гуманизм – Писательство

СЕНТЯБРЬ МЕСЯЦ 1937 года, площадь Вобан, парижский дом Антуана де Сент-Экзюпери. Опять Консуэло, и опять посуда летает по всей квартире. Это не помогало решению проблем. Действительно, этот период его жизни – сплошная неопределенность как в профессии, так и в области чувств. Он с трудом перенес прекращение работы в «Эр Франс». Его директор не обратился к нему при формировании экипажей, хотя при этом он и окружил себя в основном бывшими сотрудниками «Аэропосталь». Почему от него отказались? Его вклад в компанию ограничился сотрудничеством с журналом «Эр Франс Ревю», для которого он написал, в частности, статью под названием «Спеши путешествовать». Он занимался, чем мог, принимая активное участие в парижской жизни, которая его немного отвлекала, и старался забыться в окружении «милашек». Те, кто находился ближе к нему, как, например, Нелли де Вогюэ, призвали его уйти от Консуэло. И он начал сомневаться, лавируя между ними обеими. С 1936 года он проводил целые ночи с сигаретой «Крэйвен», зажатой в губах, исписывая страницу за страницей, компонуя рукопись будущей «Цитадели». Но с вдохновением дело обстояло туго. Однако когда был придуман голос Каида[40], строителя города и персонажа, за потоком сознания которого мы следуем в этом произведении, он уже не мог не думать о течении времени – особенно после несостоявшейся встречи с затерянным в непроходимых джунглях Камбоджи городом *Ангкор*, древней столицей кхмеров, с его молчаливыми камнями и с четырьмя ликами императора Джаявармана VII.

* * *

Это было в июле 1934 года, когда компания «Эр Франс» отправила его в Камбоджу. Там он встретил свою сестру Симону[41], чье присутствие утешило его на какое-то время. Тем не менее, очень скоро он уже не скрывал своего разочарования в однообразных и бесцветных просторах этой страны. Он опять почувствовал смертельную скуку. И сестра посоветовала ему

отправиться в более дикие края, где не было и следов западной цивилизации. Она порекомендовала ему уехать из Сайгона, чтобы подняться по Черной реке и посетить Тонкин, добавив к этому, возможно, еще и Ангкор-Ват. Вот это было здорово. В самом деле, он давно мечтал посетить город, заросший лианами, о котором он слышал еще у Галлимара. Поэтому было принято решение как можно быстрее вылететь в район, где располагался этот храм. Он приехал в Тан-Шон-Нят, чтобы попросить у Пьера Годийера, с которым он познакомился пять лет назад во время уроков навигации в Бресте, предоставить ему гидросамолет компании. И вот они в сопровождении индокитайского механика полетели в Ангкор.

Дело испортила поломка, связанная с подачей топлива, которая произошла через сотню километров и вынудила их приземлиться в устье реки Меконг, недалеко от затопленного берега, который служил как бы входной дверью в густой лес, откуда веяло первозданной тайной. Но ничто не могло свести на нет его энтузиазм. Экипаж был вынужден провести ночь в месте, где они приземлились, ибо их могли спасти только на следующий день. И товарищи Сент-Экзюпери, в полной мере охваченные его изумлением, увидели, как он превратился в маленького мальчишку. Всю ночь, а она оказалась волшебной, он чувствовал на себе вибрации близлежащих джунглей, аналогичные тем, что он ощущал в дюнах Кап-Джуби, а вдали – сердцебиение Ангкора. Как и на той песчаной косе, нанесенной ветром, он понимал, что над ним берут власть, что его пленяют в свои сети, и при этом он освобождается от своего индивидуализма, становится больше и лучше. Очень быстро установилась некая весьма странная гармония, и его товарищи тоже почувствовали себя очарованными поэтической интерпретацией окружающего их пейзажа, сделанной летчиком, фантазия которого подпитывалась древнеиндийским эпосом «Рамаяна», который он недавно прочитал. Ночь проходила между «А ты заметил?» и «Это напоминает мне». Он не переставал повторять эти слова, это акцентировало его мысли, и он даже сочинил песню на основе кхмерского фольклора и на базе мелодии «В тени сладкой яблони» – одной из тех старых французских песен, что он знал наизусть.

В этой пульсирующей вибрации дикой земли он и работал над написанием «Цитадели». Энергия, составляющая главный смысл книги, целиком была почерпнута из метафизических ощущений, испытанных им на берегах Тонкина или в Кап-Джуби. Он испытывал это, когда поднимался на дюны Рио-де-Оро, опустошенный полуденным солнцем, как он сам написал в начале

книги. В этой «тайне наступившей ночи, взбирающейся на гребень звезд», он пил из «тиши божественных фонтанов». Он сохранил в себе урок, полученный от той тишины, и он попытался передать это в поэтической форме. В промежутке между двумя фразами, измученный повышенными требованиями к самому себе, он мог воскликнуть: «Что с нами будет, если забормочут горы? Я слышал их бормотанье, и мне его не забыть». Писатель пытался передать нам опыт того, кто спустился со своей горы и оказался среди людей, полностью измененный той тайной, что взвалилась на него. Его Каид тоже спустился со своей горы, и он просто говорит с людьми. Его урок идет от отдельных людей к цивилизации в целом. Сент-Экзюпери в этом произведении – строитель мира, он сооружает оазис.

Книга в целом является ответом тем идеологам и лжепророкам, которые, претендуя на открытие вечных истин, только углубляют рознь. Сент-Экзюпери освобождается от этого и стремится выразить единственную реальность, что отнимает у них силу и возвышается над ними. Его Каид говорит: «Я знаю: противостоят друг другу только слова, а человек, поднимаясь ступенька за ступенькой вверх, видит все по-иному». Он стремится создать мораль и этику, которые стали бы первоосновой примирения. Он пишет: «Нужны слова, которые уместили бы все высказанное разом, отдельные суждения – повод для взаимной ненависти. Светлое поле сознания слишком узко, и каждый, кто обрел для себя истину, не сомневается, что все остальное человечество лжет или заблуждается». Тем не менее, чтобы передать свои мысли, он не пишет теоретический трактат – одно из тех безжизненных творений, что держатся на одном лишь дыхании эпохи. Он задумал отобразить реальность дерева, его рост, борьбу против окружающего мира, и он не собирался побуждать нас прислушиваться к формулировкам, являющимся лишь «плоской тенью кедра». И его книга приняла форму поэтического текста, в котором разворачиваются пространные притчи, потому что, как выразился его Каид, «если моя картина озарила тебя иным пониманием вещей, то она уподобилась вершине, что упорядочила пейзаж». С помощью таких вот метафор он создал новую поэму, пытаясь объединить людей, чтобы попытаться найти «танец», о котором говорил Ницше[42]. И основано это не на обезличенной идентичности сторон, а на хорошо понятом уважении различий, потому что «пение в хоре – это одно», и «совсем другое – это создание песни». Цель автора – строить, причем в каждом из нас, человека, похожего на тех, что он знал в «Аэропосталь», безудержных в жизни и жестких в борьбе. Человека, способного танцевать этот танец, являющийся

«борьбой в ночи с ангелом»[43].

* * *

Ему казалось, что он обращается к людям изнемогающим, которые, не зная о своем былом величии, не могут даже ощутить болезненность разрыва, их разобщившего. То есть эта книга стала его выступлением против духа своего времени, против условий, которые способствуют человеческому унижению. Он писал: «Все потускнело. Одеревенело. Но человек не догадывается о несчастье, не оплакивает утраченную полноту, он радуется свободе – свободе небытия». На самом же деле, человека уже и нет более, а есть народ, некая общность, состоящая из роботов или муравьев. И писатель приходит, чтобы противопоставить что-то тем «певцам свободы», что внесли свой вклад в деградацию человечества. Он говорит нам: «Я понял: человек – та же крепость. Вот он ломает стены, мечтая вырваться на свободу, но звезды смотрят на беспомощные руины». Все эти люди ищут лишь одно – голос, который мог бы направить их к самим себе. И Сент-Экзюпери стремится восстановить храм, поощрить людей к воссоединению с реальностью, лежащей у его основания, с духовной реальностью. Он считает, что человечество пребывает в израненной реальности, «потому что храмы мертвы и засыпаны песком, потому что здесь лишь корабли, получившие пробоину и потерявшие драгоценный груз полумрака и тишины; голубая вода неба хлещет в обвалившиеся купола, и тихо шуршит песок, всыпаясь сквозь трещины стен. А голод, от которого страдают люди, не утолен». Корабли, о которых тут идет речь, и должны были плыть к этой цивилизации, основанной на взаимообмене и взаимной помощи, в которой люди могли бы жить многие века в рамках совместного творчества. Он стремится воссоздать ту чудесную сеть, которая восстановила бы людей в их истинных масштабах. Он пытается поднять из руин «силовые линии», сделать так, чтобы люди не были больше подобны «потоку, рожденному грозой. У такого потока нет надежного русла, и он умирает бесплодным, не перевоплотившись дорогой в дерево, в траву». Вся деятельность Каида в его произведении и сводится к попытке поставить человека на место разрозненных существ, построить «плотины в горах, чтобы удержать воды», в противовес естественным склонам, которые приводят лишь к уничтожению чуда, таящегося в каждом из людей.

Его попытка изменить устоявшиеся взгляды задыхающихся людей основана на глубоком доверии. В самом деле, «кто

упрекнет кедр за то, что он еще семечко, росток или растет не так, как надо?». Его Каид спокойно говорит об этом: «Его дело расти. Ошибка за ошибкой, и поднимается кедровый лес, благоухающий в ветреный день птицами».

* * *

Но каким должен быть тот человек, которого он хотел бы в нас увидеть? Во-первых, способным удивляться – это верный урок, полученный им еще в Сен-Морис-де-Реманс. Он пишет: «Я ищу того, кто похож на окно, распахнутое на море». Однако не забыл он и урок, который будет выражен в его «Планете людей». Ему хотелось бы, чтобы человек раскрылся, соизмеряясь со стоящим перед ним препятствием. Да, жизнь, которую он предлагает, проявляется в способности удивляться, но она также является и реальностью боя. Он утверждает: «Мне нужен тот, кто напряжется и одолеет подъем, пусть это будет невысокая горка, в будущем он поймет все другие куда лучше, чем мнимый знаток, с чужих слов рассуждающий о доброй сотне гор». Человек его восхождения – это тот, кто весь исцарапан в кустарниках, кто падает в канавы, кто срывается, отбивается от камней, но продолжает двигаться вперед. Потому что чем дальше он продвигается вперед, тем лучше он становится. Он и не думает отрицать боль при родах, предшествующую рождению человека. Но он уверяет нас, что этот путь страдания, свойственный человеку и весьма далекий от существования муравья в муравейнике, и является единственно возможным. Борьба с препятствиями – и есть способ, позволяющий сделать так, чтобы новое появляющееся существо наполнилось чем-то, например, ответственностью за свою собственную жизнь. За свою жизнь во всей ее широте и самоотверженности. Так некая особь сама становится мостом и путем, ведущим к человеку во всей полноте этого понятия. И он приходит, чтобы научить нас тому, что все дело – в пройденном пути, который суть освобождение от старой кожи, страдание, предшествующее изменению. А следующий человек становится символом вечного становления, недостижимого по сути, ибо «значимо только направление», потому что «важно идти, а не прийти куда-то, ибо приходим мы только в смерть». Идущий человек проходит между двумя бескрайними пространствами, между непоправимостью прошлого и неожиданностью будущего. Автор пытается убедить нас в том, что сама реальность этого человека, идущего вперед, заключается в преодолении препятствий, потому что тот, кто идет, «сбивает о камни ноги,

кровавится о шипы, карабкаясь по склону, срывает до крови ногти». То же движение вынуждает его отбросить частицы своего старого состояния, он раздирает свою плоть о скалы, и это приводит к постепенному избавлению от индивидуализма, к проявлению себя во всей своей широте. Автор пытается предостеречь нас от фантазий, связанных с погружением в блаженство. Его Каид говорит нам: «Сожалеть о полученных ранах – все равно что сожалеть о том, что родился на свет или родился не в то время. Прошлое – это то, что сплело твое настоящее». И по ходу книги вся жизнь начинает напоминать непрерывный бой. Ведь автор не забыл строения, увиденные в аргентинских равнинах, потрепанные ветром и побитые дождем. Все это выведено в образе дерева, потому что «кедр не спит, день и ночь он ведет борьбу, оборачивая в глубинах ствола себе на пользу те же самые частички враждебного мира, которые могут послужить его погибели». Он нам напоминает, что кедр, то есть человечество, растит себя каждую секунду в обстановке, мало отличающейся от боя[44].

Человек, таким образом определяемый, становится строителем, созидателем. И его постройки укрепляются тем, что он вкладывает в свою работу. Если он просто созерцает или размышляет, его медитация – это лишь пустая рефлексия о будущем. Автор устами Каида выражает следующую мысль: «Мне явилась новая истина: приуготовлять будущее – значит всерьез заниматься настоящим. Тот, кто устремлен к будущему, а оно не более чем его собственная фантазия, истает в дыме утопических иллюзий». И вот человек – это уже рука, складывающая камни будущего здания. А путь, который нам предлагается, – это не путь бескровных вычислений, это путь действия. Это путь францисканцев, потому что написано: «Ты не можешь предвидеть будущего, ты можешь позволить ему быть». Благодаря творчеству человечество открывает для себя горизонты общности. После борьбы, связанной со строительством своей собственной жизни, человек начинает участвовать в развитии общества, в творчестве, основанном на энергии и решимости, которые каждый вкладывает в свою работу. Человек, заняв место в пережитом им настоящем, приходит к свету будущего всего человечества. Автор констатирует, что «народ занят, и мало-помалу возникают дворцы, водоемы и висячие сады». Совместная работа, в свою очередь, изливает свет на человека, потому что он может жить лишь тем, что отдает. Автор находит слова для своей интуиции и отмечает, что «на строительство храма нужен век, и целых сто лет богато сердце зодчего. Вкладывая, растешь и растишь возможность выкладываться». Он утверждает, что не любит

«людей с омертвелым сердцем», потому что «тот, кто не тратит себя, становится пустым местом».

Думая об обществе, основанном на взаимном обмене и дарах, Сент-Экзюпери стремится воссоздать сеть связей, которые изменяли бы людей, делая их более разносторонними. И человек у него благодаря этому движению, что ведет его от себя самого к цивилизации в целом, становится стражником, «дозорным царства, все владения которого – круглая каменная площадка башни и звезды над головой». И все размышления автора пересекаются в этом образе, объединяющем человека и общество.

* * *

Итак, написание «Цитадели» привело Сент-Экзюпери от человека к цивилизации. При написании этого произведения он изменился, как он сам говорил, за неимением в жизни приключений. Тем не менее, в конце 1937 года приключения сами настигли его. В сентябре он убедил министерство авиации позволить ему совершить перелет Нью-Йорк – Огненная Земля. Он отправился туда в поисках второго дыхания. В начале января 1938 года он переправился в Нью-Йорк со своим механиком Жаном Прево. Его «Симун» был разобран и помещен в трюм корабля. По прибытии он погрузился в работу и начал готовить перелет.

Взлетев 14 февраля, он, однако, уже знал, что его попытка закончится неудачей, на что ему указал вещий сон. Полет проходил, как и планировалось, между Нью-Йорком и Веракрусом. А в Гватемала-Сити 15-го числа предсказание догнало его. Возможно, сыграл свою роль его слабый английский, когда он заправлял топливный бак. В любом случае, когда самолет взлетал, он был излишне перегружен. Он с трудом оторвался от земли, а потом скорость начала резко падать, и самолет разбился. К счастью, он не загорелся. Спасателям удалось быстро вытащить пилота и его механика из кабины. Они извлекли Антуана де Сент-Экзюпери еще в сознании, но он буквально истекал кровью. Список травм оказался весьма длинным. Одно веко было разорвано до глазницы; имелась открытая рана на нижней губе и серьезная рана под правой рукой. И не только это, поскольку скоро появилась сильная лихорадка. В состоянии глубокой комы, в которую он погрузился, у него начались галлюцинации. Слова с трудом вырывались из его груди. Бредя, он вспоминал свое детство, фуникулер, который доставил его на холм Фурвьер. Он вспомнил и рекламу,

увиденную на стенах по пути, которая восхваляла бинты: «Бинт Бон-Секур – повелитель ран и ожогов». Но в его состоянии и он не мог ему помочь. Быстро распространялась инфекция. Врачи обнаружили ее уже после его переправки в Нью-Йорк. Она зародилась в одной из его ран.

Во время госпитализации он начал работать над книгой, которая тогда еще носила другое название, но вскоре будет называться «Планета людей»[45]. Однако вдохновения вновь не хватало. Он нуждался в эмоциональном шоке, который мог исходить только из воспоминаний детства. Для этого он оставил Соединенные Штаты с намерением совершить паломничество в Сен-Морис, а потом во Фрайбург. Потом он поехал повидать свою бывшую гувернантку Маргариту Шапеи, которую дети в свое время называли Муази[46]. И тогда воспоминания вернулись, а вместе с ними появилось и вдохновение.

Однако вновь обретенное спокойствие оказалось недолгим. Международная обстановка быстро захватила его. 29 сентября были подписаны Мюнхенские соглашения, которые не могли обмануть никого, даже Даладье, который, выходя из самолета по возвращении в Орли, ответил на овации словами: «Ах! Идиоты! Если бы они только знали». Сент-Экзюпери тоже не питал иллюзий. Он знал, что эти соглашения открывали нацистской Германии свободный путь в Чехословакию. И потом тоска писателя будет только увеличиваться – особенно во время его поездки в Германию, куда он отправился несколько недель спустя. Там он посетил «Школу фюреров» (Führerschule), которая безумно напугала его. Ему казалось, что это какой-то страшный сон. Он понимал, что там воспитывают не высших должностных лиц, а роботов. Во время своего визита он обратился к Отто Абецу, ответственному за франко-германские отношения, сопровождавшего его, и заявил: «Создаваемый вами тип человека меня не интересует». И речь тут могла идти не о храбрости, а о простой констатации, которая оглушила его и привела в отчаяние. Это был март 1939 года. И он уже понимал, что война неизбежна: все восхваляли его «Планету людей», а он ее предчувствовал.

* * *

С этой тревогой Сент-Экзюпери вскоре вернулся в Соединенные Штаты, чтобы участвовать в американском издании своей книги. Он не знал, что ждет его в будущем, но был готов к худшему. И там, в Америке, его дискомфорт, пусть и

завуалированный, не давал ему ни секунды на передышку. Он страдал, заранее страдал по поводу того, что казалось ему неизбежным.

> «Тогда, быть может, мне раскроется то, что трудно выразить словами. Я приду к огню, как слепой, которого ведут его ладони. Он не смог бы описать огонь, а все-таки он его нашел. Так, быть может, явится мне то, что нужно защищать, то, чего не видно, но что живет, подобно горящим углям, под пеплом деревенских ночей».
>
> *«Военный летчик» (1942)*

Глава 8. Военный опыт: к философии действия

Орконт – Сражение при Аррасе – Абсурд

23 АВГУСТА 1939 ГОДА, в Нью-Йорке, Антуан де Сент-Экзюпери находился в своем гостиничном номере. Он провел весь день на телефоне. Только новости, приходящие из Европы, были не слишком добрыми. Подписание советско-германского пакта в тот самый день заставляло опасаться неминуемого немецкого наступления на Западном фронте. Он не хотел больше ждать, он желал вмешаться. Он не мог выглядеть тем самым интеллектуалом, о которых он потом скажет в «Военном летчике», что их «держат про запас на полках Отдела пропаганды, как банки с вареньем, чтобы подать после войны». Он хотел сражаться, ему нужно было подписаться под своими собственными словами. И он вернулся в Париж и там нашел в почтовом ящике мобилизационное предписание, согласно которому ему следовало явиться 4 сентября на базу Тулуза-Монтодран. События следовали одно за другим. 1 сентября войска Вермахта напали на Польшу, союзника Франции и Англии. Механизм войны заработал. Во Франции была объявлена всеобщая мобилизация.

Из-за возраста и состояния здоровья он был назначен в учебное подразделение военных летчиков. Но это назначение не устраивало его. Он должен участвовать в борьбе всей своей плотью. Потому что, как он написал в письме к другу: «Если я не буду участвовать в войне, морально я стану чувствовать себя очень плохо. Мне многое хочется сказать по поводу этих событий. Но как бойцу, а не как туристу. Это мой единственный шанс подать голос». Ему хотелось защищать цивилизацию, которую он предвещал. Он объяснил в своем радиообращении от 18 октября 1939 года, называвшемся «Пангерманизм и его пропаганда», что это не только борьба за Польшу, это борьба за право на существование, защита всей цивилизации. Это защита человека от морали зверей.

Он делал все возможное, чтобы попасть в боевую часть. Однако между ним и штурвалом боевой машины имелись препятствия, и они были весьма серьезны. Он это знал: его состояние здоровья не позволяло ему получить такое назначение. Медицинская экспертиза сделала вывод, что он не может быть допущен к полетам. А его друзья считали, что было бы более

полезно, если бы интеллектуал на службе человечества выжил. Ему предложили должность в CNRS[47], ссылаясь на его многочисленные патенты, но он был против. Он пошел на обед, на котором, как ему стало известно, ему должно было быть сделано это предложение, в сопровождении капитана Макса Желе, и он попросил его помочь ему его отклонить. Он сказал Дидье Дора, директору авиакомпании «Латекоэр», что не хочет выглядеть подлецом или пустым болтуном.

Жан Жироду, комиссар по информации, хотел видеть его рядом с собой в службе пропаганды. Экзюпери отклонил и это предложение. Он никогда не думал об уклонении от своих обязанностей, о возможных привилегиях, которые давало ему положение писателя. Как он пишет в «Планете людей», «человек раскрывается, когда он опрокидывает все предсказания здравого смысла». То есть ни за что на свете он не отказался бы от брошенного вызова. Позже, уже после назначения в авиагруппу 2/33, он написал в «Военном летчике»: «Преимущества, которые дает мне моя писательская деятельность, например, возможность получить разрешение и уйти из группы 2/33, чтобы заняться другой работой, если бы профессия летчика мне разонравилась, – об этом я и думать не могу без отвращения. Это всего лишь свобода не быть. Только выполнение своего долга позволяет человеку стать чем-то». Он должен был жить как настоящий мужчина, сражаясь, чтобы подписаться под своими словами. Конечно, будущее пугало его, но он хотел непосредственно участвовать в создании самого себя.

26 ноября благодаря поддержке генерала Рене Даве и министра авиации Ги Ля Шамбра, при решающем вмешательстве полковника де Витролля, он был назначен в разведывательную группу 2/33, базировавшуюся в Орконте, в Шампани, в непосредственной близости от Сен-Дизье. Однако он отправился туда с тяжелым сердцем. В «Военном летчике», собравшем все его размышления того времени, читаем: «Я уже не вижу собора, в котором живу. Я облачаюсь для служения мертвому богу». Да, он облачался, но это не придавало ему смелости, и он совершенно не чувствовал духа приключений. Конечно, когда-то он пережил немало настоящих и великих приключений – «прокладка почтовых линий, столкновения в Сахаре, Южная Америка. Но война – не настоящий подвиг, война – это суррогат подвига». Он считал, что «война – это болезнь. Как тиф». Если речь шла о подвиге, то это было что-то внутреннее, направленное против самого себя – борьба против своего «волнения», против своего страха. «Тогда, возможно, я наконец-то свыкнусь с самим собой», – думал он. Потому что невозможно бежать от самого

себя. В противостоянии событиям он хотел найти себя, стать самим собой. «Дурная литература проповедовала нам бегство. Разумеется, пускаясь в странствия, мы бежим в поисках беспредельности. Но беспредельность нельзя найти. Она созидается в нас самих». То есть он пошел на войну, чтобы созидать это продолжение самого себя.

* * *

Он присоединился к своей части 3 декабря. Поначалу его новые друзья с подозрением относились к его способностям пилота. Они все знали про его возраст, про его несчастные случаи, про его легендарное легкомыслие. Что же касается Сент-Экзюпери, то это назначение ему очень даже подходило, ибо речь шла о разведывательном авиаотряде. Пилоты там так же рисковали, как и пилоты истребителей или бомбардировщиков, но они не обязаны были следовать той логике резни, которую, похоже, уже разделяли обе враждующие стороны. В Орконте он обосновался в главной комнате одной фермы. И он оценил суровые условия жизни, в которых в зимний период требовалось сначала разбить лед, чтобы помыться. Он писал: «Я счастлив разделить всю эту горечь, дискомфорт, холод и сырость, которые и составляют истинную роскошь». Именно ради этих людей, которые теперь его окружали, он и находился на войне. Он обедал с ними, а потом они уступали ему место за единственным столом в доме. И он писал: «Я связан не только со своими товарищами. Через них я связан со всей своей страной. Любовь, если уж она дала росток, пускает корни все глубже и глубже». Именно в такие моменты он лучше всего чувствовал, что защищает исконную цивилизацию, как это будет потом определено в его «Письме заложнику». «И вот теперь вся сила духовной пищи, духовного хлеба, который будет рожден этим полем, находится под угрозой, – говорил он. – Завтра мой фермер, преломляя хлеб, быть может, уже не будет служить той же домашней религии». Связи, создающие людей, находились в опасности, и они сами, составляя лишь «узлы отношений», тоже подвергались смертельному риску.

* * *

В Орконте военная инфраструктура была сведена к самому минимуму. Две эскадрильи, составлявшие авиагруппу 2/33,

делили между собой кусок грязной земли и деревянную хижину, где собирался персонал. Однако там он снова почувствовал себя живым, потому что он ощутил, что он «есть», что он из 2/33, посреди своих товарищей, во Франции, в своей цивилизации. Он теперь был не один, не был похож на тело, выброшенное на песчаный берег. Его товарищ Рене Гавуалль отмечал: «Эта веселая компания, этот дружеский круг – вот что заставляло его лучиться от счастья»[48]. Его «Де Сото»[49] вскоре стал автомобилем всей авиагруппы и служил для кулинарных экскурсий, которые он организовывал. Однако его товарищи отправлялись в них с той же опаской, как если бы это были полеты в открытом небе. В самом деле, его повадки за рулем имели раздражающую тенденцию следовать за ритмом разговора. Его пассажиры, перепуганные и растерянные, цеплялись за что могли. При скорости в 130 км/ч на обледеневшей дороге он пропускал нужный поворот, и ему ничего не говорили, боясь, что ему вдруг вздумается развернуться.

Жизнь вскоре организовалась, и произошло это на фоне Баха или Генделя, музыка которых лилась через фонограф одного из друзей Антуана. Но вкусил он и одиночества. Иногда он часами оставался один, исписывая множество страниц, которые потом войдут в состав его «Цитадели», или готовя письма для Нелли или для матери. В вечернее время он ходил в деревню, пытаясь в сосредоточенности и задумчивости найти истинный смысл данного самому себе обязательства. Возвращаясь с задания, он писал: «Я дождусь ночи и, погрузившись в излюбленное одиночество, выйду на дорогу, пересекающую нашу деревню, и попытаюсь понять, почему я должен идти на смерть». Именно в эти моменты он сплетал внутри себя нити приключения, которым ему представлялась война. И эти размышления привели его к философии действия, основанной на строжайшей ответственности, на окончательном и бесповоротном долге во всех жизненных обстоятельствах. Он писал: «Я не вправе буду говорить о внезапном появлении во мне кого-то другого, ибо этого другого – я его строю в себе сам». Он все еще ощупью продвигался по пути размышлений о причастности и об ответственности, и он пока еще не нашел нужные слова о человеке и о цивилизации. «Нас что-то пронизывает и управляет нами, – думал он. – И я подчиняюсь этому, не будучи еще в состоянии осмыслить то, что во мне происходит». На поиск этой новой реальности он и шел. Потому что «узнать – не значит разобрать на части или объяснить. Надо увидеть. А чтобы *видеть*, необходимо сначала *участвовать*».

* * *

Радость от нахождения вместе с друзьями и эти уходы в медитацию не могли заставить его забыть об опасности, которой пилоты подвергались каждый день, тем более что тогдашней французской авиации не хватало самого главного. Сент-Экзюпери писал позднее все в том же «Военном летчике»: «Для борьбы с танками в нашем распоряжении были только снопы пшеницы». Он боролся, как мог, против этого и во время поездок в Париж наполнял шкафы министров докладными записками по поводу недостатка военной техники. Однако пилоты продолжали вылетать на опасные задания. В конце марта, например, было произведено несколько полетов над Германией, успех которых был связан с недавней заменой их старых самолетов машинами «Блох-174»[50], по характеристикам по крайней мере не уступавшим немецким «Мессершмиттам».

Однако черный список рос. В конце странной войны, которая длилась с сентября 1939 года по май 1940 года, не хватало уже шести товарищей. 16 апреля с задания не вернулся капитан Ло, очень опытный пилот. Он был госпитализирован в Бельгии, где его самолет разбился и загорелся. Командование должно было знать точные причины аварии, чтобы изменить тактику полетов. Поэтому Антуан де Сент-Экзюпери отправился в Бельгию под видом корреспондента газеты «Пари-Суар». Там он узнал, что его друга атаковали два вражеских самолета, от которых он не смог уйти. «Блохи» уже были устаревшими. И у пилотов создавалось впечатление, что их отправляли на автоматическую бойню. Он писал: «Конец мая, отступление, разгром. В жертву приносят экипажи, словно стаканом воды пытаются затушить лесной пожар». Эта война вернула ему неприятное ощущение абсурдности происходящего. Он потерялся на фоне всего этого разложения. Он скажет потом своей бывшей гувернантке: «Паула, это нелепая война. Война печальная и такая синяя. Я немного заблудился. Я открыл эту необыкновенную страну, уже старея. О! Нет, мне не страшно. Немного грустно, вот и все». Зрелище массового бегства огорчало. «Сейчас жгут деревни ради игры в войну», – считал он. А их если не сжигали, то сдавали одну за другой. И в этих людях, бежавших из родных мест, от того, что было для них привычным, он видел разрушение цивилизации. «И я с отчаянием взираю на это зрелище: долго ли может прожить стая саранчи, опустившаяся на асфальт?» Он видел детей, умирающих в этом мире, не несшем больше в себе ничего человеческого. Для описания всего этого у него не хватало слов: «Речь идет о шестимесячном младенце, который пока еще

производит много шума. Но этот шум продлится недолго: рыбы без воды… Здесь нет молока. Здесь только железный лом».

Посреди всего этого всеобщего разложения он и его товарищи дразнили смерть на любом из заданий. И Сент-Экзюпери принял это. Если ему суждено было умереть за свои идеи, он умрет. Он волновался не за себя, а за Консуэло. Он писал своей матери: «Мамочка, чем дольше тянется война и чем больше от нее угрозы и опасностей для будущего, тем сильней во мне тревога за тех, о ком я обязан заботиться. Бедняжка Консуэло, она такая слабая, такая одинокая, и мне ее бесконечно жаль. Если она вдруг решит укрыться на юге, примите ее, мама, из любви ко мне, как свою дочь».

* * *

На самом деле, его опасения были оправданны. Война набирала размах. 10 мая 1940 года он узнал в Париже о нападении на Нидерланды, Бельгию и Люксембург. В ночь с 11 на 12 мая Рене Гавуалль засек движение бронированной техники в районе Арденнского леса, и это очень походило на попытку пересечения границы в самое ближайшее время. Он предупредил об этом командование, но никто не хотел верить, потому что военные эксперты заявили о непроходимости Арденнских гор. Таким образом, пересекая Маас, вражеские войска встретили лишь очень слабое сопротивление. Получилось молниеносное нападение и завоевание Франции. Отчаяние Сент-Экзюпери росло. Он вернулся в Париж и объездил всех высокопоставленных людей, которых знал. И вернулся встревоженным. Все, похоже, признали поражение. И он вынужден был констатировать, что оказался прав: оно было связано не с мощью нападения, а с крахом общества, отказавшегося от своих ценностей ради экономической логики, которая во всех своих расчетах позабыла о человеке. Но он продолжил борьбу, даже если бы ему суждено было остаться в одиночестве.

23 мая, в то время как авиагруппа 2/33 отошла к Орли, он вылетел на задание, связанное со сбором информации о тех силах, что имел противник в районе Арраса. По мнению всех, это походило на самоубийство. Но ему было все равно, и он полностью отдался выполнению задания. При подходе к Аррасу он и штурман Жан Дютертр потеряли сопровождение. Они оказались в одиночестве на высоте в 200 метров и стали идеальной мишенью для тех, кто находился на равнине. Засечь их было детской игрой для сил ПВО. И очень скоро они буквально

утонули в шквальном огне. Десятки «бомб» разрывались рядом с их самолетом. Толчки подбрасывали его. Много раз они едва избегали смерти. Но вместо того, чтобы испугаться, он вспомнил о своих детских играх. Он писал: «Я и сейчас играю в рыцаря Аклена. Я несусь к моему огненному замку, медленно, но так, что дух захватывает». С того времени он познал все человеческие страдания и обрел мужество, чтобы их преодолевать. Чтобы полностью отдаться выполнению задания, чтобы принять, что жизнь постоянно преодолевает смертельные опасности, а он выходит из этого еще более сильным, словно закаленным болью. Потом он напишет: «Теперь каждый разрыв уже не угрожает нам: он нас закаляет». Он вел танец со смертью, ускользая от нее. Новый поток подхватил его. «Я превратился в источник жизни. Меня охватывает опьянение жизнью», – думал он. Это задание оставило отметины на его плоти. В нем он чувствовал себя еще более вовлеченным в строительство самого себя. В 15:30 он наконец вернулся в Орли и посадил самолет, изрешеченный пулями. Потом он напишет: «Стоило мне повернуть назад на одну секунду раньше, и я ничего бы не узнал о себе». За несколько часов этого полета он, казалось, узнал больше, чем за десять лет размышлений. Его переполняло чувство «чудесного родства». «Все этой ночью словно вступило в безмолвный сговор», – думал он. Какое-то океаническое чувство переполняло его и успокаивало. Он ощущал тайный заговор, который в каждый момент времени воссоздавал мир. Но он продвинулся не только в понимании человека, но и в понимании всей цивилизации и связи между людьми, о которой он догадывался, но пока не мог четко описать. Вот его слова: «Я с поразительной ясностью сознаю свою ответственность за эти незримые сокровища. Я выхожу из дома. Иду не спеша. Я уношу с собой это бремя, и оно не тягостно мне, а мило, словно на руках у меня спящий ребенок, прижавшийся к моей груди».

Он много раз потом вылетал на такие же задания, и каждый раз – с тем же чувством долга, с тем же ощущением необходимости, когда требовалось поставить свою жизнь на карту. У него создавалось впечатление изменения на краю жизни и смерти, в той точке, где возникающие проблемы дают почувствовать часовой механизм самого существования. Он потом скажет, что чувствовал себя «как рыба, что прогуливается по пляжу». Он закалял себя через страдание. Происходившие вокруг него события заставили проснуться его старую боль. 4 июня пал Абвилль, в то же время рухнул фронт в Суассоне. 9-го был занят Руан, и правительство покинуло Париж. Население, которое ни о чем не предупредили, продолжало танцевать и растерянно

взирало на дым от пригородных складов горючего; в ближайшее время немцы пройдут по улицам столицы. 16 мая Поль Рейно подал в отставку и покинул свой пост в пользу победителя под Верденом маршала Петена. Сент-Экзюпери же категорически отказывался сдаваться.

* * *

Ему захотелось присоединиться в Северной Африке к генерау Ноге, желавшему продолжать борьбу. 20 июня он прилетел в Алжир на «Фармане 220», который был, как он сам потом признается, «почти украден». Этот самолет превратился в подобие Ноева ковчега. В него набилось примерно сорок человек. В основном это были пилоты. Они сидели сзади рядом с клеткой, в которой находились птицы и собака одного из членов экипажа. Впереди, на месте второго пилота, сидела Сюзанна Торрес, бывшая журналистка и будущая жена генерала Массю. Посреди всего этого беспорядка ее поразила выдержка пилота. Она потом написала: «Спокойствие Сент-Экзюпери удивило меня. В царившем вокруг возбуждении он сохранял самообладание снисходительного взрослого человека на фоне колготни детей»[51]. Для того чтобы показать ей, что его шкура закалена в испытаниях, он с хитрым удовольствием без остановки говорил ей о воздушных авариях и об итальянских истребителях, которые в Средиземноморье гоняли французские самолеты так, что болты вылетали, как пробки от шампанского. Конечно, их самолет долетел, и 21-го числа, так или иначе, он приземлился в Оране вместе со всем грузом и пассажирами. Там он получил приказ немедленно присоединиться к его авиагруппе, базировавшейся в Алжире.

Он должен был передать еще одно послание. Да, он хотел продолжать борьбу. Но нужно было не запутаться с противником. Уже сейчас он выступал против де Голля, который делил французов, а он не хотел быть кем-то «из Франции», он хотел быть «самой Францией». Для Антуана де Сент-Экзюпери существовал один враг – нацистский режим. В этой войне он делал ставки на историческом и философском уровне, и он один это так воспринимал. Для него вопрос не стоял так – победа любой ценой. Многие потом захотят и еще до сих пор хотят объявить победу торжеством одного рабства над другим. Это предчувствие приводило его в отчаяние. В письме другу он писал: «Мне невероятно грустно. Многие вещи, слишком многие, вызывают у меня тошноту. Мне плохо, и в этом болоте я мучаюсь.

Я сделал, что мог, но этого так мало. Я в отчаянии». Продолжить борьбу, да, конечно же, но где? Как? И с кем? Все эти вопросы приводили его в уныние.

27 июля он выполнил последний полет перед демобилизацией, имевшей место 31-го. Авиаотряд 2/33 будет распущен, а его самолеты сданы – в соответствии с условиями перемирия. Маленький человечек, которым он любил представляться, нарисованный на салфетках или на углах стола, изменился. В посвящении, которое он сделал Рене Гавуаллю в «Планете людей», он выглядит измученным, потерянным. А рядом он написал: «Это я демобилизован и неуверен в будущем».

* * *

5 августа он прибыл в Марсель. Нелли де Вогюэ ждала его на платформе, чтобы отвезти в замок Аге. Там «дядюшка Папу» тепло приветствовал его, но атмосфера изменилась. Не было больше смеха, песен и карточных фокусов. Его племянница Мирей потом отмечала, что он выглядел «обеспокоенным и отстраненным». Потому что в течение всего месяца августа, что он находился в Аге, он был растерян. Поражение оказалось таким внезапным, что ему было трудно найти свой путь в новых условиях. Трудно распознать своих союзников в распаде всего того, что делало жизнь сладкой. Все тянули его за рукав, чтобы перетащить на свою сторону и обогатить тем самым свой лагерь. Жан де Вогюэ, его бывший одноклассник по лицею Боссюэ, голлист с самого начала, который в самое ближайшее время станет членом Национального военного комитета, учрежденного Национальным советом Сопротивления, стремился всеми средствами заставить его присоединиться к «человеку из Лондона». Но он отказался. Тот же ответ был и для друзей типа Гастона Бержери, которые хотели, чтобы он присоединился к режиму Виши, где ему обещали важный пост. Он боролся, чтобы иметь право, чтобы выразить самого себя, как же ему было существовать в режиме цензуры? Проявления антисемитизма, шедшие со стороны правительства с первых же дней, позволили ему увидеть все еще яснее. Вишисты решили проводить жесткую политику. С другой стороны, он не имеел никакой симпатии и к этому самопровозглашенному генералу, хотя и колебался, а присоединиться ли к нему.

Так почему бы ему было не уехать в Соединенные Штаты, чтобы попытаться выдернуть американцев из их безумного невмешательства? В мае он уже направил им свое «Письмо

американцам». Он пытался обозначить свою позицию, утверждая, что нужно бороться за человека, а не за что-то иное. Так он оказался в Соединенных Штатах. Он рассматривал свое будущее вмешательство как Крестовый поход. Он шел в него с упорной решимостью, ничего не забывая о том, что творилось во Франции. В «Военном летчике» он написал: «Свидетельство я уношу с собою – это образ пылающего Арраса». И он уехал, ответственный за «невидимые глазу побуждения», будучи гарантом этой «исконной цивилизации», останки которой он тащил на себе на глазах у всего мира. Он уехал, шепча молитву: «Завтра мы уйдем в ночь. Только бы моя страна дожила до той поры, когда снова наступит день!»

> «Но вот пришло время тебе встревожиться: ты видишь – жестокий тиран уничтожает людей. Ростовщик держит их в рабстве».
>
> *«Цитадель» (1948)*

Глава 9. «Человеческий муравейник»: растворимый мир

Лиссабон – Нью-Йорк – Монреаль – Бевин Хаус – Маленький принц – Добродетель роботов

ЗНАЧИТ, НУЖНО УЕЗЖАТЬ. Раз он не может присоединиться к генералу де Голлю и не желает ни в коем случае участвовать в зверской политике режима Виши, он иначе будет общаться со своими. Он останется рядом, рядом с сожженными деревнями, с людьми, которых бросили в страшном беспорядке на дорогах Франции. Он будет нести в своем сердце сирены, которые нарушают ночную жизнь провинциальных городов. Его единственный багаж – это чемодан и черная тетрадь, скрепленная упругой резинкой, с рукописью, которую он уже тогда называл своей посмертной работой. Это «Цитадель». Но он все еще сохранял тысячу связей с родиной.

5 ноября 1940 года он покинул Францию, чтобы попытаться добраться до Соединенных Штатов. Первым городом на его пути был Алжир. «Аэропосталь» и кофе с Мермозом после ночных дежурств – это теперь лишь воспоминания. Он измерял расстояние, которое отделяло героическую эпоху, которую он знал, от той, где все развязано, где все разобрано на части. Следующие этапы его путешествия – Танжер, затем Лиссабон. Он останется почти на месяц в португальской столице.

Этот город привел его в отчаяние, и его страдания и несчастья там удвоились. Создавалось впечатление, что там вокруг одни лишь фантомы, призраки ушедшей эпохи. Лиссабон отвергал все из того ужаса, что назревал и уже показывал себя на улицах, полных славы прошлых веков, как будто немецкие эскадрильи могли отступить перед этими театральными декорациями. Вечером он поехал в Эшторил и, стоя рядом с казино, смотрел на всех этих людей, что бежали, словно зайцы, отказавшись от каких-либо страданий на земле. «А теперь в двух шагах от меня казино Эшторила каждый вечер наполняли привидения. Неслышные «Кадиллаки», притворяясь, будто им есть куда спешить, подкатывали по мельчайшему песку и высаживали их у подъезда. […] Я глядел не с возмущением и не с насмешкой, но со смутной тревогой. Так тревожно бывает глядеть в зоологическом саду на последних потомков какой-нибудь вымершей породы». В самом деле, куда идут все эти люди? Его печаль, его тоска происходили из чувства одиночества, от

отсутствия кого-то, с кем можно было бы поговорить о том, что его увлекало, из-за того, что никто не мог понять цивилизацию, ради которой он будет готов отдать свою жизнь.

27 ноября его смятение стало удушающим. Он выступил с лекцией перед студентами французской школы в Лиссабоне и при этом расплакался при упоминании об Анри Гийоме. В то самое утро он узнал о его исчезновении. Он потерял друга и доверенное лицо, последнего, кто после смерти Мермоза мог бы его понять. Последнего, с кем можно было поделиться воспоминаниями о славной эпохе «Аэропосталь». Теперь только он один будет носить это в себе. И эти воспоминания не станут источником обычной меланхолии, это будет – как нож, вонзенный в плоть. Гийоме перевозил нового французского верховного комиссара в Сирии, и его самолет был атакован итальянским истребителем[52]. Самолет без вооружения не мог сопротивляться. Он быстро погрузился в море, в то время как Гийоме еще посылал сообщение, зовя на помощь: «Обстреляли Самолет в огне SOS». Ночью Сент-Экзюпери написал Нелли де Вогюэ: «Гийоме умер. Сегодня вечером мне кажется, что у меня больше нет друзей».

Он чувствовал, что это исчезновение еще на шаг приблизило его к его собственному концу. Эта смерть лишила его части его собственного существа, и он, как он сам написал в своем письме, отказывался считать его одним из «отсутствующих навсегда», одним из «гостей, переселившихся в вечность». Потом он напишет: «Пилот Гийоме – последний друг, которого я потерял, был сбит во время почтового рейса. Боже мой! Я буду носить траур. Гийоме уже не изменится. Никогда уже он не появится здесь, но никогда и не будет отсутствовать. Я убрал его столовые приборы, эту ненужную уловку на моем столе, и он стал моим подлинным мертвым другом». О Боже, да, он его оплакивал, конечно, и он будет продолжать это делать во время пребывания в Нью-Йорке. Историческая трагедия усилилась личной трагедией. Она поставила их в одну плоскость. И он теперь будет лишь свидетелем того, как рушится цивилизация, как людей бросают на растерзание львам, но он еще увидит, что и его существование разрывается таким же образом. Он будет страдать от того же, от чего страдает его народ, узнает внутреннюю тьму, которая, по сути, будет такой же кромешной, как и в городах Франции.

Именно в таком состоянии духа 21 декабря 1940 года он взошел на борт «Сибонея», который через десять дней доставил его к нью-йоркским берегам. На корабле дискомфорт, чувствовавшийся в Лиссабоне, только усилился. Португалия преследовала его. Тут все играли в живые существа, но он

испытывал неприятное ощущение, что персонал мертв, что моряки находятся на корабле-призраке. «Этот корабль перевозил с одного континента на другой растения без корней, – писал он. – Я говорил сам себе: «Я готов быть путешественником, но я не желаю быть эмигрантом». В самом деле, он был далек от того, чтобы, бежав, разделить судьбу своих соотечественников, он плыл, думая остаться в Нью-Йорке лишь на несколько месяцев. Он, конечно же, не хотел, чтобы созданные им отношения развалились. Он знал, что без них он – ничто. Он уже начал чувствовать боль от этой удаленности, к которой добавилась тревога, последовавшая за гибелью Гийоме. Вот его слова: «Я чувствовал угрозу самой своей сущности, связанную с хрупкостью далеких полюсов, от которых я зависел». Он думал про бретонских моряков в XVI веке, которые огибали мыс Горн. Подобно им, он жил только ради возвращения. «Отплывая из гавани, они уже начинали свое возвращение, – думал он. – Ведь это возвращение они подготавливали, ставя своими огрубелыми руками паруса». Кинорежиссер Жан Ренуар, с которым он делил одну каюту, напоминал ему об этом, ибо ни тот, ни другой не забыли про обязанности, которые связывали их с Францией, с цивилизацией, из которой они происходили.

* * *

Приехав в Нью-Йорк 31 декабря 1940 года, он увидел Манхэттен, изрезанный архитектурой *билдингов*.

Он не без иронии думал, видя на большом расстоянии крошечную статую Свободы, о том, как толпа сопровождавших его будет читать строки, выгравированные на ее основании: «Дайте мне усталый ваш народ/Всех жаждущих вздохнуть свободно, брошенных в нужде,/Из тесных берегов гонимых, бедных и сирот/ Так шлите их, бездомных и измотанных, ко мне». Если он и ехал в США, то по необходимости. А страна, по сути, вызывала у него чувство глубокого презрения, ибо она отказалась от каких-либо духовных поисков в пользу более ощутимой компенсации. Даже церкви, гротесково-готические или англиканские до невозможности, отражали тут стремление каждого к социальному продвижению. Но самое главное, по его словам, заключалось не в этом. Его не переставала бесить та безответственность, что держала страну в стороне от конфликта, делала ее неспособной найти для себя более высокие ориентиры, чем строгие экономико-политические соображения.

По прибытии его ждала шумная толпа зевак и журналистов.

Потому что он – самый известный француз в стране. «Wind, Sand and Stars» (Ветер, песок и звезды), американская адаптация «Планеты людей», в самое ближайшее время принесет ему Национальную книжную премию, уже было продано около 250 000 экземпляров. Это делало его одним из самых влиятельных голосов своего времени, и он надеялся воспользоваться этим…

* * *

Он обосновался в отеле «Ритц Карлтон». Оттуда, как только это стало возможным, он перебрался к своему старому товарищу по Школе изящных искусств Бернару Ламотту, который приехал в Соединенные Штаты, став скульптором. Сент-Экзюпери не был лишен своей страны посреди французских декораций, которыми он украсил свою квартиру. Он ослабил городской шум с помощью гобеленов. В глубине основной комнаты медленно горел огонь, как в былые времена в Сен-Морисе. Литератор не отходил от своих корней, когда выходил поужинать в ресторан «Лягушка», где собирались французские художники. Там в обществе режиссера Жана Ренуара и писателей Пьера де Ланюкса и Рауля де Русси де Саль он пытался вновь обрести радость жизни, хотя, может быть, это был лишь фасад. Нью-Йорк начал соблазнять его своей свободой, своей креативностью. Он постепенно уступал привлекательности нью-йоркской среды, он начал часто бывать в модных пивных, джаз-клубах и мастерских художников. Но больше всего он любил затеряться в этом городе, где-то от Пятой авеню до доков в конце Манхэттена. Там еще чувствовалась память о жалких иммигрантах, заполнивших эту землю. Он ходил по улицам и площадям в квартале Бэттери, он выбирался на паромный причал, обслуживающий Статен-Айленд. Возвращаясь с одной из таких прогулок, Антуан де Сент-Экзюпери повстречал нищего ребенка, игравшего прямо на тротуаре. Он спросил его, что это за палки и в чем состоит смысл его игры. Ребенок ответил, что самая большая – это крейсер, который вот-вот потонет, а другие – это атакующие его корабли. В окружающей суматохе, среди всех этих людей, этих новых муравьев, которые «куда-то летят в скорых поездах», но «не знают, что они ищут», из-за чего они еще больше «суетятся и спешат», как он написал в «Маленьком принце», именно это богатство детства обращалось к нему с вопросом о его способности преобразить мир. Может быть, именно эта встреча, в частности, и преподнесла ему один из главных уроков Маленького принца. И он потом к этому

возвращался, не говоря впрямую, в «Цитадели». Он писал: «Я часто вспоминаю, как играют дети, они строят полки из белых камешков. «Это солдаты, – говорят они, – они спрятались в засаде». Но прохожий видит только кучку белой гальки, он не видит сокровищ, таящихся в детской душе». Именно эта способность удивляться интересовала его гораздо больше, чем борьба, потрясавшая французское общество. Тем не менее, та быстро настигла его.

В конце января 1941 года его имя без его согласия внесли в список лиц, которые должны были войти в состав Национального Совета, ориентированного на политику Виши. Несмотря на отрицание, сделанное на пресс-конференции, вся эта клика восстала против него[53]. Атаки голлистов стали более резкими после его отказа сотрудничать с газетой «Марсельеза» и вежливого отказа, который стал единственным ответом посланнику генерала де Голля, предлагавшему вступить в его войска. Что касается писателей, то Жак Маритен гремел обвинениями, а вслед за ним вскоре последовали Андре Бретон и вся толпа сюрреалистов. Со стороны Бретона нападки шли не без намека на злопамятность. В самом деле, Сент-Экзюпери с самого начала конфликта осудил этих изгнанников, бежавших подальше от несчастий. Отец же сюрреализма вспомнил о письме, которое было отправлено ему после того, как он признался, что не желает иметь с Францией «ни практической солидарности, ни какой-либо духовной связи». Сент-Экзюпери написал: «Ваша точка зрения с жестокостью жандарма заставляет вас осуждать тех, кто занимается во Франции поставками хлеба детям и, чтобы действовать, вынужден поддерживать отношения с правительством Виши. Вы рассуждаете со строгостью и не имея проблем с желудком, что подобная преданность детям якобы является признаком позора. А дети? Пусть они сами выпутываются, пусть ищут съедобные корни». Точка зрения писателя более сложна. Он не может ни радоваться режиму, который он считает необходимым злом, ни согласиться с голлистами в их желании очищения. Он понимал дилемму, вставшую перед французами, и отказывался быть изгнанным кем-то тыльной стороной руки. Он один был готов действовать с такой честностью.

Эти повторяющиеся атаки *ad hominem*[54] будили в нем маленькую музыкальную шкатулку, которая в глубине души играла мелодию тревоги и беспокойства. «Я так устал от словесных распрей, от нетерпимости, от фанатизма», – писал он в своем «Письме заложнику». Сочетание отдаленности и растущего одиночества приводило к разочарованию. С этого периода

началось то, что Жюль Руа квалифицировал в своей книге как «страсть Сент-Экзюпери». Это будет настоящее мистическое приключение, тупая боль, которую он испытывал с детства и которая станет еще более острой. Он превратился в желчного разочарованного ипохондрика. Он не уступит больше зову городских сирен. Он знал, что такое вечная пустыня, вся лучащаяся светом родников или оазисов, и она, казалось, была готова открыть ему свою тайну…

Теперь, когда он прогуливался по улицам среди неоновых огней и занятых своими делами прохожих, он чувствовал себя в настоящей пустыне. «Ибо пустыня совсем не там, где кажется, – писал он. – В Сахаре несравнимо больше жизни, чем в столице, и людный город, полный суеты, – та же пустыня, если утратили силу магнитные полюса жизни». Модель жизни, которую представлял собой Нью-Йорк, его пугала. Город походил на современную метафору библейского Вавилона. Он мог говорить только с самим собой, и он думал так, как сказано в «Цитадели»: «Чего ждать от человека, если он трудится для хлеба насущного, а не ради собственной вечности?» Один вопрос мучил этого защитника «значимости деревень» и цивилизации, основанной на связях и взаимной поддержке: он боялся, что общество станет царством роботов и муравьев. Он писал, думая о приверженце стандартов жизни: «Он отвергает противоречия – основу созидания, а стало быть, разрушает всякую надежду на движение к совершенству и взамен человека на тысячу лет утверждает муравейник роботов» («Письмо заложнику»). Он знал после своих путешествий в Испанию, Россию и Германию общества, подчиненные тирании. Он сталкивался с обществом, отданным в управление ростовщикам. Его боязнь этих двух ловушек цивилизации можно увидеть в «Цитадели». Там он написал: «Пришло время встревожиться: ты видишь – жестокий тиран уничтожает людей. А ростовщик держит их в рабстве». Он теперь знал, что цивилизация, за которую он борется, зажата между двумя опасностями, между двумя формами деградации человека: одна контролируется тираном, другая – ростовщиком.

Это осознание заставило его углубить то, что он подразумевал, когда шла речь о цивилизации. Это будет сделано в первую очередь в «Военном летчике» – в книге, которую он написал в то время. Ее издатели Юджин Рейнал и Кертис Хичкок подтолкнули его к тому, чтобы написать это произведение, хотя для этого и пришлось продлить его пребывание на их берегах. Для облегчения работы они нашли ему квартиру с видом на Центральный парк. У него появилась секретарша, на которую была возложена сложная задача управления трудносочетаемым

графиком своего босса. Но книга задерживалась.

Он был занят кино и проектом перенесения «Планеты людей» на экран, над которым также работал Жан Ренуар. 11 апреля 1941 года он уехал в Лос-Анджелес, чтобы встретиться с одним из самых известных агентов того времени. Последний даже не потрудился его выслушать. Увидев, выходя из офиса, что его библиотека была на самом деле баром, Сент-Экс воскликнул: «Это ужасно! Это ужасно!» Решительно, эта жизнь была не для него. Может быть, именно этот агент потом вдохновил его на образ *делового человека* из «Маленького принца», который считал, что владеет звездами, и не умел ими восхищаться. Так кинопроекты отдалились, а книга наконец двинулась вперед. Она будет опубликована, как и планировалось, 20 февраля 1942 года.

Но вскоре его заняла идея рассказать историю маленького человечка, которого он уже давно рисовал на листочках бумаги или на салфетках из ресторанов. А в один ясный день, в июне 1942 года, в кафе «Арнольд» редактор Юджин Рейнал попросил его написать сказку для детей. Первоначально он засомневался, но потом рассказал об этом Консуэло, которая прибыла в Нью-Йорк в первые недели 1942 года, и проект начал развиваться у него в голове. Возможно, настало время вспомнить про истинные ценности. И книга превратилась для него в попытку спасения, стремление выбраться из отчаяния, что поедало его. В этом призыве к примирению он отразил всю свою сокровенную картографию, прошедшую через очарование замка Сен-Морис, через фенека, прирученного в Кап-Джуби, до розы, которой была Консуэло. Он начал работать над проектом в тяжкой жаре, охватившей Манхэттен. Он был тогда одним из немногих, кто ходил по улицам города, ибо его жители предпочитали пляжи Лонг-Айленда.

Почему бы и ему не уйти работать подальше от городской суеты. Чтобы найти «хижину», которая ему была нужна, его жена села в первый же поезд, который шел на север. Из окна по пути она увидела большой белый дом, который будет идеально соответствовать всем требованиям. Она решила остановиться на первой же станции и попросила таксиста отвезти ее туда. К счастью, ее муж оказался любимым автором владельца. Значит, не нужна была долгая болтовня, дом предоставили в их полное распоряжение! И именно в этом доме, построенном в виде деревянной галереи, в окружении парка с грабовыми аллеями, на берегу полуострова Лонг-Айленд, Антуан мог теперь работать над новым произведением. Пара познает там счастливую и мирную жизнь. К Консуэло там вернется страсть к живописи, и она попытается воссоздать атмосферу тех мест. Антуан же там

работал с жаром, сделал почти тысячу набросков, прежде чем получить окончательные рисунки.

Эта книга будет путем к спасению. Он знал об абсурдности мира, но отвергал нигилизм. Он строил себя в своих сочинениях. Он показывал нам, что человек таков, каким он себя построил, и он не прикован к миру, как козочка к своему столбику. Этические и философские уроки, которые у него возникали, отличались от американской модели цивилизации. Выигранному времени он противопоставлял время прожитое. Он отказывался от цивилизации «торговца таблетками», таблетками для утоления жажды. Миру, в котором человек появляется лишь мимоходом, он противопоставлял мир, который проходишь медленно, который раскрывает свои секреты через удивление. Оппозиция взглядов, противостояние между вечной пустыней и пустыней настоящей. Он вложил в уста Маленького принца слова: «Будь у меня пятьдесят три свободных минуты, я бы просто-напросто пошел к роднику».

Постепенно он пришел к определению того, что он подразумевает, когда говорит о цивилизации. Урок «Маленького принца» проявляется более явно в его «Письме заложнику». Вся книга организована вокруг завтрака во Флервилле с Леоном Вертом и несколькими матросами. Цивилизация, которую он предвещает, принимает вид «вечного праздника». Он утверждает, что «самое важное *чаще всего* невесомо», иногда «всего важнее улыбка». Другой центр гравитации книги – это вопрос, причем ответ дается заранее. Он гласит: «Разве радость не драгоценнейший плод нашей цивилизации?» Для него это очевидно. Но эта радость находится в опасности, она истоптана сапогом тирана или башмаком ростовщика. И он дает нам послание, далекое от анафемы и какой-либо эксклюзивности. Оно просто и выражается всего в нескольких словах: «В моей цивилизации тот, кто отличен от меня, не только не наносит мне *ущерба*, но и обогащает меня». После «Маленького принца» он стал утверждать, что лучше любоваться, чем очернять, лучше приручить, чем запретить. Он не признавал отклонений и стал слугой новых устремлений. В своем «Письме заложнику» он отметил, что «в сознании сорока миллионов заложников рождается сейчас новая истина. И мы заранее покоряемся этой истине».

Поэтому отвращение и отчаяние, порожденные американским обществом и духом времени, привели его к глубокому пониманию корней цивилизации, за которую он боролся. С «Маленького принца» он сделал новый шаг в работе, что найдет завершение в «Цитадели», которую он продолжал писать. Однако

писательства ему было недостаточно. Оно было не единственной формой борьбы, к которой он хотел себя повернуть. Он также чувствовал необходимость вернуться в настоящий бой во плоти. Он должен соединиться со своими, с теми, от кого он был отделен слишком долго. Он отметил это в своих «Военных записках»: «Я не могу выносить нахождение вдали от тех, кто испытывает голод». То есть это к ним он решил вернуться – к беспомощной тьме деревень Франции, чтобы возобновить борьбу. Для этого он покинул Соединенные Штаты в апреле 1943 года и присоединился к французским войскам, базировавшимся в Северной Африке. Однако даже там он сохранит свое отчаяние, оно будет словно приковано к нему, но он будет бороться, идя до конца своих физических и моральных сил, только из чувства долга.

> «Если меня собьют, я ни о чем не буду жалеть. Меня ужасает грядущий муравейник. Ненавижу добродетель роботов. Я был создан, чтобы стать садовником».
>
> *Письмо Даллозу.*
>
> *Накануне смерти,*
>
> *31 июля 1944 года*

Глава 10. Последний полет: его внутренняя «гора» и ответственность

Алжир – Неаполь – Бастия-Борго – Поретта – Средиземное море

4 МАЯ 1943 ГОДА Антуан де Сент-Экзюпери прибыл в Алжир и остановился у своего друга доктора Жоржа Пелиссье. На следующий день он присоединился к авиагруппе 2/33 в Лагуате, в 400 километрах, в месте ее базирования. Группа входила в состав союзного разведывательного подразделения на Средиземном море, созданного по приказу сына президента США полковника Эллиота Рузвельта. Его возвращение вызвало радость в среде его товарищей. Как скажет потом Жюль Руа, он «не довольствовался сообщением по радио, он прибыл, чтобы подписаться под ним». Проблема заключалась в том, что в его возрасте обычно запрещают летать. Возрастное ограничение по пилотированию самолета «Локхид P-38 Лайтнинг» действительно было равно 30 годам. А ему в том месяце должно было исполниться уже 43 года. Но он решил летать. Он отказал генералу Жиро, желавшему взять его в свою службу пропаганды, подключил Дуайта Эйзенхауэра, и тот сделал ради него необходимое исключение из правил.

Он должен был летать, потому что он знал, как написано у него в «Военном летчике», что «важна не увлеченность. Когда терпишь поражение, на увлеченность рассчитывать нечего. Важно одеться, сесть в кабину, оторваться от земли». Он действовал как садовник, он сеял семена. В «Цитадели» он объяснял: «Взгляни на мои сады: с рассветом в них приходят садовники растить весну, они не спорят о пестиках и тычинках, они сажают семена». По прибытии он вспомнил молитву, сформулированную им в Орконте: «Я буду бороться за Человека. Против его врагов. Но и против себя самого тоже». Это потом нашло продолжение в таких словах: «Я буду сражаться за приоритет Человека над отдельной личностью, как общего над частным» («Военный летчик»). В очередной раз он входил в борьбу с самим собой, со своей «горой», как он называл свои страхи, он шел на нее в атаку. Он объяснял свою философию на примере непоколебимой человеческой ответственности. К нему возвратились его размышления, которые позволили успешно завершить разведывательное задание под Аррасом: «Каждый – единственный ответственный. Каждый несет ответственность за всех. Я впервые

понимаю одну из тайн религии, из которой вышла цивилизация, та, что я считаю своей: «Нести грехи людей». И каждый несет в себе все грехи всех людей». И он взвалил на себя этот груз, чтобы снова лететь над *планетой людей*, над землей, охваченной огнем. Но радость от этого очень скоро вступит в противоречие с отчаянием, охватившим его. В самом деле, как он пишет в «Маленьком принце», «земля – это не просто какая-то планета!». «Чтобы дать вам понятие о том, как велика Земля, скажу лишь, что, пока не изобрели электричество, на всех шести континентах приходилось держать целую армию фонарщиков – четыреста шестьдесят две тысячи пятьсот одиннадцать человек. Если поглядеть со стороны, это было великолепное зрелище». Но этих фонарщиков больше нет. И на его внутренней планете остался лишь один уличный фонарь и один человек, чтобы его зажигать. А если их нет, то он будет последним – одновременно стражником и посланником, чтобы передать все это. Потому что, «когда он зажигает свой фонарь – как будто рождается еще одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь – как будто звезда или цветок засыпает. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво».

Да, он будет летать, но ради чего? Он беспокоился о будущем, о том, что пристрастный и фанатичный Шарль де Голль готовил для Франции. И он развил активность, как, например, в случае с личным представителем президента Рузвельта в Северной Африке Робертом Мерфи. Ему он написал: «Ошибаюсь я или нет, но я продолжаю думать, что спасение моей страны не состоит в кровавом очищении фанатиками из «единственной партии».

Но прежде всего он чувствовал страдания из-за того, что он – последний стражник, ходящий по кругу по границе империи, последний фонарщик. Он продолжал чувствовать крах своей эпохи, своей цивилизации. Он написал в «Военном летчике»: «Это какой-то непонятный период, это конец всего. Конец, который никак не может прийти к концу. Болото, в котором мало-помалу увязает всякий порыв». В июне, когда он прибыл в Уджду, следуя инструкции для пилотов, его моральный дух был крайне низок. Он открылся одному из своих друзей, которому написал: «Я живу здесь в абсолютной пустыне». И он продолжал в том же разочарованном тоне, говоря, что чувствует себя «немного вне жизни». О своем физическом состоянии он сделал следующий вывод, не вводя при этом в курс своих американских начальников: «По правде сказать, мой старый друг, я чувствую себя очень скверно, и это печально, потому что из-за недомоганий любое дело дается мне труднее, чем восхождение на Гималаи».

Его состояние действительно должно было привести к запрету летать. И если он все же полетел, то только потому, что имел некое послание для людей. Он вспоминал, что сказал сам себе после разведывательного полета под Аррасом, а потом донес до нас в «Военном летчике»: «Мне приятно поговорить со своими».

* * *

Что для него было важно – это вернуться на землю Франции, увидеть свою семью. Он писал: «Я чувствую себя неотделимым от своих. Я неотделим от них, как они неотделимы от меня» («Военный летчик»). Первое задание немного рассеяло его тоску, о чем свидетельствует Жорж Пелиссье: «Он мне говорил: “Вы не можете себе представить, какое сильное волнение охватывает при приближении к земле Франции того, кто не видел свою страну целых три года и может наконец сказать себе: я лечу над своей Родиной. Я насмехался над ее оккупантами. Я вижу то, что мне запрещено видеть”». Но счастье так недолговечно. Во время второго задания он уже должен был вернуться на базу. Но в момент приземления он забыл подключить гидравлические тормоза и завершил полет в оливковой роще, и его самолет получил значительные повреждения. Результат: с полетами было покончено, и он стал пешеходом.

Но это – если не считать его страстного стремления летать. А посему ничто не могло остановить его, даже если это означало бы вступление во французский истребительный полк «Нормандия-Неман» в России. И начался настоящий крестовый поход за право подниматься в небо. Он преследовал генерала Жиро, подключал генералов Рене Буска и Франсуа д’Астье де Ля Вижери, но ничего не происходило. Он считал, что находится в ловушке в своей комнате в общежитии, что предоставил ему доктор Пелиссье. Его экзистенциальное недомогание продолжалось, плюс к этому он еще стал объектом нападок голлистов и самого де Голля. В октябре, когда последний перечислил в своей речи писателей, которым родина должна быть благодарна, он забыл назвать его и Андре Моруа, капитана французской армии в Северной Африке, не присоединившихся к его делу. Сент-Экзюпери писал в то время: «Я – безработный, и мне больше нечего ждать из того, что имеет значение. Отвратительные обсуждения, полемика, клевета – меня утомляет то болото, в которое я попал». Если он по-прежнему и верил в человека, то приходил в отчаяние от тех, с кем ему приходилось встречаться, и это явно видно в его письме к

другу: «Боже мой, как люди мне стали отвратительны. Жизнь среди них кажется мне большим концентрационным лагерем. Я один, один, один. В большей степени одинокий, чем мертвый». Он обращался к Нелли, Консуэло, Сильвии Хэмилтон или своей матери. Хоть в своих письмах он и делал вид, что выражает лишь только любовь без границ, но, по сути, он кричал о помощи.

Судьба действительно ополчилась против него. Он начал сомневаться в своих друзьях, которые все, кто из прагматических, а кто и из политических соображений, стремились присоединить его к делу «Великого Могола», генерала де Голля, обосновавшегося в Алжире. Но он не перестал быть против него, и вот что он написал одному из своих друзей: «Это страшно смешно. Все эти его расшаркивания в ожидании стрельбы, когда на нее дадут разрешение».

Период с сентября 1943 года по май 1944 года был особенно прискорбен. Он считал свою праздность несправедливостью, знаком незаслуженно враждебного к себе отношения. Кроме того, его физическое состояние ухудшилось. У него начали выпадать зубы, он страдал от болей в плечах, в спине, его регулярно приковывали к постели приступы холецистита. Он проводил время, бегая по салонам в Алжире, где он продолжал производить впечатление своими карточными фокусами и импровизациями в стиле Дебюсси. Они заключались в том, что он клал апельсин на клавиши фортепиано и, играя, катал его, как только он один умел делать. Он регулярно встречался с генералом Рене Шамбром недалеко от руин древнего Карфагена. В их беседах он ставил под вопрос само будущее западной цивилизации. Чего ему хотелось, так это «восстановить разум на его истинном месте», потому что «если этого не сделать, человечество похоронит себя своими собственными руками»[55]. Именно в это время Жорж Дюамель и Франсуа Мориак захотели принять его во Французскую академию. Но у него решительно ничего не получалось, и они тоже отказались от своей затеи, опасаясь реакции тех, кто запретил «Военного летчика»[56]. Смеясь над почестями, он просто хотел летать и вновь возобновил свои попытки. Изводимый этим проклятым «Сент-Экзупери», Эйзенхауэр кончил тем, что провозгласил: «Восстановить его! Тогда, может быть, в воздухе он будет раздражать нас меньше, чем на земле»[57]. Тем не менее, ничего не продвинулось вперед, тем более что он уперся в стену голлистов, а те не желали дать ему возможность стать героем.

Все, что ему было нужно, – это чтобы ему разрешили снова рисковать своей шкурой. Американская пресса предоставила ему такую возможность. Корреспондент журнала «Лайф» Джон Филлипс захотел сделать репортаж о нем, и чтобы он был

украшен несколькими страницами, написанными его рукой. Возможность была слишком хороша. Ведь пресса – это четвертая власть в Соединенных Штатах. И он решил направить статью против вмешательства в свои права. Филлипс же подключил к делу полковника Джона Регана МакКрэри, ответственного за взаимодействие союзных сил с прессой, и генерала Айру Эйкера. И наконец дело сдвинулось с мертвой точки. Эйкер, исходя из медийной важности проекта, в принципе был согласен. Дело двинулось вперед, но медленно. Сент-Экзюпери решил уехать в Неаполь, чтобы поднажать на МакКрэри. Он воспользовался этой возможностью, чтобы посетить авиаотряд 2/33, базировавшийся в Помильяно д'Арко, примерно в двадцати километрах. Он сыграл одновременно в профессора ядерной физики и в гадалку. Он объяснял принцип устройства бомбы, которая, как он предсказал, взорвется еще до окончания войны. Его анализ поражает своей точностью. Конечно же, мало кто был в состоянии предсказать подобное событие в то время.

* * *

Когда он возвращался из этой своей поездки, наконец-то пришли хорошие новости. 16 мая 1944 года ему было предложено присоединиться к авиаотряду 2/33 на Сардинии, где он теперь был расквартирован. Боевой журнал отряда отметил, что прямо в день приезда он сделал своим товарищам прививку «опасного вируса игры слов». Однако для настоящей игры нужно было многое нагонять. Он не летал в течение восьми долгих месяцев, плюс надо было еще вспомнить точное назначение сорока восьми бортовых приборов. Он совершил множество тренировочных полетов. И ему удалось быстро восстановить утерянные навыки. Иногда его видели долго кружащим вокруг базы. В первый раз наземный персонал, подумав, что с ним случился обморок, вызвал спасателей. Но нет, не было никакой необходимости так беспокоиться за этого старого воздушного бродягу. Просто он читал и ни за что не хотел нарушить свое одиночество, обретенное там, наверху, до окончания произведения. А когда он не читал, его однажды чуть не приняли по ошибке за вражеского пилота. Потому что он до сих пор не научился ни одному слову на английском языке, ибо всегда был убежден, что иностранные языки оказывают вредное воздействие на стиль писателя. И что же? С воздушными диспетчерами он говорит на совершенно зачаточном испанском языке, пронизанном кое-какими арабскими словами и несколькими немецкими фразами. И вот

при возвращении из очередного полета люди на земле нашли его бред до такой степени непонятным, что вызвали истребители и подняли по тревоге зенитные батареи. Но в тот момент, когда уже передавали приказы на уничтожение, в эфире вдруг послышалось французское слово merde (дерьмо), и все поняли, что это майор Сент-Экзюпери…

Однако, что важнее всего, он вновь собирался лететь. Не из любви к риску и не ради удовольствия. Это был его долг. И эта обязанность в качестве расплаты приносила муки, которые он испытывал, воспринимая себя последним крестоносцем проигранного крестового похода. Ведь «только те, кто принимает участие, имеют право говорить». И он говорил в «Послании к американцам», которое будет опубликовано лишь тридцать лет спустя, он призывал людей принять участие в строительстве общества, рождение которого ему уже было видно. Он писал: «У меня такое впечатление, что на нашей планете возникает нечто небывалое». Это – реальность связи, но на это пока не хватало духа: «В физическом смысле мы объединены, словно клетки тела. Но у этого тела пока еще нет души. Этот организм еще не осознает себя. Рука не ведает, что она связана с глазом». Однако он почти не надеялся, что его услышат. В глубине души его тон – это не тон оптимиста. В письме к Ивонне де Роз он начал жесткую обличительную речь против так называемой западной цивилизации, которая восстанавливалась. В письме к другу он говорил, что ненавидит это «растворимое человечество», где человек «во всем и ни в чем».

* * *

Он спрашивал себя, ради чего он борется. Но на самом деле он это очень хорошо знал, хотя его поступление на военную службу сочеталось с философией отчаянного сопротивления. Он стремился летать не столько для того, чтобы спасти людей сегодняшнего дня, сколько для того, чтобы предупредить людей дня завтрашнего и подписать это сообщение своей кровью. Он твердил себе, как сказано в «Военном летчике»: «Первая попытка к сопротивлению, если она предпринимается слишком поздно, всегда обречена на неудачу. Зато она пробуждает силы сопротивления. И из нее, как из зерна, может быть, вырастет дерево». Он приглашал всех людей бороться против унижения, он призывал их проснуться, сопротивляться, чтобы противостоять обществу, которое разрушает то чудо, носителями которого они являются. Он отмечал в своих «Военных записках»: «Самолет

улетает: доверяю ему это письмецо». Это сообщение – для нас сегодняшних, для людей растворимого века. Он бился за некое нематериальное содержание, которое есть суть цивилизации, чтобы сохранить «значение деревень», как он объясняет это в «Военном летчике». Он писал: «Я сражался за то, чтобы спасти прежде всего этот особый свет, а потом уже пищу телесную», потому что «умирают только за то, ради чего стоит жить». Он летал не для того, чтобы сражаться, но чтобы строить, чтобы давать. Потому что «прежде чем получить, надо отдать, и прежде чем поселиться в доме, надо его построить».

Отправляясь на землю Франции, он чувствовал себя свободным, снова свободным. Действительно, ведь «свобода существует лишь для того, кто куда-то стремится». Его первое задание было назначено на 6 июня, на дату начала высадки союзников в Нормандии. Он должен был собрать важную информацию для высадки в Провансе, запланированной на 15 августа. Потом последовали и другие задания. А 23 июня он был атакован двумя «кобрами», как он называл немецкие «Мессершмитты», над Ля-Сьотой, но ему удалось уйти от них в небе благодаря самолету, который достиг скорости в 700 км/ч. Но 11 и 14 июля он позволил себе вольности с воинским уставом. Получив сообщение о том, что немцы взорвали замок его сестры в Аге, он решил пролететь над ним. Зрелище руин оказалось отвратительным. Решительно все вокруг рушилось. 17 июля авиаотряд 2/33 поменял место базирования и переместился в Бастию-Борго.

30 июля он собирался отправиться на последнее задание. Он не ложился спать. По всей видимости, он всю ночь что-то писал. Письмо, которое он направил Даллозу, показывает все его отчаяние, весь его пессимизм по поводу будущего мира и людей. Он написал: «Если меня собьют, я ни о чем не буду жалеть. Меня ужасает грядущий муравейник. Ненавижу добродетель роботов. Я был создан, чтобы стать садовником». На следующее утро он покинул виллу Эрбалунга, где он жил вместе с другими пилотами. Он поехал на джипе в Поретту, где его уже ждал его двухмоторный «Лайтнинг»[58]. Он забрался в кабину самолета, сделал последний знак «ползучим», затем улетел. И вот он уже над Средиземным морем. У него была привычка лететь вперед, не оглядываясь назад, полностью отдаваясь своему заданию. Возможно, через несколько минут его догнал немецкий самолет. Как бы то ни было, в ста километрах от побережья он неожиданно на полной скорости спикировал в море. Если бы пилот, который встретил Маленького принца, был там, он бы подумал: «Я чувствовал, что он – что-то особенное. Я крепко обнял его, точно

малого ребенка, и, однако, мне казалось, будто он ускользает, проваливается в бездну и я не в силах его удержать… Он задумчиво смотрел куда-то вдаль». Но не стоит беспокоиться о том, кто, как он говорил, сам выбрал для себя «максимальный износ». Просто это было окончание его миссии. Просто это было так. Он же рассказывал нам, что «покажется, будто я умираю, но это неправда»; что его тело будет «как старая ненужная оболочка»; что «сбросить старую оболочку – тут нет ничего печального». Он же говорил нам: «Знаешь, будет очень славно. Я тоже стану смотреть на звезды. И все звезды будут точно старые колодцы со скрипучим воротом. И каждая даст мне напиться». И ему не будет грустно, если мы, глядя на звезды, подумаем о нем и о том послании, которое он пытался написать. Это относится как к жизни, так и к смерти. «Кто может знать, что утолит его жажду? Один не может жить без плеска реки, чтобы услышать его, он готов пожертвовать жизнью», – как написал он в «Цитадели».

В своем последнем письме он оставил нам сообщение, ради которого умер. Он боялся уверенного прихода «человека-робота, человека-термита, человека, мечущегося между конвейером системы Бедо[59] и игрой в карты». Человека, «лишенного творческой силы, который в деревнях не способен даже создать новый танец, новую песню». Человека, «вскормленного серийной, стандартной культурой, наподобие того, как скот выкармливают сеном». Он и сейчас кричит нам из бездны своего отчаяния, что «существует лишь одна проблема, одна-единственная на свете. Вернуть людям духовную сущность, духовные заботы. Сделать так, чтобы их захлестнуло чем-то вроде григорианского песнопения». Он пытается убедить нас, что «жить холодильниками, политикой, балансами и кроссвордами больше нельзя», что нельзя больше «жить без поэзии, красок и любви». И единственный вопрос продолжает преследовать его: «Что можно и что нужно сказать людям?»

Григорианское песнопение – это мы должны его сочинить. И это сообщение – мы должны его услышать, чтобы не уснуть, не стать тем умиротворенным скотом, что откармливают на убой. Его смерть оставляет нам открытое письмо. А мы должны на него ответить.

И ведь не все еще потеряно. Изумление, урок которого он преподносит нам, безусловно, является кратчайшим путем к борьбе. В самом деле, «это великая тайна. Для вас, любящих Маленького принца, и для меня тоже ничто во Вселенной не будет прежним, если где-то, никто не знает где, барашек, которого мы не знаем, съел розу». В конце концов, я могу попросить вас лишь об одном: «Посмотрите на небо. Спросите

себя – барашек съел цветок, да или нет? И вы увидите, как все изменится».

Заключение. Линия часовых

ФИЛОСОФИЯ Антуана де Сент-Экзюпери – не привязана ли она к конкретной дате? И чем может быть полезно для нас сегодняшних его богатое на уроки видение, выработанное в 1930-х и 1940-х годах? В самом деле, все теперь кажется таким ускоренным, таким сложным. Ставки и основы преданности выглядят призрачными. За что бороться?

Однако прежде чем задавать себе вопрос об условиях борьбы, не уместнее ли было бы спросить, как бороться? На этот вопрос его философия дает фундаментальный для нашего времени ответ. На самом деле, речь уже не идет о больших народных восстаниях. Все разбито на фрагменты; все одновременно и раздроблено, и глобально. Как же тогда бороться? Разбираясь в самом себе и вокруг себя, не стремясь опрокинуть мировой порядок. Без этого сейчас невозможно действие. Сент-Экзюпери приглашает нас представлять себя центрами ответственности. Таким образом, мы должны действовать во имя самих себя, а остальное приложится. Человек – это не тряпичная кукла! Сент-Экзюпери напоминает нам: достаточно того, чтобы один человек встал, и за ним последуют. За этим первым человеком пойдем и все мы, и тогда образуется «линия часовых».

* * *

В этом он – философ нашего времени. В самом деле, противопоставляются два решения проблемы человеческого существования. С одной стороны стоит идеал сообщества, при котором отменяется всякий индивидуализм, мир, где все решается в пользу «мы», лишенного всякого содержания. С другой стороны на дрожащих ногах стоит индивидуалистическое решение, дающее уникальный опыт, обосновывающий ненависть ко всему общему. Не слишком большой выбор! Слабое понимание человека! А что между этими двумя вариантами? Ничего. Одна лишь пустыня. Там нет человека и нет сообщества. Слова наших мыслителей и наших писателей кажутся нам идущими из склепа. Если бы нам пришлось думать о человеке, о цивилизации, мы посчитали бы, что идет «смешение храма и груды камней». Поэтому представляется очевидным, что исчезло то гуманистическое наследство, которое делает нас чем-то бóльшим, чем мы сами, и не перестает отдавать должное благородству человека.

Эти два решения, на самом деле, забывают про человека. Поэтому Антуан де Сент-Экзюпери отвергает их, ибо они незаметно уносят с собой судьбу целой цивилизации, способность чувствовать, видеть мир, быть в нем. В связи с этим не ощущаемым нами изменением он пишет о том, что «мы скатились – за неимением плодотворного метода – от Человечества, опиравшегося на Человека, к этому муравейнику, опирающемуся на сумму личностей» («Военный летчик»). Однако кто мечтает о судьбе термитов, рабов, которые, забыв свое потерянное величие, не способны даже его оплакивать? Он предлагает нам «я» – широкое и щедрое. Которое содержит других и весь остальной мир. Человеческий опыт, который он проповедует, – единственный жизнеспособный. Это опыт океанической индивидуальности, если можно так выразиться, чуть перефразируя высказывание Ромена Роллана, принятое затем Зигмундом Фрейдом. Этот опыт состоит в том, чтобы постоянно испытывать чувство неразрывного единства, общности со всем, что для Сент-Экзюпери есть принадлежность к дому детства, к своим друзьям, товарищам по авиагруппе 2/33, к Франции, к определенной цивилизации. Главное тут состоит в том, чтобы понять, что мы – только «узел отношений», что без них мы ничто, просто тень, сметенная потоком.

Это сознание – единственное, что охватывает очертания жизни. Ибо, когда я произношу хоть малейшее слово о том, что я живу и действую, я имею в виду сладость летних вечеров совместно с друзьями, руку матери, лежащую на моем детском лбу, глаза отца, слезящиеся от гордости. Я происхожу из них, как они из меня, как сказал бы автор «Маленького принца». Вы – это ваши родители, ваши друзья, незнакомец, который повстречался вам и который вам улыбнулся. Сент-Экзюпери приглашает нас именно к такому осознанию. Таким образом, индивидуальность, а это опыт его собственной жизни, не может быть без самоотверженности, без ответственности, так как быть ответственным за других – это значит принять на себя ответственность за свою жизнь. Мы ничто, если мы перестаем давать – а мы перестали это делать. Это свобода, которой нам прожужжали все уши, это лишь «свобода быть ничем», как он выразился бы. Он пишет: «Мы перестали давать. Но если я готов дать лишь самому себе, я ничего не получаю, потому что не создаю ничего такого, от чего я неотделим, а значит, я – ничто» («Военный летчик»). Определение, которое он дает человеку, влечет за собой особые судьбы, судьбу всех и судьбу мира, ибо «быть человеком – это и значит чувствовать, что ты за все в ответе», это «сгорать от стыда за нищету, хоть она как будто

существует и не по твоей вине», это чувствовать, что, «укладывая камень, помогаешь строить мир» («Планета людей»).

* * *

И не сильно ли мы ошибаемся, когда, глядя в зеркало, видим лишь груду плоти, более или менее плотной и неповрежденной? Что нам до гонки мира, если это делается без нас? Не являемся ли мы первыми архитекторами этого?

Конечно, тьма густа и очень живуча. Действие часто кажется невозможным, бесполезным. Ибо будущее может выглядеть мрачным. И действительно, следует это признать – «капитаны, друзья мои, тяжка необъятная ночь» («Цитадель»). Но если это возможно брать в расчет, то можно себе позволить будущее. И оно – только для нас. Это только нарост живого настоящего. Мы должны выбрать для себя путь францисканцев, как учит Сент-Экзюпери, должны стать садовником, который «занят землей и не заботится ни о цветах, ни о счастье, потому что прежде цветов должно быть дерево и прежде счастья должен быть человек, способный стать счастливым». Это единственный путь, который дает нам шанс не оставить нашу человечность необратимо обремененной и инициировать изменение, к которому мы все стремимся. Собор целиком базируется на первом положенном камне, на энергии того, кто его притащил. В то же самое время, вмуровывая его, этот работник, склоняющийся перед тем, кто больше его, закладывает и свою собственную судьбу. Он выдвигает себя вперед и осознает свое благородство.

* * *

Сент-Экзюпери делает только это – приглашает каждого из нас осознать свое достоинство и благородство, начиная от осознания достоинства и благородства другого человека. Если есть благородство, каждый человек, каждый часовой несет ответственность за королевство. Он пишет: «Даже простой пастух, стерегущий овец под звездами, осознав свое назначение, обнаруживает, что он больше, чем пастух. Он часовой. А каждый часовой в ответе за всю державу». Эта ответственность каждого сегодня является единственным ключом, отпирающим двери.

Следовало бы услышать эти слова, потому что нам не хватает голосов, которые могли бы облагородить нас. Антуана де Сент-Экзюпери можно использовать только для этого, потому что он

знает, что благородство проявляется, когда в человеке раскрывается человек.

Его послание призывает нас проснуться, потому что «слишком многое еще спит». Он хватает нас за плечи. Приглашает нас быть людьми, делает нас ответственными, часовыми своей державы. Этот путь ответственности, достоинства и человечности – единственное, что может предотвратить убийство Моцарта практически каждый день в каждом из нас. Просыпаясь, мы все можем бороться против нашего унижения, а не строить «свой тихий мирок, замуровав наглухо все выходы к свету, как это делают термиты», ибо мы – «обитатели блуждающей планеты». Только надо отдать себе в этом отчет, проснуться, в противном же случае эти слова быстро обратятся к нам: «Никто не схватит тебя за плечи, пока еще не время».

* * *

Сент-Экзюпери призывает нас к сопротивлению отдельными оазисами, в то же самое время он призывает к тому, чтобы обнять друг друга за плечи, создавая тем самым живительные связи между собой. Ибо мы все – строители оазисов. Мы должны пригласить других на мировое представление, потому что красота является мерой ответственности. Он пишет: «Если на рассвете – заморозки, неужели ты не разбудишь друга? Неужели оставишь его без восходящего солнца? Многие любят спать и не хотят просыпаться, но все же высвободи их из блаженных объятий сна, выгони из дома, они должны сбыться» («Цитадель»). И мы все – архитекторы такого вот рассвета.

Он приходит к нам и сегодня и говорит нам то, что говорилось старине Барку в «Планете людей»: «Отправляйся и будь человеком».

По следам Сент-Экзюпери

Хронология
Основные даты, связанные с Антуаном де Сент-Экзюпери

Хронология. Основные даты

1897

26 января. Рождение сестры Антуана Мари-Мадлен де Сент-Экзюпери.

1898

26 января. Рождение сестры Антуана Симоны де Сент-Экзюпери.

1900

29 июня. Рождение в Лионе, на улице дю Пейра, 88 (ныне это улица Альфонса Фошье), Антуана де Сент-Экзюпери. Его отец – граф Жан де Сент-Экзюпери, инспектор страховой компании, мать – Мари Бойе де Фонколомб.

1902

15 февраля. Рождение брата Антуана Франсуа де Сент-Экзюпери.

1903

15 мая. Рождение сестры Антуана Габриэль де Сент-Экзюпери.

1904

В семье Сент-Экзюпери пять детей. Их раннее детство проходит в усадьбе Сен-Морис-де-Реманс (департамент Эн), неподалеку от Лиона. Семья часто гостит в замке Ля-Моль (департамент Вар), имении мадам де Фонколомб, бабушки Антуана с материнской стороны. У детей – австрийская гувернантка Паула, к которой Антуан навсегда сохраняет привязанность.

14 марта. Смерть отца Антуана Жана де Сент-Экзюпери.

Мари де Сент-Экзюпери поселяется с детьми в Лионе, на площади Белькур, у своей тетушки мадам де Трико.

1909

Семья Сент-Экзюпери обосновывается в Мансе, родном городе покойного отца.

7 октября. Антуан де Сент-Экзюпери поступает в коллеж Нотр-Дам-де-Сент-Круа.

1910

Семья Сент-Экзюпери возвращается в Сен-Морис-де-Реманс, а Антуан и Франсуа остаются на попечении тетушек Анаис и Маргариты.

1911

25 мая. Антуан де Сент-Экзюпери получает первое причастие.

1912

Июнь. Несмотря на запрет матери, Антуан де Сент-Экзюпери получает на аэродроме в Амберье, что на востоке от Лиона, «воздушное крещение»: в демонстрационном полете со знаменитым пилотом Габриэлем Вроблевски.

1914

28 июля. Убийство эрцгерцога Фердинанда. Начало войны.

Август. На фронте погибает Роже де Сент-Экзюпери, дядюшка Антуана.

Октябрь. Антуан де Сент-Экзюпери и его брат Франсуа поступают в коллеж Нотр-Дам-де-Монгре в Вильфранш-сюр-Сон.

1915

В конце первого семестра оба мальчика едут продолжать свое образование у братьев марианистов во Фрибурге (Швейцария).

1917

10 июля. Смерть от ревмокардита Франсуа де Сент-Экзюпери. Потрясенный случившимся, Антуан замыкается в скорбном молчании.

Антуан сдает во Фрибурге экзамен на аттестат зрелости.

1918

Антуан де Сент-Экзюпери переходит в интернат при лицее Сен-Луи в Париже.

Он знакомится с Луизой де Вильморен, сестрой одного из своих товарищей.

1919

Январь. Чтобы подготовиться к конкурсу в Военно-морское училище, Антуан де Сент-Экзюпери поступает в школу Боссюэ в Париже.

Он не проходит по конкурсу в Военно-морское училище и записывается вольнослушателем в Академию изящных искусств, на архитектурное отделение.

1921

9 апреля. Прервав действие отсрочки, полученной им при поступлении в высшее учебное заведение, Антуан де Сент-Экзюпери записывается во 2-й авиационный полк, базирующийся под Страсбургом. Вопреки всем надеждам, он попадает в нелетный состав и несет службу простым механиком в ремонтных мастерских.

Июнь. Антуан де Сент-Экзюпери проходит за свой счет курс и сдает экзамен на гражданского летчика.

1922

Январь. Антуан де Сент-Экзюпери проходит курс обучения на военного летчика в Истре.

9 февраля. Он получает чин капрала.

Апрель. Антуан де Сент-Экзюпери заканчивает курсы офицеров запаса в Аворе.

Август. Антуана де Сент-Экзюпери переводят в Касабланку, в 37-й авиационный полк. Он получает диплом военного пилота и звание офицера запаса.

10 октября. Антуан де Сент-Экзюпери получает звание младшего лейтенанта резерва и выбирает местом службы 34-й авиационный полк в Бурже близ Парижа.

1923

Январь. С Антуаном де Сент-Экзюпери происходит первая серьезная авиационная катастрофа. Результат: пролом черепа.

Март. Его демобилизуют. Он поступает в контору черепичного завода Буарона в Париже.

Весной Антуан де Сент-Экзюпери обручается с Луизой де Вильморен. Однако после долгих раздумий девушки осенью помолвка разрывается, и он пребывает в подавленном состоянии.

11 октября. Антуан де Сент-Экзюпери присутствует на свадьбе своей сестры Габриэль с Пьером д'Аге в замке Сен-Морис-

де-Реманс.

1924

Антуан покидает службу на черепичном заводе. После двухмесячной стажировки в качестве рабочего на заводе грузовых автомобилей фирмы «Сорэр» он становится торговым агентом этой фирмы в районе Монлюсона.

1925

В Париже у своей кузины Ивонны де Лестранж Антуан де Сент-Экзюпери знакомится с постоянными посетителями ее салона: издателем Гастоном Галлимаром, писателями Андре Жидом и Жаном Прево. Последний, очарованный талантом молодого человека, предлагает издать один из его первых рассказов.

1926

15 января. Сент-Экс получает чин лейтенанта.

1 апреля. Антуан де Сент-Экзюпери публикует короткую новеллу «Летчик» в журнале «Серебряный корабль» (Le navire d'argent), издающемся Адриенной Моннье.

12 октября. Его рекомендуют господину Беппо де Массими, генеральному директору «Компании авиационных предприятий», созданной в 1921 году авиаконструктором Пьером-Жоржем Латекоэром.

14 октября. Его представляют директору по эксплуатации авиакомпании «Латекоэр» Дидье Дора на ародроме Тулуза-Монтодран. Здесь он работает сначала механиком, затем летчиком, знакомится с пилотами Анри Гийоме и Жаном Мермозом (они станут ближайшими друзьями и пионерами почтовых авиалиний в Европе, Африке и Южной Америке).

1927

Весной Сент-Экс (как зовут его друзья) получает свое первое задание: перевозить авиапочту по воздушной трассе Тулуза – Касабланка – Дакар.

3 июня. Смерть от туберкулеза Мари-Мадлен де Сент-Экзюпери.

19 октября. Антуана де Сент-Экзюпери назначают начальником промежуточного аэродрома у военного форта Кап-

Джуби (Марокко).

1928

17 сентября. Сент-Экс делает попытку освободить своих плененных кочевниками товарищей – летчиков Ригеля, Сера и Рейна, лейтенанта Валейо и де Видаля, попавших в плен из-за аварии над Сахарой. По ночам он пишет свою первую книгу «Южный почтовый».

1929

Март. Антуан де Сент-Экзюпери возвращается во Францию и вручает рукопись книги «Южный почтовый» издательству Гастона Галлимара.

Он поступает в Бресте на высшие авиационные курсы морского флота.

Выход в свет книги «Южный почтовый».

12 октября. Антуан де Сент-Экзюпери прибывает в Буэнос-Айрес и становится директором тамошнего отделения французской авиакомпании «Аэропосталь Аргентина». Он летает вместе со своими друзьями Мермозом и Гийоме. Они создают почтовые авиалинии между Патагонией и Пунта-Аренас – самой южной точкой Южной Америки. Они летают над горными массивами: Андами и Кордильерами.

1930

7 апреля. Антуан де Сент-Экзюпери становится кавалером ордена Почетного Легиона (по линии гражданской авиации).

13 июня. Анри Гийоме терпит аварию в горах. В течение пяти дней, несмотря на непогоду, Антуан де Сент-Экзюпери летает над Андами в поисках своего товарища.

20 июня. Он узнает, что Гийоме спасся, и доставляет его в Буэнос-Айрес.

Антуан де Сент-Экзюпери пишет «Ночной полет» и встречает 26-летнюю Консуэло Сунцин де Сандоваль – вдову аргентинского писателя Гомеса Карилльо.

1931

Январь. Антуан де Сент-Экзюпери возвращается во Францию и получает трехмесячный отпуск.

31 марта. Компания «Аэропосталь» объявляется неплатежеспособной.

12 апреля. Антуан де Сент-Экзюпери венчается с Консуэло Сунцин де Сандоваль.

22 апреля. Их брак регистрируется в мэрии Ниццы.

Май. Сент-Экс возвращается на работу в качестве пилота на почтовую линию Франция – Южная Америка и обслуживает отрезок Касабланка – Порт-Этьенн, а затем летает и до Дакара. Он и Консуэло вынуждены в это время жить в основном в Касабланке.

Октябрь. Выходит в свет книга «Ночной полет».

4 декабря. Антуану де Сент-Экзюпери за нее присуждается престижная литературная премия «Фемина». Он снова берет отпуск и переезжает в Париж.

1932

Февраль. Сент-Экс снова начинает работать в авиакомпании, но на этот раз на гидроплане, обслуживающем линию Марсель – Алжир, и в качестве второго пилота.

Американцы ставят фильм «Ночной полет» (режиссер Кларенс Браун).

Антуан де Сент-Экзюпери устраивается летчиком-испытателем к Латекоэру, испытывает гидросамолеты.

1933

Антуан де Сент-Экзюпери продолжает работать у Латекоэра.

30 августа. Компания «Аэропосталь» преобразуется в Национальную компанию «Эр Франс». Сент-Экс предлагает свою кандидатуру в качестве пилота, но ему отказывают.

21 декабря. Во время испытаний он чуть не гибнет в бухте Сен-Рафаэля.

1934

Апрель. Антуан де Сент-Экзюпери поступает в «Эр Франс», но не в качестве пилота, а ездит по особым поручениям компании в Африку, Индокитай и другие страны.

22 июля. Разочарованный, в болезненном состоянии, он возвращается в Марсель.

1935

Апрель. Антуан де Сент-Экзюпери в качестве журналиста от газеты «Пари Суар» едет в СССР.

29 апреля. Он прибывает в Москву.

Декабрь. Сент-Экс, забравшись в долги, приобретает собственный самолет «Симун» и предпринимает рейд Париж – Сайгон. Наскоро подготовившись к столь сложному воздушному путешествию, он со своим механиком Жаном Прево рассчитывает установить рекорд до 31 декабря (непременное условие для получения премии).

30 декабря. Ночью, в 2 часа 45 минут, они на полной скорости врезаются в пески Ливийской пустыни, чудом оставшись в живых. Несколько дней они, не имея капли воды и испытывая страшную жажду, пытаются выйти из пустыни.

1936

2 января. Их спасают бедуины. Эти испытания и переживания потом лягут в основу романа «Земля людей».

Январь. Антуан де Сент-Экзюпери возвращается в Париж, но прекращает работу в «Эр Франс». Он делает первые заметки для «Цитадели».

17 июля. Начинается гражданская война в Испании.

Август. От газеты «Непримиримый» (Intransigeant) Антуан де Сент-Экзюпери едет в Испанию, где бушует гражданская война. Пишет серию военных репортажей.

8 декабря. В Южной Атлантике погибает его друг Жан Мермоз. Сент-Экс потрясен. Он пишет несколько статей, посвященных другу.

1937

Февраль – март. На полученные от страховой компании деньги Антуан де Сент-Экзюпери приобретает другой «Симун» и впервые устанавливает прямую воздушную связь Касабланка – Тимбукту (Африка).

Апрель. Он вторично едет в Испанию. Вместе с Эрнестом Хемингуэем, Дос Пассосом, Анри Жансоном и Жозефом Кесселем

он принимает участие в боевых действиях на стороне республиканцев.

9 июня. Сент-Экс получает чин капитана.

1938

Январь. Антуан де Сент-Экзюпери выезжает на борту океанского лайнера «Иль-де-Франс» в Нью-Йорк.

14 февраля. Он начинает рейд Нью-Йорк – Огненная Земля, но терпит тяжелейшую аварию в Гватемале. Его механик Прево тяжело ранен. Сам Сент-Экс неделю находится в коме. У него множественные переломы, в том числе черепа.

28 марта. Он начинает лечиться в Нью-Йорке.

Апрель. Антуан де Сент-Экзюпери возвращается во Францию, где продолжает работать над начатой в Нью-Йорке «Планетой людей».

Август. Сент-Экс проходит курс восстановительного лечения в Виши во Франции.

1939

29 января. Сент-Экс становится офицером Почетного Легиона (за литературные заслуги).

16 февраля. Выходит в свет книга «Планета людей».

Март. Поездка в Германию на машине.

25 марта. За книгу «Планета людей» Антуану де Сент-Экзюпери присуждается «Гран-при романа» Французской академии.

1 сентября. Немецкие войска вторгаются в Польшу.

2 сентября. Англия и Франция объявляют войну Германии.

4 сентября. Сент-Экс является по месту мобилизации на военный аэродром Тулуза-Монтодран, но его признают годным только для службы на земле, с чем он категорически не согласен.

3 ноября. Используя все свои связи, он добивается

назначения в авиаотряд дальней разведки 2/33.

1940

29 марта. Первый боевой полет Сент-Экса на самолете «Блок-174».

10 мая. Начало немецкого наступления. Авиаотряд 2/33 отводится из Орконта под Париж.

23 мая. Антуан де Сент-Экзюпери совершает сверхрискованный разведывательный полет над Аррасом, послуживший сюжетной канвой «Военного летчика».

2 июня. Сент-Экса отмечают в приказе по армии. За выполнение задания командования он награждается военным крестом «За боевые заслуги».

14 июня. Немцы входят в столицу Франции.

17 июня. Авиаотряд 2/33 перебрасывается в Алжир.

31 июля. После перемирия Сент-Экс демобилизован.

6 августа. Сент-Экс возвращается через Марсель во Францию.

5 ноября. Он отплывает в Марокко.

16 ноября. Он приезжает в Лиссабон.

27 ноября. Он узнает о гибели над Средиземным морем своего друга Анри Гийоме.

31 декабря. Антуан де Сент-Экзюпери прибывает в Нью-Йорк, где его встречает сын русских эмигрантов, один из руководителей газеты «Пари-Суар» Пьер Лазарефф.

1941

Находясь в США, Антуан де Сент-Экзюпери пытается убедить американцев в необходимости скорейшего вступления в войну вместе с союзниками. Французская эмиграция обвиняет его то в сотрудничестве с правительством Виши во Франции, то в нежелании примкнуть к де Голлю.

Летом он работает над редактированием своего «Военного летчика».

22 июня. Нападение Германии на СССР.

Ноябрь. Сент-Экс встречает приехавшую Консуэло.

7 декабря. США вступают в войну, объявив войну Японии.
Антуан де Сент-Экзюпери покидает Соединенные Штаты.

1942

Февраль. Выход в свет на английском языке «Военного летчика» (в американском варианте – «Полет над Аррасом»). Книга выходит и во Франции в издательстве Галлимара, но ее изымают из продажи.

В конце весны Сент-Экс получает заказ от издательства «Рейнал & Хичкок» написать сказку для детей.

12 мая. Он подписывает контракт и начинает писать «Маленького принца».

8 ноября. Высадка войск союзников в Северной Африке.

29 ноября. Сент-Экс публикует в «Нью-Йорк таймс» «Воззвание ко всем французам», в котором призывает соотечественников к объединению во имя возрождения страны.

1943

Март. Антуан де Сент-Экзюпери приезжает в Алжир.

6 апреля. Выход в свет в США на английском языке «Маленького принца».

20 апреля. Сент-Экс уезжает из США.

4 мая. Он прибывает в Алжир, где проходит курс лечения. «Военный летчик» переиздан во Франции подпольным издательством «Эдисьон де минюи» при участии Жана Брюллера (он же Веркор).

25 июня. Сент-Экс получает чин майора. Он снова в авиаотряде 2/33, базирующемся в Тунисе.

21 июля. Он совершает первый вылет на «Лайтнинге Р-38».

1 августа. Авария при посадке и увольнение в запас.
Возвращение в Алжир.
Жизнь у доктора Пелиссье и работа над «Цитаделью».

9 сентября. Высадка войск союзников на Корсике.

1944

16 мая. Сент-Экс вновь в авиаотряде 2/33 на Сардинии.

6 июня. Высадка союзников в Нормандии.

17 июля. Авиаотряд перебазируется в Борго, на Корсику. Сент-Эксу разрешают выполнить пять разведывательных полетов с аэрофотосъемкой коммуникаций и войск противника в районе его родного Прованса.

31 июля. Последний вылет майора Антуана де Сент-Экзюпери. Его самолет-разведчик берет курс в район Гренобль – Шамбери – Аннеси. Самолет на базу не возвращается…

1998

7 сентября. В Средиземном море, близ острова Риу в акватории Марселя, на палубу рыболовного судна «Горизонт» поднимают браслет-цепочку с металлической пластинкой, после очистки которой на ней проступили слова ANTOINE DE SAINT-EXUPERY (CONSUELO) и почтовый адрес его издателей в Нью-Йорке.

2000

Осень. Историк-исследователь Филипп Кастеллано, возглавляющий ассоциацию, занимающуюся поиском на дне моря самолетов времен Второй мировой войны, обнаруживает фрагменты «Лайтнинга».

2004

В результате исследований неопровержимо доказано, что найденные в море фрагменты самолета принадлежат «Лайтнингу P-38 F5-B», на котором отправился в свой последний полет майор Антуан де Сент-Экзюпери.

Основные произведения Антуана де Сент-Экзюпери

Романы, эссе, повести и рассказы

«Летчик»
(L'aviateur)
Рассказ. Опубликован в 1926 году в журнале «Серебряный корабль» (Le navire d'argent). Перевод на русский язык выполнен Марианной Кожевниковой.

«**Южный почтовый»**
(Courrier Sud)
Роман. Опубликован в 1929 году. Англоязычная версия: Southern Mail. Переводы на русский язык выполнены Мариной Баранович и Дмитрием Кузьминым.

«Ночной полет»
(Vol de nuit)
Роман. Опубликован в 1931 году. Предисловие Андре Жида. Англоязычная версия: Night Flight. В декабре 1931 года этот роман получил престижную литературную премию «Фемина». Перевод на русский язык выполнен Морисом Ваксмахером.

«Планета людей»
(Terre des hommes)
Роман. Опубликован в 1938 году. Англоязычная версия: Wind, Sand, and Stars. В мае 1939 года этот роман получил «Гран-при романа» Французской академии. В СССР эта книга впервые вышла в 1957 году под названием «Земля людей». Ее первым переводчиком был Гораций Велле, лично знавший писателя. Семь лет спустя увидел свет однотомник Антуана де Сент-Экзюпери: в него, помимо других произведений, была включена эта книга, но уже в переводе Норы Галь, и называлась она «Планета людей».

«Военный летчик»
(Pilote de guerre)
Роман. Опубликован в 1942 году. Англоязычная версия: Flight to Arras. Перевод на русский язык выполнен Анной Тетеревниковой.

«Маленький принц»
(Le petit prince)

Аллегорическая повесть (сказка). Опубликована в Нью-Йорке в 1943 году (во Франции – в 1946 году). Англоязычная версия: The little prince. «Маленький принц» переведен на более чем 180 языков и диалектов. Переводы на русский язык выполнены Норой Галь, Андреем Шаровым и Вадимом Николаевым.

«Письмо заложнику»
(Lettre à un otage)

Эссе. Опубликовано в 1944 году. Англоязычная версия: Letter to a Hostage. Переводы на русский язык выполнены Мариной Баранович, Норой Галь и Ридом Грачевым.

«Цитадель»
(Citadelle)

Эссе. Начато в 1936 году и опубликовано в 1948 году. Англоязычная версия: The Wisdom of the Sands. Перевод на русский язык выполнен Марианной Кожевниковой.

Послевоенные издания

«Записные книжки»
(Carnets)

Опубликовано в 1953 году (полное издание в 1975 году). Сборник записей в дневнике с 1935 по 1940 год. Перевод на русский язык выполнен коллективом авторов.

«Письма к матери»
(Lettres à sa mère)

Опубликовано в 1954 году. Переписка с мадам де Сент-Экзюпери за период с 1910 по 1944 год. Перевод на русский язык выполнен Леонидом Цывьяном.

«Смысл жизни»
(Un sens à la vie)

Опубликовано в 1956 году. Неизданные тексты, собранные Клодом Рейналем. Перевод на русский язык выполнен коллективом авторов.

«Военные записки, 1939–1944»
(Ecrits de guerre)

Опубликовано в 1982 году. Предисловие Раймона Арона. Переводы на русский язык выполнены Леонидом Цывьяном и

Еленой Баевской.

«Манон, танцовщица»
(Manon, danseuse)

Новелла, законченная в 1925 году. Опубликована в 2007 году. Перевод на русский язык выполнен Марианной Кожевниковой.

Некоторые книги Антуана де Сент-Экзюпери и об Антуане де Сент-Экзюпери

Полное собрание сочинений
(Галлимар, «Плеяда», т. 1–1994, т. 2–1999)

В этом издании собраны все большие произведения Сент-Экзюпери. В первом томе – «Южный почтовый», «Ночной полет» и «Планета людей», во втором томе – «Военный летчик», «Маленький принц» и «Цитадель». Редактор Мишель Кенель предлагает, помимо подробного введения, многие другие тексты, позволяющие лучше понять жизнь автора и его мысли. В первом томе сгруппированы его статьи и репортажи; во втором томе – его военные записки и письма, раскрывающие его реакцию на те или иные события, плюс приведена его частная переписка.

«Записные книжки»
(Галлимар, «Фолио», 1999)

Это размышления, которые совершенно не предназначались для публикации, а посему эта книга является своего рода бездной. Сент-Экзюпери там ведет диалог с самим собой, начиная разговоры со своими близкими. Книга включает в себя вопросы, мысли и замечания о состоянии мира, начиная от его бунта против испанской «мясорубки» и кончая соображениями об экономике и политике. Там изложена также его теория равенства. И перед читателем появляется фигура человека очень чувствительного и интересующегося всем.

«Письма к матери»
(Галлимар, «Фолио», 1997)

Эта переписка с матерью показывает его отчаяние и тревогу, не покидавшие его никогда. Она показывает его в поисках невозможной стабильности, выражает его безутешную хрупкость.

«Графика, акварели, рисунки пером, пастелью и карандашом»
(Галлимар, 2006)

Книга прослеживает эволюцию, проявившуюся в зарисовках, сделанных на клочках бумаги, а также в рисунках, разбросанных по страницам «Маленького принца». Она позволяет измерить значимость этого персонажа, сопровождавшего автора на

протяжении всей его жизни.

«Пятеро детей в парке» Симона де Сент-Экзюпери
(Галлимар, «Фолио», 2002)

Детские воспоминания Симоны де Сент-Экзюпери отличаются спонтанностью и замечательной свежестью. Они позволяют обследовать окружение и встретиться с людьми, которые сформировали ее младшего брата. Они раскрывают еще только намеки на знаки, определившие потом его выдающуюся судьбу.

«Воспоминания розы» Консуэло де Сент-Экзюпери
(Плон, 2000)

Из-под пера своей жены Антуан де Сент-Экзюпери появляется в истинном измерении человека, освобожденного от ореола писателя, со всеми своими слабостями и во всем его величии. Восстанавливая нить своей страсти к нему, Консуэло подчеркивает всю сложность этого человека.

«Сент-Экзюпери: архангел и писатель» Натали де Валльер
(Галлимар, 1998)

Эта краткая и игривая биография – это своего рода входная дверь к пониманию жизни Антуана де Сент-Экзюпери. Сопоставление событий с фотографиями и архивными документами доставляет большое удовольствие. Книга показывает место человека в контексте его эпохи.

«Антуан де Сент-Экзюпери» «Жажда существования» (том 1). «Горькая слава» (том 2)
Бернар Марк (Л'Аршипель, 2012)

Бернар Марк нашел в этой самой полной на сегодняшний день биографии баланс между восхищением и объективностью, необходимой для биографа. Он не выступает разрушителем идолов, но переносит легенду в соответствующий контекст, отмечая все противоречия автора «Южного почтового». Эти страницы также демонстрируют наблюдательность и крайнюю степень терпеливости в понимании жизни одного из самых сложных людей XX века, иногда победителя, а иногда и терзаемого сомнениями, но всегда волшебника и человека действия.

«Сент-Экзюпери: небесный пахарь» Куртис Кейт («Ливр де пош», 1994)

Куртис Кейт использует многочисленные документы и свидетельства в этой подробной биографии, показывающей

огромное преимущество склонности к литературному анализу.

«Сент-Экзюпери, созданный самим собой»
Люк Этан («Сей», 1956)

Эта книга не имеет возраста! Через выдержки из текстов и биографические сведения она предлагает нам ключи к пониманию творчества Антуана де Сент-Экзюпери. И постепенно вырисовывается интеллектуальный портрет, следующий за всеми поворотами его мысли, не отбрасывая сложности и кажущиеся противоречия, и все это с единственной целью – разобраться.

«И вот однажды…
Маленький принц»
Сборник, составленный Альбаном Серизье
(Галлимар, «Фолио», 2006)

Этот сборник предлагает поклонникам «Маленького принца» живой подход к легендарной книге. После научных размышлений о книге раздаются многочисленные голоса, предлагающие свое видение этой сказки, – от Мальро до Тахар Бен Джеллуна или Филиппа Делерма.

«Маленький принц»

Произведение было опубликовано в 1943 году в Соединенных Штатах издательством «Рейнал & Хичкок» и во Франции Галлимаром. «Маленький принц» был переведен на 250 языков мира, в разной степени известных. Например:

• язык бамбара (Мали). Бамако. Издательство «Jamana», 1989;
• бретонский. Промлен. Издательство «Preder», 1974;
• креольский (Кабо-Верде). Издательство «Tintenfass», 2013;
• лангедокский. Андока/Валадриас. Издательство «Vent Terral», 1994;
• язык маратхи (Индия). Бомбей. Издательство «Popular Prakashan Pvt Ltd.», 1988;
• мирандийский (Португалия). Издательство «Edições», 2011;
• пикардийский. (Амьен). Издательство «Eklitra», 1988;
• язык кечуа (Перу). Лима. Издательство «Asociación Pukllasunchis», 2002;
• саарский (Германия). Ниддерау. Издательство «Verlag Michaela Naumann», 2001;
• албанский гегский (Косово). Издательство «Rilindja», 1965;
• язык ташельхит (Марокко). Рабат. Издательство «Afrak Masst», 2007;
• язык телугу (Индия). Хайдарабад. Издательство «Mme Vinaya Mani», 1990;

• язык тоба (Аргентина). Буэнос-Айрес, 2005.

Общий тираж книги после ее выхода составляет примерно 145 миллионов экземпляров. Это история о Маленьком принце, который охраняет свою розу, прочищает свои вулканы, выпалывает семена зловредных баобабов и последовательно посещает шесть планет, в том числе и Землю.

Король

Он живет на планете в районе астероидов 325 и 330, крошечной и полностью покрытой его горностаевой мантией. До прибытия Маленького принца он царствовал над одной старой крысой и считал, что правит всеми звездами и планетами, которые были ему видны. При отъезде Маленького принца он назначил его своим послом.

Честолюбец

Он ждет, когда путешественники прибудут на его планету, чтобы его поприветствовать, после чего он бы скромно приподнял шляпу и раскланялся. Для него другие люди могут быть только поклонниками. Маленький принц стал первым из них, но он быстро покинул его…

Пьяница

Он пьет, чтобы забыть, что он пьет, и так у него начинается каждый день. Маленький принц покинул этого странного типа растерянным и недоумевающим.

Деловой человек

499, 500 501. Пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать одна звезда, если быть точным. Эта цифра гуляет в голове делового человека вот уже пятьдесят четыре года, с тех пор как он вступил в свою должность. Он считает и снова пересчитывает, потому что он – человек серьезный и очень любящий точность. В отличие от тех, кто побеспокоил его: залетевшего двадцать два года тому назад майского жука, приступа ревматизма от сидячего образа жизни и этого забавного персонажа, донимающего его вопросами.

Фонарщик

Раньше, когда он зажигал свой фонарь один раз утром и гасил его один раз вечером, его работа была разумной. Но потом его маленькая планета стала вращаться все быстрее и быстрее. Теперь ему приходится зажигать и выключать 1440 раз в сутки. И

у него теперь нет ни секунды передышки. Но уговор есть уговор, как уверен он, и вряд ли он когда-нибудь закончит то, что начал.

Географ

Он знает, где находятся реки, горы и города. Но его не волнует роза Маленького принца. Потому что, как он говорит, цветы эфемерны. То есть они должны «скоро исчезнуть». Географ посоветовал тому, кого он принял за исследователя, посетить такую уникальную планету, как Земля.

Земля

На ее поверхности начинается рассказ о странном маленьком человеке, который начинает бродить по ней, чтобы обнаружить, что она пустынна, а потом наконец встретить лисицу, которая научит его тому, что, чтобы кто-то стал единственным в целом свете, достаточно его приручить.

Генеалогическое древо Антуана де Сент-Экзюпери

Жан-Батист-Сезар де Сент-Экзюпери (1791–1843) Х 27.06.1827 в Бордо на Антуанетте Леу (Lehoult) (1804–1873)

– Луи-Жан-Батист-Мари-Фернан де Сент-Экзюпери (1833–1918) Х 28.04.1862 в Париже на Аликс Блукье де Трелан (1843–1906)

– Мартен-Луи-Мари-Жан-Марк де Сент-Экзюпери (1863–1904) Х 9.06.1896 на Мари-Луизе Бойе де Фонколомб (1875–1972)

– Мари-Мадлен де Сент-Экзюпери (1897–1926)

– Симона де Сент-Экзюпери (1898–1978)

– Антуан де Сент-Экзюпери (1900–1944) Х 12.04.1931 в Ницце на Консуэло Сунцин Сандоваль де Гомес (1901–1979)

– Франсуа де Сент-Экзюпери (1902–1917)

– Габриэль де Сент-Экзюпери (1903–1986) Х 11.10.1923 в Сен-Морис-де-Ремансе за Пьера де Жиро д'Аге (1900–1996)

– Мирей де Жиро д'Аге Х Ролан Лефевр де Валльер

– Жан-Батист-Алексис-Анри-Мартен де Сент-Экзюпери (1865–1914) Х в октябре 1896 года на Валентине Базен

– Ги де Сент-Экзюпери (1899–1980) Х 14.06.1922 на Андре-Лоре Ротеа (Rothéa) (1899–1989)

– Жак де Сент-Экзюпери (1932–2002) Х Мартина д'Англьжан

– Патрик де Сент-Экзюпери (1962)

Антуан де Сент-Экзюпери был связан с тремя самыми прославленными семействами в истории Франции.

Семейство Сент-Экзюпери

Экзюперицус. Благотворительность этого епископа Тулузы в V веке была известна до Ближнего Востока, где ею пользовался святой Иероним. Он лишал себя пищи, чтобы отдавать все нуждающимся, и даже продал литургические блюда и чаши своего прихода, чтобы помочь бедным.

Жорж-Александр-Сезаре. Он имел опыт участия в войне за независимость рядом с Лафайеттом, где он принял участие в битве при Йорктауне. После революции он вступил добровольцем в армию принца де Конде.

Жан-Батист. Будучи женатым на дочери богатого купца из Бордо, он продал семейные земли Сент-Аман в Керси и получил взамен замок Малескот в Марго. Его вдова, разоренная нашествием виноградной филлоксеры, продала его в 1853 году.

Семейство Лестранж

Установлено, что один из Лестранжей сопровождал Вильгельма Завоевателя и принял участие в 1066 году в битве при Гастингсе. Одуан де Лестранж участвовал во Втором крестовом походе.

Семейство Бойе де Фонколомб

Эта фамилия появилась в XVI веке. Они происходили из молодого дворянства мантии и через череду престижных свадеб сколотили состояние своим бедным сородичам. В самом конце Старого Режима их потомки были связаны с самыми знаменитыми семействами.

Вселенная Антуана де Сент-Экзюпери

Консуэло Сунсин (1901–1979)

Вдова гватемальского писателя Энрике Гомеса Каррильо, Консуэло изучала искусство и французский язык. Это было словно удар молнии. Они с Антуаном поженились 12 апреля 1931 года в Аге, где ее приняла семья его сестры. Их отношения были страстные и бурные, ибо Консуэло имела вулканический характер, характерный для ее родины. Когда Сент-Экс получил премию «Фемина», он оставил ее, чтобы продолжить вечер с Нелли де Вогюэ, с которой у него была связь. Она присоединилась к нему, когда он стал нуждаться в ней; он заботился о ней, как о ребенке. Она вдохновила его на образ розы из «Маленького принца» – своими шипами и своей красотой. Консуэло была неуравновешенной и прекрасной. Несмотря на их непрекращающиеся ссоры, он всегда чувствовал себя ответственным за нее. Незадолго до своей смерти он поручил ее заботам своей матери. С этого момента она жила в Грассе, где и умерла в 1979 году.

Луиза де Вильморен (1902–1969)

Основательница Группы Боссюэ, где Антуан получил звание «Великий сентиментальный и комический поэт», Луиза была его первой любовью. Она прихрамывала, но была предметом всеобщего ухаживания. Но только одному удалось соблазнить ее: Антуану. Они обручились, и их брак был запланирован на конец 1923 года. Но семье это не понравилось, ибо молодой человек был беден. Это да плюс еще авария Антуана в Бурже, которая грозила тем, что Луиза станет самой молодой вдовой в своем окружении, вынудило ее отказаться от их совместных проектов. Антуан после этого погрузился в глубокую скорбь. Он изгнал ее из себя при помощи писательства, вдохновившись образом Женевьевы в «Южном почтовом». Однако он не прекратил ей писать, нашел ее в своих парижских кутежах и не забывал никогда.

Нелли де Вогюэ (1908–2003)

Нелли присутствовала при пробных чтениях «Южного почтового» у Луизы де Вильморен. Потом они с Антуаном встречались в парижских салонах, и между ними установилась устойчивая связь. Она придала ему стабильности. Это видно из

многочисленных писем, которыми они обменивались, где Антуан говорил ей о своей безусловной любви. Она нашла его в Нью-Йорке в 1938 году после несчастного случая, произошедшего с ним в Гватемала-Сити, затем в Орконте. Она присоединилась к нему в Алжире в 1943 году. После ее отъезда он никогда не прекращал писать ей, чтобы снова объявить ей о своей страсти, и так продолжалось до 30 июля 1944 года, до дня накануне его исчезновения. Она занималась изданием его произведений: «Цитадели», «Военных записок», «Записных книжек».

Рене де Соссин (родилась в 1897 году)

Сестра одноклассника Антуана, она стала его доверенным лицом. Он читал ей свои ранние сочинения – «Летчика» и «Манон, танцовщицу». В 1930-х годах они поддерживали эпистолярные отношения, в которых она играла роль защиты против его любовного одиночества. Заявления чередовались там с упреками по поводу его мирской жизни, мешавшей ему отвечать.

Сюзанна-Жоржетта Шарпантье, прозванная Аннабеллой (1907–1996)

Она – это Анна-Мария в одноименном фильме 1935 года режиссера Раймона Бернара по сценарию Антуана де Сент-Экзюпери. В июне 1941 года Сент-Экзюпери, приглашенный Жаном Ренуаром в Лос-Анджелес, встретился с ней. Когда он перенес операцию на желчном пузыре и был госпитализирован, она стояла у его постели и читала ему «Русалочку» Андерсена. Она породила в нем желание написать историю Маленького принца, ребенка, которого он уже давно рисовал на салфетках в ресторанах, того, кто продолжает жить внутри каждого взрослого человека. Они встретились позднее, в Нью-Йорке, где они кормили белок в Центральном парке. Аннабелла потом сказала, что, когда они находились вместе, им было по 12 лет.

Натали Палей (1905–1981)

На съемках «Южного почтового» молодая княгиня Наталья Павловна Романова загипнотизировала Антуана, как она это делала со многими художниками и аристократами в Безумные годы[60]. В Нью-Йорке в 1941 году она стала его доверенным лицом во время их краткой переписки. В Монреале, где он задержался, он писал ей полные отчаяния письма, где делился своими чувствами и просил поддержки. Из этого родились платонические отношения, которые не в состоянии были когда-либо воплотиться в жизнь из-за того, что она пережила во время Октябрьской революции 1917 года, когда ее отца и братьев

сначала бросили в тюрьму, а затем убили.

Сильвия Хэмилтон Рейнхардт (1910–1994)

Когда Антуан повстречался с ней, молодая журналистка не говорила ни слова по-французски, а он – ни слова по-английски, но кого это тогда могло волновать! Сент-Экс никогда не стеснялся оставить Бевин Хаус, где он проживал с Консуэло, чтобы приехать к ней в Нью-Йорк. Они проводили очаровательные вечера в квартире Сильвии, где Антуан работал над «Маленьким принцем» и делал наброски с ее собаки для некоторых эскизов. Или они посещали вместе разные места в Нью-Йорке, в частности «Клуб 21». После отъезда, в апреле 1943 года, он оставил ей самое дорогое: свой фотоаппарат и рукопись «Маленького принца». Это она вдохновила его на знаменитые слова: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь». После отъезда из США Сент-Экс поддерживал с ней эпистолярные отношения.

Анри де Сегонь (1901–1979)

Первый товарищ по ночным увеселениям и боям Антуана де Сент-Экзюпери, даже когда они были учениками в лицее Сен-Луи. Они снова встретились в 1920 году, одетые в римских легионеров, в одной театральной пьесе. Один потом станет альпинистом и отправится в Гималаи, другой – в пустыню. В марте 1939 года Сент-Экзюпери был крестным отцом его дочери Анны-Марии.

Шарль Саллес (родился в 1900 году)

Во Фрибурге, где Антуан встретился с ним, Шарль разделял его любовь к розыгрышам. Позже, в коридорах замка Сен-Морис, начались их дискуссии. Затем наступил час первого путешествия. Они посетили Крез, Шер и Аллье, где Сент-Экс был представителем завода грузовиков «Сорэр». Вместе они бегали по провинциальным вечеринкам и по красавицам. На хуторе Панисс, где Шарль обрабатывал землю, он принимал у себя Антуана в сопровождении Консуэло и Верта. В 1940 году они вновь встретились в Тарасконе и пообедали в Маноске с Жионо и Паньолем.

Луи де Бонневи (1900–1927)

Антуан познакомился с ним еще в коротких штанишках в Лионе. Один был экстравертом, а второй – сам в себе. Между ними быстро установилась крепкая дружба. С Бонви, как он его называл, Антуан имел свои первые большие литературные и философские споры. Они писали друг другу во время учебы, до

самой смерти Луи. Отправленный в 1926 году в качестве артиллериста-наводчика в Марокко, он умер там от тифа в 1927 году.

Леон-Поль Фарг (1876–1947)

Завсегдатай литературных салонов, тонкий летописец парижской жизни, Леон-Поль Фарг повстречался с молодым Антуаном у Ивонны де Лестранж. До его отъезда репортером в СССР Фарг представил его князю Александру Малиновскому, рассказавшему ему о судьбе своей страны. Два поэта разделяли определенный интерес к богемной жизни, назначая встречи в «музее сыра», в Андруэ, и проводя вечера в пивной «Липп» или у Антуана, на улице Шаналей. Несмотря на принадлежность к разным поколениям, Фарг оставался привязан к этой своей «второй молодости» в обществе Сент-Экса.

Жозеф Кессель (1898–1979)

Их дружба родилась в 1931 году благодаря Мермозу. Автор «Экипажа», посвященного жизни пилотов во время Первой мировой войны, и «Ветра пустыни», первой книги об «Аэропосталь», сподвиг его в декабре 1935 года на перелет Париж – Сайгон и набросал его портрет в «Гренгуаре»[61]. Отправленные для освещения гражданской войны в Испании, они встретились в Мадриде. Сент-Экс потом приветствовал Кесселя в 1940 году, до отлета в Нью-Йорк.

Леон Верт (1878–1955)

Представленные друг другу в 1931 году журналистом Рене Деланжем, Верт и Сент-Экс сразу же стали друзьями и постоянно потом встречались в Париже или в Сент-Амуре, загородном доме Верта в Юрских горах. Вместе они громко хохотали, если только не ссорились по политическим вопросам. Антуан приехал к Верту в середине октября 1940 года в Сент-Амур, куда тот бежал, будучи евреем и коммунистом по своим убеждениям. Он повеселил его, прочитав несколько страниц «Цитадели». Больше эти двое мужчин не встретятся никогда. В 1943 году в США Антуан издал «Маленького принца», посвятив его «своему лучшему другу».

Андре Жид (1869–1951)

Жид, когда он повстречался с Антуаном де Сент-Экзюпери у Ивонны де Лестранж, пристрастил его к писательству. Осознавая влияние Жида в «Новом французском обозрении», молодой человек показал ему свою первую рукопись «Южного почтового».

По возвращении из Аргентины, через два года, он начал писать «Ночной полет», к которому Андре Жид предложил написать предисловие. Последний также вдохновил его написать историю о приключениях Гийоме в Андах. В замке Шитре, принадлежавшем Ивонне де Лестранж, два писателя обменивались мнениями о литературе и политике, когда не играли в карты. Незадолго до своей смерти Сент-Экс предложил Жиду совершить полет на самолете, но тот отклонил это предложение, заявив, что сильно кашляет, чтобы не страдать от неудобств, связанных с пилотированием человека, известного своей взбалмошностью.

Бернар Лямотти (1901–1983)

Антуан и Бернар познакомились при обучении изящным искусствам, с кистью в руках, каждый за своим мольбертом, и потом их долго будет связывать дружба, и они будут вместе с большим удовольствием посещать кафе, чем мастерские. Комната Антуана стала ареной их художественных начинаний – у одного живописных, у другого – письменных. Когда Лямотт вернулся из Аргентины, он стал идеальным компаньоном Антуана в его ночных похождениях в Париже. Но особенно сблизились они во время его пребывания в Нью-Йорке в 1938 году, а затем – в 1941–1942 годах. Тогда Бернар уже был заметным художником и скульптором. В его квартире Сент-Экс встречался с Гретой Гарбо, Марлен Дитрих и Жаном Габеном.

Жан Мермоз (1901–1936)

Антуан и Жан встретились в 1926 году, когда Сент-Экзюпери был пилотом в компании «Латекоэр». 14–15 июля 1929 года Мермоз стал первым пилотом, сумевшим пересечь Анды, а 12–13 мая 1930 года он выполнил первый аэропочтовый перелет между Францией и Южной Америкой. Для Антуана, пока еще путавшегося в своих противоречиях, он быстро стал образцом. Двое мужчин не переставали втречаться в кафе во всех уголках мира. Даже сотрудничество Мермоза с полковником Ла Роком в рамках христианского националистического движения «Огненные кресты» не помешает их дружбе. 7 декабря 1936 года, день исчезновении Мермоза, отметит для Сент-Экса начало падения, которого ему не удастся избежать. И напрасно он будет пытаться изгнать свою печаль, посвящая другу статьи в «Марианне» и в «Непримиримом».

Анри Гийоме (1902–1940)

Со времени прихода Антуана в компанию «Латекоэр» они

были неразлучны. Гийоме, ставший легендарным пилотом «Аэропосталь», нес ответственность за новый набор работников на Линию, и он дал ему урок особенной географии. Земля в ней была населена маяками, которые служили обителями для людей, апельсиновое поле занимало больше места, чем Сьерра-Невада. Три года спустя, когда Гийоме женился в Буэнос-Айресе на Ноэль, Сент-Экс был у него одним из свидетелей и посвятил ему свою книгу «Планета людей», в которой он с волнением возвращался к эпизоду с его аварией в Андах. Разбившись рядом с Лагуна-Диаманте 13 июня 1930 года, Гийоме вынужден был пять дней бороться за свою жизнь, а в это время Сент-Экзюпери искал его между вершинами Кордильер. Они были рядом на борту гидроплана «Лейтенант де вессо Пари», на котором 14 и 15 июля 1939 года они совершили первый беспосадочный перелет через Северную Атлантику. Исчезновение Гийоме стало трагической вехой в жизни Антуана, который с тех пор всегда говорил, что у него больше нет друзей.

ПРОДЕЛКИ

Сон во время купания

Когда он жил у нее, его кузина Ивонна де Лестранж была очень удивлена, когда увидела, что с потолка падают капли воды. Она поспешила наверх, открыла дверь Антуана и нашла его заснувшим в ванной, и при этом вода продолжала течь. Такой же инцидент повторялся потом много раз, в частности, в славные дни «Аэропосталь». Однажды утром в 1926 году коллеги Сент-Экса были удивлены, не увидев его в автобусе, который должен был отвезти их на базу Тулуза-Монтодран. Нарушая инструкции, они покинули автобус и побежали в его комнату, где нашли его спящим, а вокруг плавали книги. Целый оркестр не мог его разбудить.

Зверинец в Кап-Джуби

В Кап-Джуби было множество домашних животных. Начиная от Кики, обезьяны, которая во время завтрака укладывала тартинки на плечи Мермоза, до мартышки Лолы и нахального кота Пафа, из-за которого товарищи Сент-Экса говорили, что в царстве Джуби дела вершит не один правитель, а два. «Ковчег» включал в себя самых диких животных, от прирученного фенека до хамелеона, нескольких газелей и гиены, которую нужно было оставлять снаружи во время еды, такой она была зловонной.

Фокусы

Сент-Экзюпери часто оживлял вечера с друзьями карточными фокусами. Он их освоил – от самых простых до самых сложных. Это его замечательное умение даже позволило ему попробовать себя в профессиональных турах, в таких как «Тайна шести карт Мальдо» или «Карты-призраки Стэнли Пальма».

Страшная забывчивость

Два раза она чуть было не стоила ему жизни. В первый раз, в 1933 году, дело было в заливе Сен-Рафаэль. В декабре, испытывая новую модель гидросамолета «Латекоэр», он забыл закрыть люк в полу аппарата. Когда он приводнился, вода устремилась внутрь, и самолет тут же затонул. Сам он лишь чудом остался жив. Во второй раз, в 1944 году, летая на «P-38 Лайтнинге», он забыл, возвращаясь на базу, подключить гидравлические тормоза. При контакте с землей самолет доехал до конца полосы и влетел в соседнюю оливковую рощу, получив серьезные повреждения. Капитан Сент-Экзюпери после этого чуть не был уволен. Он забывал контролировать уровень топлива, но он не мог заставить себя прекратить читать книги за пультом управления самолетом.

Песни

Сент-Экзюпери всегда что-то пел в воздухе. Его репертуар шел от песенок моряков до французского шансона: например, песню «В тени сладкой яблони» он пел ночью в устье Меконга. Ни одного вечера не проходило в Кап-Джуби или пивных без подобных песен, которые тут же хором подхватывали все окружающие.

МЕСТА

Пивная «Липп»

Париж

Основанная в Париже в 1880 году, эта пивная, расположенная в квартале Сен-Жермен-де-Пре, имеет солидную литературную и политическую репутацию. Перед Антуаном де Сент-Экзюпери она уже была настоящим «филиалом Палаты депутатов». Там собирались писатели Рамон Фернандес, Андре Жид и Пьер Дрие ля Рошель, а также журналисты типа Жан-Жерара Флери. Беседы с друзьями питали размышления Сент-Экзюпери, которые он потом развивал в своих записных книжках. Они касались аспектов политических, философских, литературных и нравственных.

«Две обезьяны»
Париж

В квартале Сен-Жермен-де-Пре ресторан «Две обезьяны» также имел солидную литературную репутацию. Первым взяли себе за правило бывать там Верлен, Рембо и Малларме. Когда Антуан де Сент-Экзюпери встретил там Жана Мермоза, они стали засиживаться там до раннего утра, выпивая, смеясь, распевая песни и громко разговаривая. Жан, евший за двоих, любил заключать пари на сумму счета, доказывая, что никто не может поглотить больше, чем он. Многие ему тогда проиграли, в том числе и однажды Жозеф Кессель. Беседы сворачивались к общим воспоминаниям об «Аэропосталь»: о пустыне и ее тайнах, об аргентинских пампасах, о Рио-де-Оро и круассанах, которые ели рано утром после изнурительных ночных полетов.

Андруэ[62]
Париж

В компании «парижского пешехода» Леона-Поля Фарга Сент-Экзюпери часто бывал в «музее сыра». Верный выражению, что Франция – это огромное сырное блюдо, он совершил гастрономический тур по стране. И тогда самые поэтические и несочетаемые названия заполняли храм его славного желудка. Тут можно назвать сыр «Ракотен», «Конс дю Пор-Обри» или «Клакбиту де Бургонь». Можно усладить себя тонкостью сливочного сыра «Олерон», фруктовым ароматом сыра «Конте» или мощным вкусом сыра «Сен-Нектер», который присутствовал на столе самого Людовика XIV. Независимо от регионов, через которые он путешествовал, Овернь всегда находилась в центре его внимания. «Канталь», который нужно было пробовать в разгар его созревания, приносил в Париж что-то от пастушьей хижины и дыхания зимнего ветра.

«Лягушка»
Нью-Йорк

Этот французский бар-ресторан находился внизу дома, в котором была нью-йоркская квартира скульптора Бернара Лямотта, знакомого Антуана де Сент-Экзюпери. Писатель находил там французскую атмосферу, которой ему так не хватало. Он встречался там с французскими авторами Пьером де Ланюксом и Раулем де Русси де Салем, скульптором Джо Дэвидсоном, актером Жаном Габеном и актрисой Марлен Дитрих. Место это стало местом встречи для французских эмигрантов. Они говорили о своей стране, о решениях, которые нужно было принять, чтобы поучаствовать в ее будущем.

ВЕЩИ

Браслет

7 сентября 1998 года, когда экипаж его лодки вел лов рыбы у острова Риу, что недалеко от Марселя, Жан-Клод Бьянко выловил предмет, о котором он потом сказал так: «Сначала я потер браслет большим пальцем, и мне удалось прочитать слово «Антуан». Когда появились слова «Сент-Экзюпери (Консуэло)», я думал, что это шутка». В дополнение к полному имени и фамилии исчезнувшего пилота и имени его жены в скобках, он также смог прочитать и две другие строки: «Рейнал & Хичкок, 386, 4-я авеню, Нью-Йорк, США» – это название и адрес его издателя. Открытие поставило крест на всех слухах, появившихся после смерти Сент-Экзюпери.

Рукописи

Антуан де Сент-Экзюпери очень заботливо относился к своим рукописям. Когда он отправился в Соединенные Штаты в самом конце 1940 года, он взял с собой толстую черную тетрадь, свернутую в трубку и стянутую резинкой, вырезанной из велосипедной покрышки: рукопись «Цитадели». На обратном пути он отказался оставить рукопись «Военного летчика», которую он называл своим «ребенком». Когда он покинул США, чтобы присоединиться к «Свободной Франции», он взял с собой рукопись «Маленького принца» – талисман, защищающий его от вражеских атак.

Записные книжки

В 1930-х годах Сент-Экзюпери всегда носил с собой небольшую кожаную тетрадку. В ней он записывал все свои впечатления и мысли, а также идеи, которые можно было разработать позднее. Всего у него был сборник из пяти тетрадок за период с 1935 по 1940 год. Но он никогда не подразумевал их издание и не стремился дать им законченный вид, и это объясняет многие незавершенные предложения и неуклюжие формулировки, содержащиеся там. Тем не менее, в 1953 году издательство «Галлимар» впервые опубликовало содержимое этих записных книжек.

БЛЮДА

Молоки карпа

Пилот был без ума от этой мягкой беловатой субстанции – в

тушеном виде или просто обваренной в кипятке.

Honni soit le vÉgÉtal
(Пусть будет стыдно всему растительному)[63]

Будучи госпитализированным в Нью-Йорке, Сент-Экс любил говорить, что вид вареной моркови вызывает у него отвращение. Он распространял эту ненависть к овощам на брюссельскую капусту, зеленую фасоль и брокколи, которые угрожали его мясной диете.

Чесночный соус

Сент-Экзюпери сопровождал им большинство блюд, а еще он потреблял чесночный соус, покрывая им кусок свежего хлеба.

Свиные ноги на гриле

В небольших парижских ресторанчиках, владельцами которых были этнические бретонцы, писатель любил заказывать это блюдо, которое подавалось в сухарях, в сопровождении горчицы, тимьяна, лаврового листа, петрушки и чеснока.

САМОЛЕТЫ

Берто-Вроблевски W 3

Сен-Морис-де-Реманс, где Антуан де Сент-Экзюпери проводил каникулы, находился рядом с аэродромом Белльевр. Виллербанский промышленник Жозеф Берто развивал там авиацию. Его спонсорство позволяло строить и тестировать прототипы самолетов, разработанные братьями Вроблевски. Юный отдыхающий ходил туда, проявляя интерес к механике. 26 июня 1912 года Габриэль Вроблевски предложил ему совершить первый полет. И по мере того, как самолет поднимался в воздух, рождалось призвание.

Бреге XIV

Антуан де Сент-Экзюпери встретился с этим типом самолета в 1922 году, в учебном центре Авор, в то время как он был учеником-наблюдателем. Потом он встретился с ним в 1926 году, когда был нанят Дидье Дора в компанию «Латекоэр». С его двигателем в 300 л. с., размахом крыла в 14 метров и крейсерской скоростью 125 км/ч это была рабочая лошадка Линии. После работы в мастерской по разборке двигателей именно на нем 15 декабря Сент-Экс совершил свой первый полет на Линии, из Тулузы в Перпиньян, вместе с Анри Гийоме. На нем

же он приземлился в октябре 1927 года в Кап-Джуби, чтобы стать там начальником аэродрома.

Латекоэр 25 и 26

В 1929 году Антуан де Сент-Экзюпери возобновил полеты по маршруту Тулуза – Касабланка и Касабланка – Порт-Этьенн. Компания приобрела новое оборудование: самолеты «Лате 25» и «Лате 26». С их двигателем «Рено» мощностью 450 л. с. они могли работать на рейсах с уменьшенным числом посадок в направлении Африки и Южной Америки. Они позволяли осуществлять радиосвязь с экипажем, а это давало возможность компании делать сдвоенные рейсы. В 1931 году Сент-Экзюпери управлял ночью самолетом «Лате 26». Чтобы добраться до Порт-Этьенна, он оставил Касабланку в воскресенье вечером. По пути он поменял аппарат в Агадире и остановился в Кап-Джуби. В полете двигатель производил так много шума, что он вынужден был общаться со своим радистом Жаком Нери в письменной форме.

Латекоэр 293

В 1933 году Антуан де Сент-Экзюпери был тест-пилотом компании «Латекоэр». В этом качестве он выполнил первые полеты над Средиземным морем на борту поплавкового торпедоносца «Лате 293», прототипа, созданного для морской авиации. Техника посадки на воду отличается от посадки на землю. Для того чтобы облегчить взлет, поплавки встают под углом по отношению к фюзеляжу. Это положение требует приводнения под большим углом, что обычно для пилотов морской авиации, но требует длительного обучения для прочих пилотов. Сент-Экзюпери, обладавший легендарным легкомыслием, никак не мог к этому привыкнуть. 21 декабря 1933 года он летел в заливе Сен-Рафаэль совместно со вторым пилотом лейтенантом Батайем и механиком Жильбером Верже. Из-за плохо проведенного маневра поплавок треснул, и самолет перевернулся. Батай и Верже освободились, но Сент-Экзюпери и инженер Мейер застряли в кабине. Они не утонули лишь благодаря помощи спасателей.

Кодрон-Симун С 630 и 635

В 1924 году Сент-Экзюпери писал матери: «Когда я буду богат, у меня будет свой небольшой самолет, и я прилечу к вам в Сан-Рафаэль». В 1933 году он приобрел самолет «Симун С 630», кремово-красный, с серийным номером «F-ANRY». Самолет этот был создан всего в 20 экземплярах, и он появляется в некоторых

сценах «Южного почтового», снимавшегося в Марокко. Нанятый в рекламную службу «Эр Франс» в ноябре, Сент-Экс отправился на нем в лекционное турне вокруг Средиземноморья, что привело его в Каир, Дамаск, Бейрут и Стамбул, а потом – в Афины. На этом же аппарате он совершил перелет Париж – Сайгон. Эта попытка стала его последним полетом на этом самолете, ибо он разбился в районе Джебель-Хадид, между Бенгази и Каиром. В течение пяти дней он вместе с механиком Прево шел пешком, испытывая галлюцинации и пытаясь найти следы людей. Два потерпевших аварию пошли на восток, в направлении, которое спасло Гийоме в Андах. Все это завершилось 2 января, когда их спас бедуин, чье лицо стало для них символом планетарного гуманизма.

На борту С 635, самолета, зарегистрированного в серии «F-ANKX», Сент-Экс хотел пересечь обе Америки, от Нью-Йорка до Огненной Земли. В полете он останавливался в Вашингтоне, Атланте, Хьюстоне, Браунсвилле и Веракрусе. Он и Прево попали в аварию в Гватемала-Сити: при взлете перегруженный самолет разбился в самом конце взлетной полосы, в гравийном карьере. Только чудом самолет не загорелся. После этого пилот оставался восемь дней в коме и едва избежал ампутации руки.

Блох 174 (Блох MB. 174)

Разведывательная авиагруппа 2/33 была снабжена этими самолетами, которые должны были заменить модели «Потез 63–7». На борту этого самолета 29 марта 1940 года Антуан де Сент-Экзюпери осуществил под Аррасом свой первый разведывательный полет. За него и за последующие полеты он будет упомянут в приказе по армии и получит Военный крест. Модели «Блох 174» были надежными и позволяли совершать чудеса воздушной акробатики, и они должны были противостоять немецким «Мессершмиттам». Задания по фотографированию в тылу врага даже на очень большой высоте, тем не менее, являлись практически самоубийством. Лишь чувство долга и мужество пилотов, таких как Сент-Экс, толкало их на этот гарантированный убой.

Локхид F-5B (версия модели P-38 «Лайтнинг», оснащенная фототехникой)

Именно на борту этих «легких монстров» Антуан де Сент-Экзюпери выполнял «погружения» на очень большой высоте. 31 июля 1944 года он отправился на выполнение своего десятого задания по фотографированию военных объектов в районе Гренобль – Аннеси. Окруженный «морем циферблатов» и одетый в

тяжелый комбинезон, позволявший выдерживать до –50 ˚С в кабине, он взлетел в 8.35 утра. В 13 часов командир эскадрильи капитан Рене Гавуалль, не получив новостей, стал тревожно смотреть на радары. Обстоятельства этого исчезновения потом приведут к бесчисленным слухам, которые все потом отрицались. Самой содержательной была версия о самоубийстве, к которой некоторые биографы склоняются и по сей день. Эта версия основана на отчаянном тоне его последних писем.

ПАМЯТЬ ОБ АНТУАНЕ ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

Антуан де Сент-Экзюпери посетил множество мест, и многие из них теперь носят его имя. Гражданское общество в этом смысле тоже не отстает.

Статуи:

• статуя работы Кристиана Гийобэ, изображающая Сент-Экзюпери и Маленького принца, на площади Белькур в Лионе;

• статуя в его честь посреди Королевского сада в Тулузе;

• бюст работы Мадлен де Тезена в сквере Сантьяго-де-Чили в Париже;

• статуя работы Винифреда ДеВитт Ганца во дворе библиотеки города Нортпорта, где находится Бевин-Хаус, в котором был написан «Маленький принц» в 1942–1943 годах;

• надпись на стене Пантеона: «В память об Антуане де Сент-Экзюпери (поэте, писателе и авиаторе), пропавшем без вести во время разведывательного полета 31 июля 1944 года»;

• памятная доска на доме № 15 по площади Вобан в VII округе Парижа, которая указывает на то, что тут жил Сент-Экзюпери в 1934–1940 годах;

• памятная стела в аэропорту города Бастия.

Улицы, площади, проспекты, набережные и учреждения:

• улицы в Авиньоне, Бресте, Лаоне, Лионе, Монреале (Канада), Фрибурге (Швейцария) и других городах;

• площадь в Кабрисе, где жила его мать;

• в Красноярске именем Сент-Экзюпери назван бульвар, построенный в 2015 году в жилом комплексе «Южный Берег»;

• в Подмосковье, в поселке Авиаторов (недалеко от аэродрома Кудиново), в 2013 году появилась улица Сент-Экзюпери;

• авеню в Лионе, ведущая в Монтодран, где находились заводы и аэродром фирмы «Латекоэр», – там в 2010 году была открыта фреска (3 × 10 м) с изображением Сент-Экзюпери;

• набережная в Париже (XIV округ);

• около сорока школ только в Иль-де-Франс; за рубежом: школа в Сантьяго-де-Чили, французские лицеи в Уагадугу (Буркина-Фасо) и Гамбурге (Германия), коллеж в Рабате (Марокко), школа в Мадриде (Испания), школа в Кигали (Руанда);

• Лионский аэропорт имени Сент-Экзюпери.

Почести:

• именем Сент-Экзюпери названа горная вершина высотой 2558 метров в провинции Санта-Крус (Аргентина);

• портрет Сент-Экзюпери был размещен на банкнотах стоимостью в 50 франков, выпущенных Банком Франции в период между 1996 и 2002 годами;

• Сент-Экзюпери посвящено несколько почтовых марок, выпущенных с 1947 года (последняя – в 2000 году, к 100-летию со дня его рождения);

• «Планета людей» – это стало темой, выбранной для Всемирной выставки в Монреале (Канада) в 1967 году;

• в 1975 году именем Сент-Экзюпери был назван астероид 2578, открытый астрономом Татьяной Смирновой;

• музеи Сент-Экзюпери существуют во Франции, в России, в Японии, в Южной Корее и в Марокко;

• в Ульяновске существует Лингвокультурный центр имени писателя на базе местного университета;

• в Москве именем Сент-Экзюпери названа библиотека. Эта библиотека сотрудничает с Российским благотворительным фондом «Мир Сент-Экзюпери».

ФРАЗЫ И АФОРИЗМЫ, ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ АНТУАНУ ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

• Самая большая роскошь на свете – это роскошь человеческого общения.

• Ты навсегда в ответе за тех, кого приручил.

• Если человек предал кого-то из-за тебя, не стоит связывать с ним жизнь, рано или поздно он предаст тебя из-за кого-то.

• Любить – это значит смотреть не друг на друга, а смотреть вместе в одном направлении.

• Царство человечье внутри нас.

• У каждого человека свои звезды.

• Человек – всего лишь узел отношений. И только отношения важны для человека.

• Разум обретает ценность лишь тогда, когда он служит любви.

• Жить – значит медленно рождаться.

• Не снабжайте детей готовыми формулами, формулы – пустота, обогатите их образами и картинами, на которых видны связующие нити.

• Не отягощайте детей мертвым грузом фактов, обучите их приемам и способам, которые помогут им постигать.

• Не судите о способностях по легкости усвоения. Успешнее и дальше идет тот, кто мучительно преодолевает себя и препятствия. Любовь к познанию – вот главное мерило.

• Чем заменишь любовь? Ничем. А любовь к самому себе – противоположность любви.

• Нельзя быть верным одним и неверным другим. Верный всегда верен.

• Себя судить куда трудней, чем других.

• Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

• Слова только мешают понимать друг друга.

• Никогда не теряй терпения – это последний ключ, открывающий двери.

• Внутри самого себя не найдешь бессмертия.

• Надо много пережить, чтобы стать человеком.

• То, что дает смысл жизни, дает смысл и смерти.

• Умирают только за то, ради чего стоит жить.

• Человек познает себя в борьбе с препятствиями.

• Со смертью каждого человека умирает неведомый мир.

• Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать.

• Воспитание имеет приоритет над образованием. Создает человека воспитание.

• Сажая дуб, смешно мечтать, что скоро найдешь приют в его тени.

• В человеке я люблю свет. Толщина свечи меня не волнует. Пламя скажет мне, хороша ли свеча.

• Быть человеком – это и значит чувствовать, что ты за все в ответе.

• Правила похожи на религиозные обряды: они кажутся нелепыми, но они формируют людей.

• Прежде чем получить, надо отдать, и прежде чем поселиться в доме, надо его построить.

• Нет, никто не заменит погибшего товарища. Старых друзей наскоро не создашь.

• Человек – это прежде всего творец. А братством можно назвать лишь содружество тех людей, которые трудятся вместе.

• Цель без плана – это просто мечта.

• Работая только ради материальных благ, мы сами себе строим тюрьму.

• Я недорого ценю физическую смелость; жизнь научила меня, что такое истинное мужество: это способность противостоять осуждению среды.

• Совершенство достигается не тогда, когда уже нечего прибавить, но когда уже ничего нельзя отнять.

• Истина – это то, что делает мир проще, а отнюдь не то, что обращает его в хаос.

• Суди сам себя. Это самое трудное. Себя судить куда трудней, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр.

• Есть такое твердое правило. Встал поутру, умылся, привел себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету.

• Тоска – это когда жаждешь увидеть чего-то, сам не знаешь чего.

• Быть может, это и красиво – умереть, чтобы завоевать новые земли, но современная война разрушает все то, ради чего она будто бы ведется.

• С того часа, как оружием стали самолет и иприт, война сделалась просто бойней. Победа достается тому, кто сгниет последним.

• Если я изменился и больше не меняюсь, если не двигаюсь и ни к чему не стремлюсь, чем я отличаюсь от умершего?

• Ты живешь в своих поступках, а не в теле. Ты – это твои действия, и нет другого тебя.

• Хотя человеческой жизни нет цены, мы всегда поступаем так, словно существует нечто еще более ценное.

• Все наши богатства – прах и пепел, они бессильны доставить нам то, ради чего стоит жить.

• Любая цивилизация строится на том, что от людей требуется, а не на том, что им дано.

• Друг – это прежде всего тот, кто не берется судить.

• Отдаленность измеряется не расстоянием. За оградой какого-нибудь сада порою скрывается больше тайн, чем за Китайской стеной.

• Война – не настоящий подвиг, война – суррогат подвига.

• Простая игра в орла или решку не превратится в подвиг, даже если ставка в ней будет на жизнь или смерть. Война – это не

подвиг. Война – болезнь. Вроде тифа.

• Все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит.

Библиография

На русском языке

Антуан де Сент-Экзюпери: библиографический указатель (составитель А. В. Паевская). Москва, 1966.

Буковска, Анна. Сент-Экзюпери, или Парадоксы гуманизма (перевод с польского). Москва, 1983.

Ваксмахер, Морис. Часовой в ответе за всю империю// Французская литература наших дней (книга очерков). Москва, 1967. С. 30–67.

Верт, Леон. Сент-Экзюпери, каким я его знал (перевод с французского). Москва, 2014.

Галанов Б. Е. Мальчик с астероида//Платье для Алисы. Художник и писатель. Диалоги. Москва, 1990. С. 261–280.

Галь, Нора (Элеонора Гальперина). Под звездой Сент-Экса// Нора Галь. Воспоминания. Статьи. Стихи. Письма. Библиография. Москва, 1997.

Грачев, Рид. Антуан де Сент-Экзюпери//Писатели Франции. Москва, 1964. С. 661–667.

Грачев, Рид. О первой книге писателя-летчика//Нева. 1963. № 9.

Григорьев В. П. Антуан Сент-Экзюпери: Биография писателя. Ленинград, 1973.

Губман, Борис. Маленький принц над цитаделью духа//Сент-Экзюпери. Сочинения (перевод с французского). Том 2. Москва, 1994. Из записных книжек Антуана де Сент-Экзюпери//Простор. 1968. № 4. С. 93–97.

Кейт, Куртис. Антуан де Сент-Экзюпери. Небесная птица с земной судьбой (перевод с английского). Москва, 2015.

Котляров В. Н. Звездный путь Экзюпери. Нальчик, 1995.

Мачарашвили Н. А. Антуан де Сент-Экзюпери. Тбилиси, 1972.

Мижо, Марсель. Сент-Экзюпери (перевод с французского). ЖЗЛ. Москва, 1963.

Моруа, Андре. Антуан де Сент-Экзюпери//Литературные портреты (перевод с французского). Москва, 1971. С. 405–430.

Надеждин Н. Я. Антуан де Сент-Экзюпери: Полет длиной в жизнь. Москва, 2008.

Паевская А. В. Антуан де Сент-Экзюпери. Москва, 1966.

Перье, Жан-Клод. Загадка де Сент-Экзюпери (перевод с французского). Москва, 2011.

Сент-Экзюпери, Симона. Мой брат Антуан (перевод с французского). Москва, 2000.

Цендровский О. Ю. Философия Антуана де Сент-Экзюпери: опыт реконструкции//Филологические исследования. 2013. № 4. С. 1–33.

Чанкаева Т. А. Гуманизм в творчестве Антуана де Сент-Экзюпери // Вестник. Ставропольского государственного педагогического института. 2003. Выпуск 1. С. 149–155.

Шаров А. И. Антуан де Сент-Экзюпери //Волшебники приходят к людям (книга о сказке и сказочниках). Москва, 1985. С. 233–245.

Шифф, Стейси. Сент-Экзюпери. Биография (перевод с английского). Москва, 2003.

Юдина Н. В. «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери // Русская словесность. 2006. № 6. С. 26–33.

Яценко Н. И. Мой Сент-Экзюпери. Записки библиофила. Ульяновск, 1995.

На иностранных языках

Ancy, Jacqueline. Saint-Exupéry: l'homme et son œuvre. Paris, 1965.

Anet, Daniel. Antoine de Saint-Exupéry: poète, romancier, moraliste. Paris, 1946.

Bianco, Jean-Claude. Le mystère englouti Saint-Exupéry. Paris, 2006.

Biermann, Karlheinrich. Antoine de Saint-Exupéry. Hamburg, 2012.

Breaux, Adèle. Saint-Exupéry in America, 1942–1943. Madison (New Jersey), 1971.

Cadix, Alain. Saint-Exupéry. Le sens d'une vie. Paris, 2002.

Capestany, Edward. The Dialectic of the Little Prince. Washington, 1982.

Castellano, Philippe. Antoine de Saint-Exupéry. Tome 1: Journal d'une enquête. Éditions R. I.C., 2013.

Castellano, Philippe. Antoine de Saint-Exupéry. Tome 2: Et la vérité jaillit des profondeurs marines. Éditions R. I.C., 2013.

Cate, Curtis. Antoine de Saint-Exupéry: His Life and Times. Toronto, 1970.

Chevrier, Pierre (pseudonym of Hélène de Vogüé). Antoine de Saint-Exupéry. Montréal (Quebec), 1950.

Cotsalas, Valerie. The Little Prince: Born in Asharoken//The New York Times. 10 September 2000.

D'Agay, Frédéric. Album Saint-Exupéry. Paris, 1994.

Dehayes, Thierry. Pique La Lune: sur les pas de Saint-Exupéry en Sarthe (1909–1919). Le Mans, 1998.

Des Vallières, Nathalie. Saint-Exupéry. L'archange et l'écrivain. Paris, 1998.

Devaux, André. Saint-Exupéry et Dieu. Paris, 1994.

Dordor, Pierre. Saint-Exupéry: biographie, 1900–1944. Toulon, 2000.

Dunning, Jennifer. In the footsteps of Saint-Exupery//The New York Times. 12 May 1989.

Gerber, François. Saint-Exupéry, écrivain en guerre. Paris, 2012.

Glode, Eric. Saint-Exupéry's exploits // International Herald Tribune. 23.08.2011. P.11.

Guillot, Renée-Paule. Saint-Exupéry: l'homme du silence. Paris, 2002.

Hanimann, Joseph. Antoine de Saint-Exupéry: der melancholische Weltenbummler.
Eine Biografie. Zürich, 2013.

Higgins, James. The Little Prince: A Reverie of Substance. New York, London, 1996.
John, Beynon. Saint-Exupéry: «Vol de nuit» and «Terre des homes». London, 1990.

Kessel, Patrick. La Vie de St. Exupery. Paris, 1954.

La Bruyère, Stacy de. Saint-Exupéry: une vie à contre-courant. Paris, 1994.

Lhospice, Michel. Saint-Exupéry: le paladin du ciel. Paris, 1994.

Losic, Serge. L'ideal humain de Saint-Exupery. Paris, 1965.

Manoll, Michel. Saint-Exupéry: prince des pilotes. Paris, 1961.

Marck, Bernard. Antoine de Saint Exupéry. Tome 1: La soif d'exister (1900–1936). Paris, 2012.

Marck, Bernard. Antoine de Saint Exupéry. Tome 2: La gloire amère (1937–1944). Paris, 2012.

Migeo, Marcel. Saint-Exupéry. New York, 1960.

Norac, Carl. Le dernier voyage de Saint-Exupéry. Tournai (Belgique), 2002.

Pélissier, Georges. Les Cinq visages de Saint-Exupéry. Paris, 1952.

Peyre, Henri. French Novelists of Today. New York, 1967.
Philips, John. Les derniers jours de Saint-Exupéry. Lausanne, 1989.

Phillips, John. Au revoir Saint-Ex. Paris, 1994.

Phillips, John. Dichter und Pilot Antoine de Saint-Exupéry. Zürich, 1994.

Pradel, Jacques & Vanrell, Luc. Saint-Exupéry, l'ultime secret. Enquête sur une Disparition (préface d'Alain Decaux). Paris, 2011.

Pratt, Hugo. Saint-Exupéry: Sein letzter Flug. Stuttgart, 1995.

Quénelle, Gilbert. Vol de nuit d'Antoine de Saint-Exupéry. Paris, 1973.

Robinson, Joy D. Marie. Antoine de Saint Exupéry (Twayne's World Authors series: French literature). Boston, 1984. PP. 120–142.

Roy, Jules. Passion et mort de Saint-Exupéry. Paris, 1964.

Rumbold, Richard & Stewart, Margaret. The Winged Life: A Portrait of Antoine de Saint-Exupéry, Poet and Airman. New York, 1955.

Saint-Exupéry, Consuelo de. Mémoires de la rose. Paris, 2000.

Saint-Exupéry, Simone de. Cinq enfants dans un parc. Paris, 2000.

Schiff, Stacy. Saint-Exupéry: A Biography. New York, 2006.

Sís, Peter. Le Pilote et le Petit Prince: la vie d'Antoine de Saint-Exupéry. Paris, 2014.

Smith, Maxwell A. Knight of the Air: The Life and Works of Antoine de Saint-Exupéry. New York, 1956.

Tagliabue, John. Clues To The Mystery Of A Writer Pilot Who Disappeared//The New York Times. 11 April 2008.

Tanase, Virgil. Saint-Exupéry. Paris, 2013.

Theisen, Josef. Antoine de Saint-Exupéry. Berlin, 1969.

Vircondelet, Alain & Martinez Fructuoso, Martine. Antoine de Saint-Exupéry. Histoires d'une vie. Paris, 2012.

Vircondelet, Alain. Les Trésors du Petit Prince. Paris, 2014.

Vircondelet, Alain. C'étaient Antoine et Consuelo de Saint-Exupéry. Paris, 2009.

Vircondelet, Alain. La véritable histoire du Petit prince. Paris, 2008.

Wagner, Walter. La conception de l'amour-amitié dans l'œuvre de Saint-Exupéry. Bern, 1996.

Webster, Paul. Antoine de Saint-Exupéry: The Life And Death Of The Little Prince. London, 1993.

Werth, Léon. Mein bester Freund: Erinnerungen an Antoine de Saint-Exupéry. Berlin, 2012.

Об авторе этой книги

Тома Фрэсс, родившийся в 1991 году, провел детство в Кантале, к которому он остался очень привязан. Артанс, «страна камней», с его грубыми и скалистыми пейзажами научил его тому, что истинное благородство заключается в простоте и смирении, что для многих вещей в мире и между людьми не нужны слова.

После первого года обучения праву Тома Фрэсс переориентировался и начал изучать философию в Сорбонне, где он и получил диплом. Его приверженность к этой дисциплине сопровождалась сильным интересом к поэзии. И его карьера была отмечена рядом мыслителей, первым из которых был, несомненно, Анри Груэс, он же аббат Пьер, который вдохновил его своими словами и действиями. Но для молодого человека писательства и поэзии было недостаточно. А что делать, когда хочется организовать широкомасштабные действия?

В 2013 году Тома Фрэсс основал ассоциацию «Оазис». На это его сподвигли два мыслителя: Жиль Делез – с точки зрения ограниченного действия, «микро-сопротивления», и Антуан де Сент-Экзюпери – его философией оазиса и «сопротивления оазисами». Исходя из этого, ассоциация имеет целью пригласить всех встать в центр ответственности, чтобы каждая женщина и каждый мужчина поняли свое собственное благородство и достоинство, исходящее из благородства и достоинства других. Она также черпает вдохновение от таких мыслителей, как Пьер Раби или американец Хантер «Целитель» Адамс. Плюс она имеет целью организацию акций в школах, чтобы самые молодые люди могли познакомиться с поэзией, а также акций по развитию взаимопомощи и солидарности.

notes

Примечания

1

У Сент-Экзюпери танец – это метафора. В «Цитадели» он пишет: «Суть танца, стихотворения, алмаза в преодолении. Незримое, оно насыщает твои труды смыслом. Любая подделка – солома для подстилки в хлеву. Танец – это поединок, совращение, убийство, раскаяние». – *Прим. пер.*

2

Сент-Экзюпери отождествляет себя с садовником. Образ садовника у него – символ неустроенности жизни человека, тоски по обществу, где он был бы необходим. В «Цитадели» он пишет: «Чтобы созрел апельсин, мне нужны удобрения, навоз, лопата – чтобы выкопать яму, нож – чтобы отсечь ненужные ветки; тогда вырастет дерево, способное расцвести. Но я – садовник, я занят землей, я не забочусь ни о цветах, ни о счастье, потому что прежде цветов должно быть дерево и прежде счастья должен быть человек, способный стать счастливым». – *Прим. пер.*

3

Риада (от арабского «сад») – это традиционный марокканский дом или дворец. Риады обычно имеют внутренний дворик с садом, откуда естественный свет проникает во все комнаты дома. – *Прим. пер.*

4

Братья Райт совершили первый полет в Китти-Хоук – длиной 39 метров за 12 секунд – 17 декабря 1903 года. – *Прим. пер.*

5

Charles Sallès. Souvenirs d'une amitié//Icare, № 69, été-automne 1974. P.81.

6

Dédicaces et autres textes de circonstance//Œuvres, Gallimard, coll. «La Pléiade», 1994, vol. II. P.1055.

7

Так назывался британский одноместный истребитель. Это был биплан цельнодеревянной конструкции со смешанной обшивкой фюзеляжа (передняя часть – дюраль, борта кабины и гаргрот – фанера, остальное – полотно). Его серийное производство было начато в мае 1917 года, и он имел 9-цилиндровый двигатель «Клерже» мощностью в 130 л. с. – *Прим. пер.*

8

Жан Мермоз (1901–1936) – знаменитый французский авиатор, которому Дора едва не отказал в приеме на работу за то, что тот превратил первый испытательный полет в каскад воздушных трюков. Пропал без вести в Аргентине 7 декабря 1936 года, отправившись в почтовый рейс на полуисправном самолете. Анри Гийоме (1902–1940) – французский авиатор, друг Мермоза и Сент-Экзюпери. 27 ноября 1940 года его самолет был сбит над Средиземным морем итальянским истребителем. Тогда же погиб и Марсель Рен (1901–1940), еще один из пионеров французской авиации и близкий друг Сент-Экзюпери. – *Прим. ред.*

9

Сьерра (*исп. sierra* – буквально «зубчатая пила») – горная цепь. – *Прим. пер.*

10

Henri Delaunay. Sous le charme du virtuose//Icare, № 69, été-automne 1974. P.152.

11

На самом деле это слова из книги «Южный почтовый». – *Прим. пер.*

12

Lettre à Charles Sallès reproduite à la suite du témoignage de «Souvenirs d'une amitié//Icare, № 69, été-automne 1974. P.89.

13

Тарфая – небольшой городок на юго-западе Марокко. Ранее он был административным центром испанского анклава Сектор Тарфая, или Мыс Хуби (Cabo Juby), переданного Марокко в 1958 году. В 1927 году компания «Аэропосталь» начала использовать аэродром Мыс Хуби (благодаря творчеству Антуана де Сент-*Экзюпери* сейчас название это более известно в России в другом произношении – *Кап*-Джуби) для промежуточных посадок при доставке почты на линии Париж – Дакар. Писатель провел там 18 месяцев. – *Прим. пер.*

14

В соответствии с соглашениями с Францией 1904 и 1912 годов. Испания присоединила территорию Сегиет-эль-Хамра к созданной в 1904 году колонии Рио-де-Оро (Золотая река). В 1924 году она была объединена с колониями Агуэра и Мыс Хуби под названием Испанская Сахара со столицей в форте Кап-Джуби. С тех пор термин Рио-де-Оро закрепился за всей территорией Западной Сахары. – *Прим. пер.*

15

Королевство Марокко получило независимость в 1956 году, при этом против испанского колониального господства подняли восстание сахарские племена – в основном регибат (эргибат или эр-Гибат).

16

Гандура – национальная одежда арабских мужчин. Ее носят мужчины в Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, Сирии, Палестине, а также в странах Северной Африки. Гандура представляет собой свободное длинное одеяние с рукавами и воротом. Обычно вместе с гандурой арабы носят головной платок – куфию. – *Прим. пер.*

17

Cité par Bernard Marck dans «Antoine de Saint Exupéry, La soif d'exister» (1900–1936). L'Archipel. P.241.

18

Фе́нек – миниатюрная лисица своеобразной внешности, которая живет в пустынях Северной Африки. Свое имя этот зверек получил от арабского слова fanak, что означает «лиса». Это самый маленький представитель семейства псовых, по размерам он меньше домашней кошки, и весит он до 1,5 кг. – *Прим. пер.*

19

Bernard Marck dans op. cit., p. 220: «Le désert est bien une terre de contrastes. Saint Exupéry observe le glissement constant de l'ombre à la lumière, du substantial à l'immatériel, du sentir au paraître».

20

Joseph Kessel. Le Messager du bled//Le Journal, 15 février 1929 (cité par Bernard Marck, op.cit. P.283).

21

Каса Росада (Розовый дом) – официальная резиденция президента Аргентины, расположенная в центре Буэнос-Айреса на восточной стороне площади Пласа-де-Майо. – *Прим. пер.*

22

«Лате-25» – транспортный самолет, разработанный французской фирмой «Латекоэр». Самолет был создан на базе транспортного самолета «Лате-17». Первый полет этого самолета, оборудованного одним двигателем «Рено» мощностью 450 л. с., состоялся в 1926 году. – *Прим. пер.*

23

Reliability, Availability, Serviceability (надежность, готовность, удобство обслуживания) – международный термин из области надежности систем. – *Прим. пер.*

24

«Потез 25» (Potez 25) – французский двухместный многоцелевой биплан, созданный в 1920-х годах авиастроительной компанией «Потез». Модель использовалась как бомбардировщик, истребитель и самолет-разведчик. В начале 1930-х годов этот самолет стоял на вооружении Франции, Польши, СССР и США. – *Прим. пер.*

25

На самом деле это слова из книги «Планета людей». – *Прим. пер.*

26

Энгельберт Дольфус – австрийский политический деятель, лидер Христианско-социальной партии, позднее Отечественного фронта. Канцлер Австрии в 1932–1934 годах. Был убит путчистами 25 июля 1934 года. – *Прим. пер.*

27

Полковник Франсуа де Ля Рок в 1936 году основал Французскую социальную партию (Parti Social Français – PSF) – национал-консервативную популистскую партию, а Жан Мермоз был одним из руководителей этой партии. – *Прим. пер.*

28

«Легион Кондор» – добровольческая германская военно-авиационная часть, которая была отправлена для поддержки в испанской гражданской войне националистов Франсиско Франко. Легион состоял из четырех эскадрилий бомбардировщиков и четырех эскадрилий истребителей. Также в состав легиона входили отряды противовоздушной и противотанковой защиты. Численность германского легиона составляла около 5500 человек. – *Прим. пер.*

29

Базиль Захарофф (1848–1936) – мультимиллионер, торговец оружием и бизнесмен, о котором говорили, что он «питал конфликты, чтобы продавать оружие обеим сторонам». Он владел 14 языками, а его имя произносилось по-разному в зависимости от страны пребывания: в Англии – Бэзил, в России – Василий Васильевич, во Франции – Базиль. Он получил прозвища «международный человек-загадка», «торговец смертью», «европейский призрак» и т. д. – *Прим. пер.*

30

«Огненные кресты» (Les Croix de Feu), или «Боевые кресты», – военизированная националистическая организация во Франции в период между двумя мировыми войнами. Она была основана в 1927 году как ассоциация бывших фронтовиков, награжденных боевыми орденами. С 1932 года во главе организации стоял полковник Франсуа де Ля Рок, под руководством которого небольшая аполитичная организация достигла 300-тысячной численности и заняла четкие политические позиции в духе крайне правого консерватизма. – *Прим. пер.*

31

«Аксьон франсез» (Action française) – монархическая политическая организация, возникшая во Франции в 1899 году. Под этим названием она просуществовала до 1944 года, опираясь на националистически настроенные круги армии и аристократии. – *Прим. пер.*

32

Rapporté par Jean-Gérard Fleury à Bernard Marck le 24 octobre 1988, op.cit. P.471.

33

Всемирная выставка проходила с 25 мая по 25 ноября 1937 года в Париже. Символом советского павильона стала 24-метровая скульптурная группа «Рабочий и колхозница», выполненная по проекту В. И. Мухиной. Внутри советский павильон представлял собой галерею длиной 150 м. Среди экспонатов выставки советского павильона демонстрировалась «Карта индустриализации СССР» площадью 19,5 кв. м, выполненная из драгоценных и полудрагоценных камней. Гран-при получили паровоз серии ИС, трактор «Сталинец», фильм «Чапаев», станции московского метро «Сокольники» и «Кропоткинская» и т. д. Скульптура «Рабочий и колхозница» оценивалась французской прессой как «величайшее произведение скульптуры XX века». – *Прим. пер.*

34

Henri Delaunay. Araignée du soir. France-Empire, 1968.

35

«Кодрон С. 630 Симун» (Caudron C.630 Simoun) – самолет, разработанный в 1934 году Марселем Риффаром для фирмы «Кодрон». Он представлял собой четырехместный моноплан с повышенной надежностью и комфортностью. Он имел 6-цилиндровый двигатель «Renault Bengali 6Q-09» мощностью 220 л. с. – *Прим. пер.*

36

Эрг – арабское название песчаных массивов Северной Африки. Для эргов характерно наличие барханов, дюн, летающих песков, солончаков, а также незначительное наличие или полное отсутствие растительного покрова. – *Прим. пер.*

37

Атанор – один из главных терминов алхимиков. С одной стороны, это печь, в которой совершается Великое Делание. В более широком смысле понятие не имеет отношения к химическому оборудованию и посуде. В определенных случаях атанор – это сам Делатель, это его тело в совокупности физических и парафизических составляющих. – *Прим. пер.*

Rapporté par Bernard Marck, op.cit. P.439.

39

Marie-Hélène Carbonel et Martine Fransioli Martinez. Consuelo de Saint Exupéry, Une mariée vêtue de noir. Éditions du Rocher. P.272–273.

Первоначальное название книги – «Каид» (каид – племенной вождь у североафриканских народов). Новое же название «Цитадель» отражает главную идею книги: «Крепость моя, я построю тебя в человеческом сердце». – *Прим. пер.*

41

Симона де Сент-Экзюпери была дипломированным архивариусом. Она работала сначала в Лионе, а потом ее перевели в Сайгон, где она прожила 25 лет. – *Прим. пер.*

42

Ницше говорил: «Мы должны считать каждый день потраченным впустую, в который мы не танцевали хотя бы раз». Но он подразумевал под этим не танец в прямом смысле этого слова. Самая большая проблема, согласно Ницше, заключается не в том, что человек «не удался», а в том, что он так и не научился «танцевать поверх самого себя». По его мнению, «танец есть начало и конец совершенства тела и духа, путь его исполнения и качество достижений». Танец в философии Ницше являет собой инструмент притчи, это некий символ, который наглядно выражает собой понятия жизни, становления, просветления и мудрости. Легкость – есть свойство танца и божественного бытия. Но ради мира легкого должен быть и мир тяжести, «ибо не должно ли существовать то, на чем будут танцевать?». – *Прим. пер.*

43

Сент-Экзюпери пишет: «Танец – судьба, танец – жизненный путь <..> Танец – это борьба в ночи с ангелом. Танец – и война, и совращение, и убийство, и раскаяние». – *Прим. пер.*

44

Еще древние шумеры считали кедр священным деревом жизни. Они верили, что кедр – символ могущества, величия и бессмертия – был создан Богом как накопитель энергии космоса на земле. Антуан де Сент-Экзюпери пишет: как кедр растит себя каждую секунду, так и здоровая жизнь стремительно движется по извечному вектору самосозидания. Кедр у Сент-Экзюпери – тоже глубокий символ, и об этом говорят следующие фразы, давно ставшие афоризмами: «Ты можешь изменить все. На бесплодной равнине вырастить кедровый лес. Но важно, чтобы ты не конструировал кедры, а сажал семена». Или вот так: «Кедр не ненавидит все то, что не кедр, он питается каменистой почвой и превращает ее в кедр». – *Прим. пер.*

45

В договоре с американским издательством книга именовалась «Ветер, песок и звезды». – *Прим. пер.*

46

Маргарита Шапеи (урожденная Жиру) умерла в 2014 году, в возрасте 94 лет. – *Прим. пер.*

47

Национальный центр научных исследований (Centre National de la Recherche Scientifique) – ведущее научное учреждение Франции. Основан 19 октября 1939 года физиком Жаном-Батистом Перреном. – *Прим. пер.*

René Gavoille. Il est des nôtres//Icare, № 78, automne 1976. P.28.

49

DeSoto (также De Soto) – марка автомобилей, разработанных компанией «Крайслер» и выпускавшихся в США в период с 1928 по 1961 год. Фирма DeSoto официально прекратила свое существование, произведя на тот момент свыше 2 млн машин. – *Прим. пер.*

50

Самолеты нового поколения «Блох MB.174» начали поступать в разведывательные авиагруппы менее чем за два месяца до начала немецкого наступления. Они были сконструированы под руководством Анри Деплана из бюро концерна SNCASO на заводе в Курбевуа. Эта модификация предназначалась в основном для разведки и маркировки целей, но могла и ограниченно использоваться в роли бомбардировщика. – *Прим. пер.*

51

Suzanne Massu. L’arche de Noé//Icare, № 78, automne 1976. P.97.

52

Это произошло 27 ноября 1940 года. Анри Гийоме вылетел из Марселя на четырехмоторном «Фармане», направляясь в Тунис вместе с Жаном-Батистом Кьяппом, недавно назначенным представителем французского генерального штаба в Леванте. Самолет исчез где-то над Средиземным морем. – *Прим. пер.*

53

30 января 1941 года в американских газетах появилось сообщение о том, что французское коллаборационистское правительство Франции назначило Антуана де Сент-Экзюпери членом созданного в Виши Национального Совета. Чувствуя себя скомпрометированным, писатель на следующий день заявил в американской печати и по радио, что сам узнал о назначении из газет. Он сказал: «Я отклонил бы его, если бы моего согласия спросили». Однако этот случай дал недругам Сент-Экзюпери повод обвинять его в сотрудничестве с правительством Виши. – *Прим. пер.*

Ad hominem, или *argumentum ad hominem* (аргумент к человеку, или переход на личности), – аргумент, основанный на персоне оппонента, а не на сути дискуссии, объективных фактах и логических рассуждениях. – *Прим. пер.*

55

René Chambe. Retour au combat//Icare, № 96, printemps 1981. P.41.

56

Эту книгу запретили не только немецкие оккупанты и петэновские власти. Штаб Шарля де Голля тоже запретил эту книгу в Северной Африке: генерал явно не одобрял позицию Сент-Экзюпери. – *Прим. пер.*

René Chambe, art.cit. P.40.

58

Самолет-разведчик «F-5B-1-LO LAC 2734», оснащенный фотооборудованием. Это была лишенная вооружения модификация тяжелого двухмоторного истребителя «P-38 Lightning» американской фирмы «Локхид». – *Прим. пер.*

59

Шарль Бедо утверждал, что нашел научно обоснованную связь между работой и утомлением. Система Бедо, получившая широкое распространение в США и в странах Европы в 1930-х годах, создавала основу для применения универсальной меры оценки всех видов работ – «один Бедо». Эта единица использовалась в качестве базовой для расчета вознаграждения при сдельной системе оплаты труда, но она рассчитывалась очень сложно и была мало понятна рабочим. – *Прим. пер.*

Les Annees Folles (Безумные годы) – эпоха 20-х годов XX века, когда процветали искусство, культура и наука. – *Прим. пер.*

61

Политический и литературный еженедельник, основанный в 1928 году. Одним из его создателей был Жозеф Кессель. – *Прим. пер.*

62

Знаменитый Дом сыра, располагающий на сегодняшний день шестью сыроварнями в Париже и одной сыроварней в Стокгольме. – *Прим. пер.*

63

Каламбур автора, связанный с британским орденом Подвязки – одним из старейших орденов в мире. Существует ряд легенд о происхождении этого ордена, и известнейшая связана с графиней Солсбери. Якобы во время танца с королем она уронила подвязку и окружающие засмеялись, король же поднял подвязку и повязал ее на собственную ногу со словами: «Honi soit qui mal y pense» («Пусть будет стыдно подумавшему об этом плохо»). Эта фраза стала девизом ордена. – *Прим. пер.*